

1
1974

У Р А Л Ь С К И Й
С Л Е Д О П Ы Т

Фото С. СЛЕПЫНИНА (г. Свердловск)

В НОМЕРЕ:

Л.Р.

Б. Вайсберг. ПЯТЬ ДНЕЙ В НАЧАЛЕ ПУТИ	2
СЛЕДОПЫТСКАЯ ХРОНИКА	7
А. Щербань. ЕЗДОВОЙ ЦЫСЬ	8
Ю. Елфимов. КАСЛИНСКАЯ ЛЕНИНИАНА	14
Л. Сабинина. ТРОЕ И МОТОР	17
А. Шмаков. С ДУМОЙ О «НАБЕГЛОМ ЦАРЕ»	31
Н. Вишнякова. СТИХИ	34
Л. Кузнецова. МАЛЬЧИК, ПОЙМАВШИЙ ЗВЕЗДУ	36
А. Кириченко. ДАВНЫМ-ДАВНО	38
Е. Карташев, В. Слукин. ПРОПАВШАЯ СТРАНА ЭЛЬ- ДОРАДО	44
Н. Никонов. ПОДСНЕЖНИКИ	48
А. Комлев. СТИХИ	61
Л. Костина. ДВОРЕЦ МАСТЕРОВ	62
И. Полуянов. В ТАЕЖНОЙ ГЛУШИ	63
М. Брулинская. ЗАЧЕМ ВЗВЕШИВАЮТ КОМАРОВ!	70
Б. Цимакурдзе. ЖУК В ЯНТАРЕ	75
ФОТОКОНКУРС «ЧЕЛОВЕК И ПРИРОДА»	76
В. Петрин, Н. Смирнов. РИСУНКАМ ТЫСЯЧИ ЛЕТ	79
СЕРЬЕЗНОЕ С КУРЬЕЗНЫМ	80

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ ДЛЯ ДЕТЕЙ И ЮНОШЕСТВА

ОРГАН СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ РСФСР,
СВЕРДЛОВСКОЙ ПИСАТЕЛЬСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ
И СВЕРДЛОВСКОГО ОБКОМА ВЛКСМ

ГОД ИЗДАНИЯ ШЕСТНАДЦАТЫЙ

1
1974

...лова», твердо дать.
из соседнего Сегодня Сергей Мезинов, к которому его при-
н рассказывал, ставили учеником, сказал:
— Вот наши четыре станка, со временем на

УРАЛЬСКИЙ
СЛЕДОПЫТ

Б. Вайсберг

ПЯТЬ ДНЕЙ В НАЧАЛЕ ПУТИ

Бывает, идешь по заводу, а навстречу спешит-торопится паренек: спрашивает, заглядывая в бумажку, где цех М-5. Объяснишь ему, как пройти. По бумажке, да и по виду паренька сразу ясно: поступает на работу. Ни спасибо, ни пожалуйста — голова не тем занята, волнуется. Решается вопрос жизни.

А другого интересует техническая библиотека. В руке тоже бумажка — «бегунок», обходной лист. Значит, увольняется. И этот без «пожалуйста-спасибо», некогда, столько надо еще обежать, подписи получить.

Каждый день приходят и уходят молодые. Как поступают, что чувствуют, как работают, почему увольняются? Вот это мне и захотелось понять. Однажды познакомился я с симпатичным парнем Сергеем Аристовым и решил рассказать читателям журнала о нескольких днях его рабочей жизни.

ДЕНЬ ПЕРВЫЙ

октябрь 1972

За десять школьных лет у него выработался четкий рефлекс: лето — твое, с осени — заботы. Весь сентябрь он, по его собственному выражению, «тыкался на заводы». Надоело! Болтаешься без дела, чувствуешь себя тунеядцем. А почему? Малолетка, «салажонок», семнадцать лет. Таких на заводы берут неохотно, если вообще берут.

Мама сказала: «Иди к нам на ЗИК, будем вместе на работу ездить». В отделе кадров завода имени Калинина, едва посмотрев на паспорт, велели зайти через недельку.

После Сережа понял: это такой прием, когда отказать нельзя и принять не хотят. Он не знал, что предприятия обязаны трудоустроить подростков, что есть специальные комиссии при райсоветах, куда можно было зайти за помощью. Многого он не знал, как, впрочем, все они — малолетки, оказавшиеся между школой и вузом.

Обещал устроить отец. Работа у него интересная: наладка механизмов на торговой базе. Сергей бывал там, видел, как машины сами насыпают сахар в мешки, заклеивают, складывают в штабеля. На базе рабочие не требовались. То есть нужны были грузчики и квалифицированные механики. Первым Сережа быть не хотел, вторым — не мог.

Вспомнил, что однажды в класс приходили шефы с Уралмаша, приглашали работать на завод. Побродил по коридорам огромного отдела кадров, толком ничего не понял, махнул рукой.

...В этот день Сережа Аристов сел в трамвай семнадцатый номер «Уралмаш — Эльмаш» и сошел на остановке «Завод имени Ворошилова», твердо решив кончать волынку. Приятель из соседнего подъезда работает на «турбинке», он рассказывал, что подростков там иногда берут.

Когда женщина в окошке взяла паспорт, Сережа замер, пригрозился спросить: «Когда зайти — через месяц, через год; через сто лет?»

— В инструментальном цехе нужны ученики фрезеровщика. Вот направление к начальнику.

Настроение сразу поднялось. Сережа вошел в завод, расспросил, как пройти в цех, нашел начальника — Александра Сергеевича Кима. Тот подвел его к мастеру Александру Сергеевичу Коновалову.

— Вот вам ученик, прикрепите к Кошечеву или Мезинову.

А потом все пошло быстро, его даже подталкивали, если он мешкал. Медосмотр, инструктаж по технике безопасности. Их набралось десятка полтора, таких же, как он, «салажат». Даже знакомых Сергей встретил. Кого куда направили: одних — в моторные цехи, других — в турбинные, и только его — в инструментальный.

В этот день он лег спать с легким сердцем. Мучения кончились, ощущение тунеядства — тоже. «Завтра приходи к восьми, без опозданий, — сказал мастер Коновалов, — будешь учиться у Мезинова Сергея». «Тезка, значит», — подумал Сережа и развернул бумажку, которую дали в отделе кадров. На радостях, что не отказали, он забыл о ней и теперь на сон грядущий стал изучать.

«Напутствие поступающему работать на ордена Ленина, дважды ордена Трудового Красного Знамени Уральский турбомоторный завод им. К. Е. Ворошилова».

Ух ты, как звучит!

«Надеемся, что Вы поступили на завод для постоянной, многолетней работы, чтобы стать кадровым рабочим...»

Ну конечно, о чем речь!

«Выполняйте все указания мастера или старшего по должности...»

Рад стараться!

«Если у Вас возникнут вопросы, сомнения или просьбы, обращайтесь к любому руководителю...»

Да чего там, вопросов нет.

«В добрый путь, наш новый товарищ!»

Спасибо.

Сережа сунул бумагу под подушку и натянул на голову одеяло.

ДЕНЬ ВТОРОЙ

декабрь 1972

Итак, Сережа — рабочий. Правда, неквалифицированный, ученик фрезеровщика. Но это формальности. Главное, он работает, не шатается уныло по улице.

Вот станок, вот фреза, вот изделие, вот Сергей. Станок гудит, фреза вертится, летит стружка, Сережа крутит рукоятки.

Приходит он на завод ровно к восьми. Как в школу бегал — точно к восьми тридцати, зачем раньше? Он еще не приметил, что чем старше рабочий, тем раньше он приходит. Переодеться без спешки, приготовить инструмент, чертежи посмотреть, самому настроиться. Всего этого Сережа пока что не знает, для него пока что главное — не опоздать.

Сегодня Сергей Мезинов, к которому его привели учеником, сказал:

— Вот наши четыре станка, со временем на всех будешь работать. А пока становись сюда, подними на стол тисы, закрепи вот эту заготовку. Ясно?

Чего тут неясного!.. Тисочки — ого-го, тяжелые. Пулок развяжется. Сережа парень хоть и высокий, да тонкий, силы еще не набрал. Стал крутить винт тисов — ключ соскочил. Пока зажал заготовку, пальцы прищемил. К ссадинам он привык.

«Я ведь с третьего класса при технике, — говорил он мне потом. — Отцу помогал машину ремонтировать, за это он давал мне руль подержать».

Когда это было — третий класс! Кончилось дет-

ство, началась трудовая жизнь. Как раз до обеда установил Сережа заготовку, разобрался в чертеже. Куда тут ходят обедать? Все вместе пошли в столовую: Игорь Кощев — самый опытный на участке, Сергей Мезинов, который в свое время учился у Игоря, и Сережа Аристов. Можно сказать — бригада, хотя у каждого свой наряд.

Быстренько ополоснул руки и принялся за раскормку в рабочей компании. В черных руках белый хлеб — вкусно!

Позже поймет, что если по грязным рукам и судят о рабочем человеке, то в обратном смысле, — кадровый и запачкает несильно и отмоет почище. А пока ешь Серега свой первый трудовой хлеб!

После обеда Мезинова куда-то позвали, Кощеву некогда возиться с Сережей. Сказал, чтобы походил пока по заводу, посмотрел другие цехи. Читал Сережа непонятные буквы: ПДБ, БТК, ТБ, ломал голову. Спрашивать у взрослых неудобно, все заняты. Один, такой же малолетка, объяснил, что БТК — это бюро технического контроля, а больше не знает.

Потом случился казус: наш Сережа заблудился. Прошел к бассейну, мимо памятника погибшим на фронте, и очутился у цеха комбайнов. Пришлось спрашивать обратную дорогу. Какой огромный завод, конца-краю не видно!..

Мезинова не было, Сережа сам решил фрезеровать, без присмотра. Чего тут сложного! Включил станок и поехал. Приехал к самому краю — Мезинов стоит за спиной, улыбается.

— Смотри, что получилось: ромб вместо квадрата. Неправильно закрепил в тисах.

Так усвоил Сережа еще одну мудрость: хороший зажим — половина успеха. Стал приглядываться, как зажимают «старики». Особенно понравилось у Кощева: тот долго устанавливает изделие, слегка подождет, присядет и смотрит на свет, потом сбоку зайдет — глаз прищурит, будто целится. Снова подождет, постукает, а уж тогда плавно и мощно, с разгоном, затянет ключом тисы. Сам маленький, откуда что берется! Прямо физически чувствует Сережа, как крепко и хорошо встает на свое место заготовка.

Накануне он принес домой первую зарплату — 62 рубля с копейками. Мать сказала: «Надо же» — и прослезилась.

А отец поинтересовался, как платят ученические.

— По убывающему, — сказал Сережа, — очень интересно: первый месяц семьдесят пять процентов тарифа плюс сколько заработаю, второй — шестьдесят, третий — сорок пять и еще три месяца по двадцать процентов тарифа плюс сколько заработаю.

— Ну и сколько ты заработал? — спросил отец.

— А не знаю, тут все вместе.

Отец прикинул и засмеялся:

— Почти ничего ты не заработал, сынок. Гольый тариф тебе заплатили. А чего делал-то?

— Строгал плиты.

— Как — строгал? Ты же фрезеровщик.

— А у нас все говорят так — строгал.

И отец понял, что сын и вправду становится рабочим.

ДЕНЬ ТРЕТИЙ

февраль 1973

Заходя в завод, Сережа идет теперь не прямо по аллее, в свой инструментальный, а сворачивает направо. Мимо складской эстакады, минуя здание конструкторского бюро паровых турбин и ныряет

в «семипролетку» — огромный блок цехов. По железной лестнице топает на самую верхотуру — в учебный класс. Здесь молодые рабочие проходят курс технического обучения. Без теории разряд не получишь.

Мне не раз поручали вести занятия в таких группах. Много ребят прошло через мои руки. Сережу не помню, жаль: за 15—20 учебных часов всех не упомянешь.

Урок в учебном классе начинается по звонку — все как в школе, кроме одного: за окном не улица, а цех. Видно, как в двух шагах ходит, постукивая по рельсам, мостовой кран. Внизу, в цехе, истошно воют пневматические машинки, гудят станки, гремит железо по железу.

Под этот аккомпанемент и учимся. Он помогает — настраивает на производственный лад, и мешает — трудно говорить и слушать.

Сидит в классе особый народ. Те, кто не пошел учиться в техникумы и вузы, не захотел идти в ГПТУ. Прямо сказать, не самые лучшие ребята. Дальней цели не имеют, зато ближняя совершенно ясна: получить разряд и самостоятельно работать. Из этого и исходим мы, инженеры, которым поручают вести занятия.

Каждый раз я ломаю голову: как подступнее объяснить этим ребятам основы техники. Чтобы интересно было и понятно. Чтобы помогал работать и было связано с заводом. Скажем, сегодня — термообработка стали: отжиг, нормализация, отпуск, закалка. Замечали — утюг нагревается за минуту, а остывает за час? Почему?

Слушают по-разному: одни внимательно, другие делают вид, третьи дремлют, читают детективы, шепчутся.

Делаю замечания, на время помогает, а дальше — то же самое. Вот записывает Казаков, староста группы. Серьезный парень, отслужил в армии — видно, что уже определился в жизни. Полненькая девушка смотрит на меня в упор, но, чувствую, ничего не понимает. Где я видел это круглое, румяное лицо?

— Вы к нам в цеховую столовую ходили, — отвечает она, — я там на раздатке работала.

— А почему на станок пошла, если не секрет? Краснеет, вяло отмахивается. Надоело там, говорит. Сзади кто-то гудит:

— Ей нельзя в столовой, растолстеет, — и тут же получает тетрадкой по голове.

Все довольны, смеются. Разрядка. Сколько в них еще детского. Вот те двое пыхтят, выталкивая друг друга из-за парты. Где работают, что делают в цехе?

— Ученики слесарей, работа на подхвате: пилим, сверлим, что дадут.

Что пилят, что сверлят и зачем все это нужно, конечно, не представляют. За второй партией свободное место. Посадим туда мысленно нашего Сережу, что бы он делал? Наверное, читал бы детектив.

Я понимаю их: за десять лет осточертела учеба, а тут опять сиди, слушай.

— Знаете что, — говорю всем, — пойдемте на стенд, там как раз турбину собирают.

С радостью повскакали с мест. На стенде притихли, никогда в жизни не видели настоящую паровую турбину. Долго смотрят, как краном ставят огромную деталь, как ходят вокруг полусобранной машины сборщики. Инженеры о чем-то говорят, держа перед собой, как газету, чертеж.

— Ищите свою работу в турбине, — предлагаю я ребятам, заранее зная, что не найдут. Сотни деталей, тысячи операций. Один все-таки нашел: вот

этот болт обрабатывал, толовку фрезеровал. Молодец!

А Сереже моему объяснил бы: он инструментальщик, делал приспособление для контроля лопаток. Лопатки — вот они, блестящие, одинаковые. Их долго обрабатывали, потом проверяли размеры. Чем проверяли? Шаблонами. Куда ставить шаблоны? В приспособление. Вот где твоя работа! Ощущаешь свою причастность? Нет, рано его еще спрашивать об этом. Должно пройти какое-то время, прийти понимание, что такое свет и тепло, которое дает турбина; нужно кое-что пережить, узнать, перечувствовать. Вот тогда появится ощущение своей связи со сложным миром завода.

...Вернулись в класс. Замечаю на лицах у своих ребят новое выражение. Шутники меньше острят, озорники притихли, засоны проснулись. Теперь и мне легче толковать про термообработку. И так, вернемся к уютю: почему такая разница во времени? Потому что нагрев — принудительный, охлаждение — естественное, на воздухе. На соотношении нагрева, выдержки и охлаждения и строится вся термообработка. Видели ротор турбины? Его обрабатывают так...

Теперь это не очень скучно. На свободном месте, за второй партой, Сережа начал записывать.

ДЕНЬ ЧЕТВЕРТЫЙ

май 1973

Сегодня он получил удостоверение. Там сказано, что «Аристову Сергею Аркадьевичу, 1955 г. р., присвоена квалификация фрезеровщика второго разряда».

Почему сразу второго? Сережа знает: в инструментальном производстве первого разряда нет. Здесь делают изделия второго порядка, более высокого, чем в обычных цехах. Но отчего у него второй разряд и у Мезинова тоже второй — этого Сережа понять не может, и ему неловко. Разница в квалификации у них очевидная. Правда, Мезинов готовится сдавать на третий разряд. Тогда все правильно: он кончает работать по второму, а Сережа начинает — в этом вся разница.

Как вручали удостоверения?

...Собрали всех первогодков в главном зале. Говорили торжественные речи, теплые слова, выступали кадровые рабочие, всем дарили цветы, подарки. Чтоб на всю жизнь запомнился момент, когда ты превратился в квалифицированного рабочего. Хотя всем понятно, что это формальность, — экзамены по техминимуму сдали месяц назад, уже первую самостоятельную зарплату получили. А все равно приятно и радостно...

Признаюсь, не было торжества, я его придумал. Было проще. Подошел к Сереже мастер Коновалов: — Ты не мог бы сегодня остаться на пару часов после работы? Срочное задание... Да, чуть не забыл: просили передать удостоверение, держи!

— А чего, смогу конечно, — сказал Сережа, сунув удостоверение в карман, дома рассмотрит как следует.

Коновалову нравится этот паренек: не лодырь и покладистый. Имеет право не оставаться после рабочего дня, но не отказывается. И Сережа тоже доволен своим мастером: недавно сломал фрезу, а Коновалов не ругался, велел сдать слом и взять новую фрезу. Даже объяснил, отчего это случилось: включились сразу две скорости, возникла вибрация,

и фреза врезалась в металл. Понятно. Такое бывает и в автомашине, отец рассказывал.

Значит, Сергей Аркадьевич Аристов отныне самостоятельный рабочий. Имеет твердый заработок — в среднем сто рублей. Солидно для человека семнадцати лет от роду и с полугодовым стажем.

Между прочим, некоторые, пройдя курс ученичества, не сдают экзамен, а переходят на другую специальность — снова учениками. Расчет хитрый: на самостоятельной работе надо вкалывать, чтобы заработать. А ученику идут ученические. Сережа о таких слышал и удивлялся: придумают же, ну и артисты!

Домой он возвращается рано, у малолеток короткий день. Перекусил, что мать оставила с утра, и полдня твои. Скорее на волейбольную площадку, у Сережи уже давно спортивный разряд. У него явные данные для волейбола: рост, реакция, гибкость.

— По спортивной линии не хотел бы пойти! — спрашивал я, когда мы ближе познакомились.

— Ненадежное дело, — солидно отвечал Сергей, кого-то копируя, видимо, отца.

— А какое надежное?

— Не знаю, — по-мальчишески беззаботно отвечал он, никого не копируя.

...Хочу объяснить, зачем я придумал торжественное вручение удостоверений. Рабочему ремеслу обучить легче, чем привить уважение к нему. А как привить? Душеспасительными беседами? Они еще ни одной души не спасли. Просто бросить в рабочую жизнь — сами поймут? Ненадежное дело, как сказал Сы наш Сережа.

Сейчас заговорили о производственной педагогике. Так сказать, о воспитании без отрыва от производства. Первая деталь, первая зарплата, получение удостоверения, сломанный инструмент, удачно выполненная работа — умения на всем можно воспитывать. Но в том и беда, что не умеем, не обучены, хотя и ссылаемся на нехватку времени. Умели бы — нашлось бы время!

...Первая смена ушла домой, пришла вторая, а Сережа остался. «Вот плиты, — сказал Коновалов, — сбей наплывы от газорезки и отстрогай габариты по чертежу. Только осторожнее с зубилом».

Предупреждение не помогло, тяпнул по пальцу. Зубило чем сложно? Надо смотреть сразу на оба конца. По тупому бьешь — острый рубит. Сергей смотрел на тупой, берег руку, но не мог попасть острым концом по железу. Посмотрел на острый — угодил молотком по пальцу. Помахал рукой, пососал больное место и, оттопырив палец, застучал дальше.

Вот еще один рабочий секрет, которым ему предстоит овладеть. Здесь никакое воспитание не поможет. Это «детская болезнь», черз которую проходят все «салажаты». Пусть бьют по пальцам, лишь бы не очень сильно, чтобы не нагнать страха на всю жизнь.

ДЕНЬ ПЯТЫЙ

июль 1973

Жизнь у Сережи теперь совсем особенная. Каждый день поделен пополам: первая половина — учеба в военкомате, вторая — работа на заводе. Какая из половин важнее, сказать трудно, обе важные. Хотя в военкомате интереснее — обучают автоделу.

Обычно на заводе основную работу стараются закончить в первую смену. Стало быть, для Сережи военная учеба на данном этапе — дело первоста-

тейное. Человек готовится к службе в Советской Армии. Недаром заводу разрешено на сей случай направлять малолеток во вторую смену. Во всех иных случаях такое категорически запрещено.

Но до призыва еще далеко — три месяца. Сначала предстоят экзамены по автоделу, которых Сережа не боится, не то что школьные — прошлый год перед ними дрожал, как кролик.

...В этот день он явился на работу часам к шести. Первая смена давно ушла, в цехе было тихо, лишь кое-где гудели станки. Сказал Коновалову, что сегодня было вождение, вот справка. Коновалов на справку и не поглядел, сразу к делу: в этих заготовках надо прорезать пазы здесь и здесь, по чертежу.

— Все ясно? Ну давай, я пошел домой — тебя дожидался. С зубилом осторожнее.

Сережа аккуратно постукал молотком, отбивая наплывы. Можно считать, зубилом он овладел. Долго закреплял изделие в тисках, подражая Кощеву. Установил скорость, проверил, не две ли сразу включились. Прошел фрезой по первому разу, радуясь, что все хорошо получается. Никто не стоит над душой, ничто не отвлекает.

И тут же, будто кто сглазил, получил очередной урок. Потребовалось сменить фрезу — не нашел ключа. Особого такого, с загнутым носом. А без ключа как отвинтишь патрон? И Сережа растерялся. Мастера нет, соседей нет. У кого попросить ключ? У токарей, которые работают в другом конце цеха, таких ключей не бывает.

Покрутился паренек туда-сюда, подумал да и придумал — домой идти. Чего зря болтаться?

Не будем раньше времени осуждать его за это. Поставим себя на место малолетки, который остался один на один с почти пустым заводом. Пока шло хорошо, он работал, чуть заминка — и некому помочь. Конечно, Мезинов или Кощев на его месте нашли бы выход: сходили бы в ремонтный цех за ключом или, на худой конец, с помощью стержня и молотка открутили бы патрон.

Впрочем, у них любой ключ имеется в тумбочке. А у нашего Сережи ничего своего нет. Не обзавелся еще. Сначала не до этого было, а теперь вроде ни к чему, в армию же скоро!

Честно говоря, ему сегодня вообще не очень хотелось работать. И он пошел домой пешком с Эльмаша на Уралмаш, по дороге размышляя. Вроде как «подбивал бабки». Значит, так: фрезерное дело ему не нравится, это он понял после того, как выучился. Особенно в сравнении с автоделом, которое ему нравится и в котором у него большой стаж (как мы знаем, «с третьего класса»).

Завод — ничего, хороший, и люди хорошие. Тоже на фоне других заводов, которые его не взяли, а «турбинка» взяла и выучила.

Ясно одно: его дело — техника, машины, здесь он чувствует себя спокойно. Работать он может, это тоже ясно, особенно когда хочет. А сегодня — ну ладно, сегодня не в счет, завтра за два дня отработает.

...Пока дошел до дому, как раз все и передумал. На душе стало легко и свободно. Встретил ребят во дворе.

— Чего рано? — спрашивают.

— Да так, работы не было, — и показал им свой новый кулон с цепочкой на шее.

Ребята одобрили новинку, и они стали обсуждать детали завтрашней поездки на Волчихинское водохранилище.

Перед сном попалась Сереже на глаза старая бумага — «Напутствие», которое ему дали в день

поступления на завод. Он прочитал ее новыми глазами, по привычке комментируя.

«Надемся, что Вы поступили на завод для постоянной, многолетней работы...»

Не знаю, там видно будет.

«Выполняйте все указания мастера или старшего по должности...»

Кажется, все выполнял, или почти все.

«Не прогуливайте, не опаздывайте на работу...» Ладно, больше не буду.

«Если у Вас возникнут вопросы, сомнения или просьбы, обращайтесь к любому руководителю...»

Есть вопросы: как быть, если не нравится мне фрезерное дело? Я ведь не знал, что оно не понравится.

«В добрый путь, наш новый товарищ!»

Спасибо. И правда — скоро в путь.

* * *

Будет у Сережи еще один день, последний на заводе. Как он пройдет, не знаю, хотя для вас, читающих этот номер журнала, тот листок календаря уже оторван. Знаю только, что проводы в армию пройдут торжественно, тут мне придумывать нечего.

Как будут, Сережа, прощаться с тобой люди, с которыми ты работал этот год — Мезинов, Кощев, Коновалов, — зависит от того, как работал. Как они к тебе относятся, ты почувствуешь по их словам, по рукопожатиям, по глазам. Вот что, примерно, говорил я Сереже в нашу последнюю встречу. И еще рассказал ему о Васе Кирыкове, которого проводили из этого же цеха в прошлом году. А в будущем, возможно, вновь он придет на завод, на свой участок в группу механика. Встанет за свой же токарный станок, на котором начинал. Он пришел после училища с четвертым разрядом, чему никто не поверил: обычно приходят со вторым, редко с третьим. И вскоре выточил ходовой винт для токарного станка, этому и я не поверил — такая работа требует пятого разряда.

Но все было правильно, просто парень умен и любил работать, может быть, даже у него талант. И Васю любили, хотя прямо никто этого не говорил. Подарили ему на прощание красивый шарф, дополнительно к подарку от дирекции. А поскольку шарфы в армии носят форменные, значит, понималось так, что красивый — пригодится уже после армии. Многие уверены, что Вася вернется на завод. Хотя в таких делах ясности нет до последней минуты — парень холостой, молодой, все пути открыты. Вот и Сережа мой, может, будет шоферить где-нибудь в автобазе. А может, вернется на завод. Ведь не каждая специальность приходится по душе сразу. Надо подумать. Тоже верно — профессия-то на всю жизнь!

За одно я спокоен — человек Сережа хороший, добрый и не чурющийся работы. В этом он уже определился.

Рисунок В. Бубенищикова

В годы войны в Михайловке, недалеко от Сталинграда, был госпиталь. Немало бойцов, поправившись, снова уходил на фронт, другие умерли от ран и были похоронены на склоне Отраденской горы.

Следопыты Михайловской школы-интерната решили восстановить имена похороненных воинов. Так начался поиск. И вот более двухсот имен появилось на стене мемориального комплекса, воздвигнутого здесь по инициативе ребят. Среди них: армянин Гегам Геворгян, русский Иван Маляров, казах Нахат Сенсенбаев, марпеец Иван Ванин...

Следопыты написали родным погибших и получили в ответ теплые, благодарственные письма. Многие прислали фотографии и другие семейные реликвии. Одна из них — выцветший листок пионерской газеты тридцатых годов. На нем фотография смуглого мальчишки и подпись: «Ученик ереванской 4-й школы Гегам Геворгян принял в свое звено семь слабых учеников. Много занимался с ними, благодаря чему все перешли в следующий класс. Берите пример с Гегамом».

В поселке Окуловка Новгородской области в средней школе № 3 следопыты открыли первый в стране школьный музей, посвященный замечательному ученому и путешественнику Н. Н. Миклухо-Маклаю.

Во время поиска, длившегося не один год, ребята собрали интересный материал.

Следопыты побывали на родине знаменитого путешественника.

Большую помощь ребятам в сборе сведений о жизни и деятельности Миклухо-Маклая и экспонатов оказали ученые и Ленинградский государственный музей этнографии народов СССР.

В школе создан клуб юных путешественников. На заседаниях его ребята читают доклады о знаменитых русских и советских путешественниках, о географических и этнографических экспедициях.

Лесничество школы-интерната № 1 города Петрозаводска называется «Берендей». Оно славится на всю Карелию. У «берендеев» есть свой питомник карельской березы. Ее семена ребята рассылают во все концы Советского Союза.

На берегу Онежского озера будущие лесоводы посадили дубовую аллею, у станции юннатов — рябиновую, а рядом с ботаническим садом — кедровую роцу.

Главное владение «берендеев» — Сопохский бор, 582 гектара, и заповедник Кивач. Здесь они ведут работу под руководством ученых. Все юные лесоводы школы-интерната — слушатели малой лесной академии, открытой при Институте леса Карельского филиала Академии наук СССР.

Члены лесничества «Берендей» стали победителями Международного конкурса юных лесоводов, который проводился в Софии.

В нашей стране многие пионерские дружины и комсомольские группы носят имена В. Маяковского и Т. Нетте. Одна из них — пионерская дружина школы № 2 города Бердянска. Ребята так и называют себя — маяковцы.

В школе уже несколько лет существует школьное товарищество юных литераторов. Его члены руководят работой классных отрядов. Ребята встречались с родными и друзьями В. Маяковского и Т. Нетте. Жена и дочь Т. Нетте и его двоюродные братья прислали в дар школьному музею несколько фотографий и книгу о жизни и деятельности советских дипломатических курьеров «Сквозь револьверный лай».

Следопыты выступали перед своими шефами — рабочими завода «Дормаш» — с лекциями о Маяковском, читали его стихи, помогли оформить в цехе стенды, рассказывающие о жизни поэта. Коллектив цеха борется за присвоение ему имени Владимира Маяковского.

ЕЗДОВОЙ ЦЫСЬ

Ездовые. Суровые, неприметные труженики войны...

Пехотинец всегда с уважением относился к их хлопотной, трудной и порою неблагодарной профессии. Он-то знал: не подвези ездовой продукты вовремя, удержишь где-то ротная кухня — подтягивай, солдат, ремень потуже! А много ли навоюешь голодным?

Опять же, случись, ранило солдата: перевязали ему раны, уложили на повозку — и мчит его ездовой в медсанбат. А если, упаси бог, запоздают повозки с боеприпасами — патронами, гранатами, минами и снарядами?

Днем и ночью, в метель и в стужу, в пыльную жару и в морозящий дождь, в глухой темноте и в густом тумане мчались, тянулись, плелись, скрипели и громыхали по бесконечным фронтовым дорогам тысячи кухонь, фургонов, рессорных тачанок и тяжело груженных армейских пароконных повозок. И на передке каждой из них всегда маячила настороженная, в плащ-палатке или в грубой, как листовое железо, брезентовой бурке с накинутым на голову капюшоном серая фигура ездового...

Трофим Ефимович Цысь был старшим ездовым нашей минометной роты. Уже в годах, пожилой, но еще крепкий, крижистый, с обвисавшими книзу запорожскими усами на крупном, тронutom морщинами, обветренном лице, родом он был с Миргородщины, на Украине. В детстве ходил в подпасках, потом до самой революции батрачил в имении крупного коннозаводчика на Полтавщине, прибыльно торговавшего породистыми скакунами с заграницей. Из

своей трудной жизни Цысь вынес горячую, беспредельную любовь к лошадям.

Горе было ездовому, вовремя не наполнившему, не накормившему, не почистившему лошадь или, не приведи бог, допустившему потертости! Обычно спокойный, рассудительный и немногословный, в таких случаях Трофим Ефимович мгновенно преобразался. Выцветшие его глаза наливались кровью, усы обвисали еще ниже и начинали дрожать от ярости. Он разъяренным коршуним налетал на нерадивого ездового, призывая на его голову самые страшные напасти и кары, не слишком выбирая при этом выражения. Цысь бушевал, долго не мог успокоиться, всю понося провинившегося и всех лентяев мира.

— Лентяй, воно як короста, як крапива у огороди. Ни соби, зараза, ни людям. Та моя б воля, зібрав бы я усих лентяив на якомусь острові, та установив бы там настояще крепостное право, кормив бы раз у сутки, та з кнутом бы ходив. Робылы б як скажени!..

— А кто бы вам разрешил, Ефимович, вводить снова крепостное право? — допытывались любопытные.

— Ото ж и воно, що не розрешили б, — вздыхал Трофим Ефимович и сокрушенно разводил руками. — А кое для кого надо бы...

Как-то раз, когда мы стояли в обороне под Ковелем, мне на НП принесли записку от старшего ездового. Цысь писал:

«Товарищ лытинант що робить як Фрязев занехаяв коней своих не кормить и не чистить я ему казав що вин падлюка робить так вин мене матюгом прошу вас одвернуть ему голову та нехай иде у пихоту а коней я заберу хай у мене будут аж дви пары та кони бидни не будут мучатись...»

Грамматикой и знаками препинания Ефимович явно пренебрегал. Но каждое слово записки было проникнуто искренней болью за страдающих по халатности ездового ротных лошадей. К ленивому Фрязеву пришлось принимать срочные меры, хотя и не такие суровые, каких требовал старший в своей записке.

Характеры, повадки и особенности всех лошадей роты Цысь знал до тонкости. Заболевших или легкораненых животных он врачевал сам, не доверяя ни полковым, ни дивизионным ветеринарам, мнения о которых был очень невысокого.

— Хиба ж то ветеринары? — сердился он. — То ж коновалы настоящие! Из здорового коня зробить хворого — це воны мо-

жуть. А от щоб хворого коня вылечить — так нет. Им ихня прохвылактика не позволяеть...

После освобождения Ковеля мы двинулись в наступление и вскоре пересекли государственную границу. Преследуя отходившего противника, мы двигались уже по освобожденной польской земле. Цыско сразу же понаравил польские дороги. Они были заасфальтированы или покрыты булыжником. Густая тень деревьев укрывала их от палящего солнца. А вот польские земли пришлось ему не по душе. Уж очень они изрезаны всякими межами и столбиками. Межи было легко отличить по нескошенным полоскам польни и чертополоха. Вот она, частная собственность.

— Хиба ж це поля? — возмущалась справедливая душа Трофима Ефимовича. — Це ж настояще цыганское одеяло из лоскутков. По пивдесятны, не бильше. И кося нигде не розмахнутись, не то що трактор пустить. И як тут поляки жили, одын господь бог знае...

Он долго молчал, задумавшись. Потом решил:

— Теперь заживуть по-новому, як у нас. Земля у них непогана, урожаи будуть.

Но лоскутки мелких крестьянских наделов были не везде. Местами дорога пересекала тянувшиеся далеко в стороны, сколько видел глаз, огромные поля без единой межи или столбика. В центре таких полей стояли помещичьи имения с добротными каменными постройками. Трофим Ефимович, насупившись, сердито поглядывал на такие поля, тихо ворчал:

— Хто попыв крестьянской крови та поту, так оци прокляти помещики. Повтикалы, заразы! Ну, теперь хватит, напылыся...

И никто из нас не ожидал, что здесь, на освобожденной польской земле, неожиданно раскроются недюжинные дипломатические способности нашего старого ездового.

Дело было так.

После длительного марша мы остановились на привал в большом польском селе. На широкой сельской площади группа местных крестьян окружила наши повозки. Больше всего поляков толпилось возле повозки Трофима Ефимовича Цыся. Они молча наблюдали, как умело он управляет с лошадьми, по-хозяйски дает распоряжения другим ездовым. Сельские мальчишки шустро носились за водой к колодцу, помога-

ли поить лошадей, ослабить подпруги, расчесывать гребнями конские гривы. Из всех сил старались они угодить большому, усатому, добродушному русскому солдату.

Тут же завязался разговор.

— Добрые ваши кони, пан солдат,— с одобрением сказал высокий, худой крестьянин в помятой соломенной шляпе.— На таких и до Берлина доехать можно.

Цысь согласно кивнул головой:

— До Берлина, доидемо. Може, ще й подальше. Ще й до дому повернемось. Кони добри.

— А цо, пан солдат, правда, что Польша теперь будет советской? Теперь, наверное, присоединят нас к Советам. Колхозы будут...

Цысь хмуро взглянул на задавшего каверзный вопрос босого, в латаных-перелатаных штанах крестьянина, сплюнул.

— Дурный ты, хоч уже и в литах. Нащо нашим Советам ваша Польша? У нас своей земли хватае, та не такой як у вас, трохи покраще. Наше дило тебя, дурня старого, от фашиста спасть, Польшу вашу освободить. А там уже сами соби думайте, як вам дальше жить.

Поляки повеселели, утвердительно закивали головами.

— То так, пане солдат. Правильно сказано.

Цысь деловито обошел повозки, постукал крепкими сапожищами по колесам, испытывая их прочность. Потом снова повернулся к босоному крестьянину:

— Кому-кому, а тоби, пан, колхозив бояться ничего. Я тильки скажу, що абы ты працював у колхози, то не ходыв бы, як босяк, у рваных штанах та не свитыв бы голым задом. Сытый бы, одитый бы був, та еще й дитей своих у институтах бы вчив. Зрозумив?

Поляки молча слушали ездового. Видно, не все верили его словам — сказывалась буржуазная и геббельсовская пропаганда в течение многих лет. Но им нравилась простота и убежденность в своей правоте этого немолодого, видимо, очень сильного и уверенного в себе советского солдата.

— А цо, пане солдат, продолжает ли еще гитлерова авиация бомбить Москву?

Цысь хитро щурился, разглаживал усы:

— Це ты у самого Гитлера спытай, ему выднише. Зараз его, чертяку, самого бомблять и вдень и ночью. А Москва наша, що ж. Стоить Москва, яка и була, красавиця...

Не обходилось и без провокационных вопросов:

— А придут ли в Польшу вместе с Красной Армией английские и американские войска?

Цысь осуждающе поглядел на низкорослого, в конфедератке и яловых сапогах, пана, задавшего вопрос.

— Э тебе, видно, одних немецких господ не хватало, що ще й за другимы соскучився?

Пан в конфедератке пугливо спрятался за спины крестьян. Трофим Ефимович неторопливо развязал свой вещмешок, наделил всех помогавших ему управляться с лошадьми мальчишек большими кусками белого, как снег, сахара.

Крестьяне одобрительно загудели. Седой, как лунь, старик в холщовой, до колен, рубахе, с длинным посохом в руках медленно подошел к Цысю и слезящимися глазами стал всматриваться в его лицо. Потом неожиданно опустился перед ним на колени и низко, до самой земли, поклонился.

Трофим Ефимович бросился к старику и легко поднял его с земли.

— Чого, диду, зазря поклоны быть? Не треба...

Старик крестил ездового высохшей, дрожавшей рукой и что-то быстро шептал. Крестьянин в соломенной шляпе объяснил Цысю:

— Это наш старый Кжиш, у него германы обоих сыновей убили. Он говорит, что солдаты, которые любят детей, не могут быть плохими людьми.

— Це свята правда, — согласился Трофим Ефимович. — Диты есть диты, хоч польские, хоч русские.

— Кжиш желает вам добить германа, живым и здоровым вернуться после войны к семье, — улыбаясь, перевел крестьянин в соломенной шляпе.

— Спасыби, люди, спасыби... — благодарил расстроганный Цысь и спешил к лошадям, так как уже давно слышалась команда обозу вытягиваться на дорогу и продолжать марш.

В начале сентября 1944 года поредевшие после почти непрерывных боев и трехсоткилометрового марша полки нашей дивизии находились уже на подступах к Праге — пригороду Варшавы на восточном берегу Вислы.

...С рассвета разгорелся тяжелый бой за небольшой городок на холмах, превращенных немцами в сильный опорный пункт. Дважды вривалась наша пехота на окраины

городка, но оба раза немцы контратаковали с флангов и отбрасывали нас на исходные позиции. Бой за населенный пункт явно затянулся, боевая задача оставалась невыполненной, батальон нес потери, начальство нервничало.

Командир стрелкового батальона капитан Бирюкович часто вызывал меня к аппарату и настойчиво просил усилить огонь минометов, чтобы помочь оказавшимся в трудном положении ротам. Но на наших огневых позициях оставалось мин всего на один хороший залп — штук полсотни на все девять стволов.

— Еще ночью послал я Цыся со всеми повозками за минами, товарищ «девятый», — докладывал я комбату. — Ждем с минуты на минуту...

— Твоих ездовых только за пряниками посылать!.. — горячился Бирюкович и сердито бросал трубку.

Перед вечером батальон сделал еще одну отчаянную попытку овладеть высотой почти без огневой поддержки. Но и эта попытка не увенчалась успехом. Роты снова отошли, унося своих раненых.

И когда уже казалось, что сегодня нам не удастся выбить немцев из этого дьявольского городка, на огневых раздалась радостные крики:

— Едут! Молодцы, ездовые!..

На передней повозке восседал сам Трофим Ефимович. Он бешено нахлестывал разгоряченных лошадей, с трудом тянувших нагруженную тяжелыми ящиками бричку. За Цысем едва поспевали остальные повозки, доверху нагруженные ящиками с минами.

Как оказалось, ездовые доставили нам немецкие трофейные мины, которые прекрасно подходили к нашим батальонным минометам, калибр стволов которых был всего на миллиметр больше.

— Це мы у тому розбитому фольварку взяли, якый позавчора произжали, — докладывал усталый, вспотевший, но счастливый Цысь. — Там таких мин цили штабеля, тысячи! Взялы, скільки кони потянулы...

Мин оказалось более трех тонн. Об этом я немедленно доложил комбату.

— Молодцы, минометчики! — похвалил Бирюкович. — Теперь готовьтесь, через час наступаем. Смотрите, теперь не жалейте огонька!

Через час стрелковые роты снова поднялись в атаку. Наши минометы буквально тучами мин засыпали оборонявшихся немцев, били беглым огнем, не жалели для гит-

леровцев немецких же мин. Наконец, пехота вырвалась на улицы городка и еще до наступления темноты очистила его от немцев.

В только что занятом нами городке я доложил Бирюковичу о том, как выручил нас Цысь и попросил комбата представить ездового к награде.

Комбат согласился, что Цысь заслуживает награды, но тут же сказал:

— Только, знаешь, давай представим Цыся к медали «За боевые заслуги», а не «За отвагу». Все-таки он ездовой, а не автоматчик или пулеметчик...

Так Трофим Иванович был награжден, третьей уже по счету, медалью «За боевые заслуги».

16 апреля 1945 года после сильной артподготовки наша Сорок седьмая армия прорвала укрепления немцев на Кюстринском плацдарме и устремилась в прорыв. В результате ожесточенных боев дивизия овладела немецкими городами Врицен, Штайнбек, Ладебург и 20 апреля завязала уличные бои в Бернау, в тридцати километрах от Берлина.

Еще в центре Бернау гремел бой, а в город уже втягивались полковые и дивизионные тыловые подразделения, обозы, а также части, выведенные во второй эшелон после прорыва.

Батальонный обоз, в голове которого, как всегда, двигалась повозка Цыся, въехал во двор огромного шестиэтажного дома с колоннами. Задымили полевые кухни, ездовые распрягали лошадей, приводили в порядок упряжь, перебирали и покрепче увязывали грузы, кормили и поили лошадей.

На всех шести этажах с шумом размещались прибывшие подразделения, разворачивались перевязочные пункты, узлы связи, хозяйственные взводы и роты.

Цокольный этаж занял хоззвод нашего батальона и ездовые пулеметной и минометной рот. При немцах здесь, видимо, размещалась первоклассная парикмахерская. Стены закрывали большие зеркала, в простенках висели дорогие картины. С высокого потолка свисали красивые люстры, пол был устлан толстыми ковровыми дорожками. В помещении стоял крепкий, приятный запах одеколona и духов.

Управившись с лошадьми и выставив у повозок и кухню охрану, ездовые зашли в парикмахерскую и стали укладываться спать прямо на полу, на ковровых дорожках, подложив под головы обитые клеенкой подушки мягких кресел.

Вскоре весь дом затих. Уставшие, измотанные люди уснули тем особенным тяжелым и чутким сном, каким спят только на войне...

Во втором часу ночи Трофим Ефимович поднялся и вышел во двор. Задав лошадям корм и послушав, как мерно и спокойно кони хрустят овсом, он возвратился в помещенье.

Перешагивая через тела спящих товарищей, он прошел в самый конец длинного зала и остановился. Его внимание привлекла большая, нарисованная маслом картина. На картине было изображено грозно бушевавшее море. Огромные валы дыбились, пенились и безжалостно бросали, словно щепку, маленькую шлюпку с потерпевшими кораблекрушение, выбившимися из сил в борьбе со стихией людьми.

Трофим Ефимович подошел ближе к картине, зачем-то постучал заскорузлым ногтем по плотному, блестящему полотну. И вдруг чуткий слух ездового уловил едва слышное тиканье часов, доносившееся откуда-то из-за картины...

Ефимович приложил ухо к картине и прислушался. Тиканье стало громче, отчетливей. «Мина с часовым механизмом!» Он тут же отпрянул от картины, едва не наступив на кого-то из спавших ездовых.

— Подъем, хлопци!.. — громко закричал Цысь. — Дом заминирован нимцями!..

Солдаты повскакивали с полу и, схватив свои пожитки, устремились во двор. Ездовые хватали лошадей под уздцы и уводили их подальше от этого страшного места.

Прибывшие в дом саперы осторожно сняли картину со стены. За картиной оказалась большая, полметра на метр, ниша, наспех заложённая кирпичом и замазанная глиной.

Разобрав кладку и обезвредив взрыватель с часовым механизмом, саперы извлекли из ниши больше сорока десятикилограммовых ящичков с толом.

До взрыва тяжелого фугаса оставалось менее получаса.

Солдаты, офицеры, раненые и здоровые, знакомые и незнакомые наперебой благодарили возбужденного ездового.

— От же сукуны сыны, що хитилы зробить, — качал головой довольный Цысь. — Усих нас на небо пиднять, иродови души!..

Трофим Ефимович был снова представлен к награде.

...Догнавший нас на марше замполит

полка подполковник Журавский, уже знавший об этом случае, подозвал к себе меня и комбата Бирюковича и строго отчитал обоих:

— Стыдились бы, товарищи начальники! Человек спас от верной гибели сотни жизней, а вы его к четвертой медали «За боевые заслуги» представляете!..

И тут же приказал переоформить материал на представление ездового Цыся к ордену Отечественной войны второй степени.

Тепло провожали мы Трофима Ефимовича домой после приказа о демобилизации старших возрастов. Солдаты от души дарили ему кто бритву, кто портсигар, кто часы, кто складной нож.

Комбат Бирюкович, уже майор, вручил Трофиму Ефимовичу перед строем батальона охотничье ружье, габардиновый отрез и два кроя для хромовых сапог.

Расстроился старый Цысь.

— Спасыби вам, товарищ майор, и вам усим спасыби, хлопци... — смахивая предательскую слезу, говорил он. — Покидаю вас, як ридных сынив своих... Не забувайте старого Цыся, приезжайте до мене в гости у Миргород...

Для сопровождения демобилизованных воинов на пункт сбора в дивизию были выделены две повозки с молодыми, только что прибывшими с пополнением ездовыми.

Трофим Ефимович аккуратно уложил свои вещи, по-хозяйски осмотрел повозки, постучал ногой по крепким колесам. Долго гладил сильные, лоснившиеся на солнце лошадиные холки. Потом, словно молодой, легко вскочил на переднюю повозку, молча отобрал вожжи у паренька-ездового.

Солдаты долго смотрели ему вслед...

Рисунки Н. Матса

КАСЛИНСКАЯ ЛЕНИНА

Гражданская война на Урале нанесла урон знаменитому Каслинскому заводу. Завод был разрушен колчаковцами и разграблен. Цехи стояли с пустыми провалами окон. Производство чугунного литья прекратилось.

Однако с изгнанием белогвардейцев начинается возрождение завода. Возвращаются рабочие, восстанавливают завод, зажигают вагранки.

Работа над воплощением новых тем в художественном литье наиболее активно началась в 1921 году, когда на завод приехал скульптор К. А. Клодт. Он одним из первых в Каслях начинает работать над скульптурным портретом В. И. Ленина — создает его бюст.

Автор бюста неизвестен. 40-е годы (чугун)

Надо сказать, это была трудная и ответственная задача для скульптора, решившего увековечить образ вождя.

В каслинском музее сохранился небольшой бюст Владимира Ильича, отлитый в чугуне в начале 20-х годов. В. И. Ленин представлен с короткой бородкой, молодым, с открытым внимательным взглядом. Формовал и отливал бюст мастер Самойлин.

На табличке надпись: «Каслинскому Волкому РКП(б) от рабочих и служащих каслинского завода. В день 20-летнего юбилея большевиков. 1903—1923 гг.».

Из других работ каслинских мастеров того времени сохранился небольшой скульптурный портрет В. И. Ленина, относящийся к 1924 году. Владимир Ильич изображен в рост, без головного убора, в костюме. К сожалению, имя скульптора пока неизвестно.

Отливали этот портрет лучшие в то время мастера на заводе — М. В. Торокин и Ф. М. Самойлин.

Разыскивая первые скульптурные портреты В. И. Ленина, отлитые каслинскими мастерами, мы обратились в Центральный музей В. И. Ленина. Оттуда сообщили:

«В Ленинградском филиале музея экспонируется скульптура В. И. Ленина, отлитая из чугуна. На внутренней стороне подставки надпись: «М. Торокин. Кас. з. на Ураде».

В Центральном музее В. И. Ленина находится гипсовая отливка такой же скульптуры, полученная из Франции и относящаяся к началу 20-х годов. Пока неясно, как эта скульптура попала во Францию, кто ее создал.

Можно с уверенностью сказать, что в те годы в Каслях были отлиты и другие портреты В. И. Ленина. К сожалению, на заводе не сохранились модели.

Со смертью Клодта в 1928 году художественное литье на Каслинском заводе практически прекратилось и было возобновлено только в конце 1934 года. О судьбе Каслей заговорили скульпторы, художники, писатели.

Фрагмент скульптуры. Автор Г. Белов. 1963 г. (алюминий).

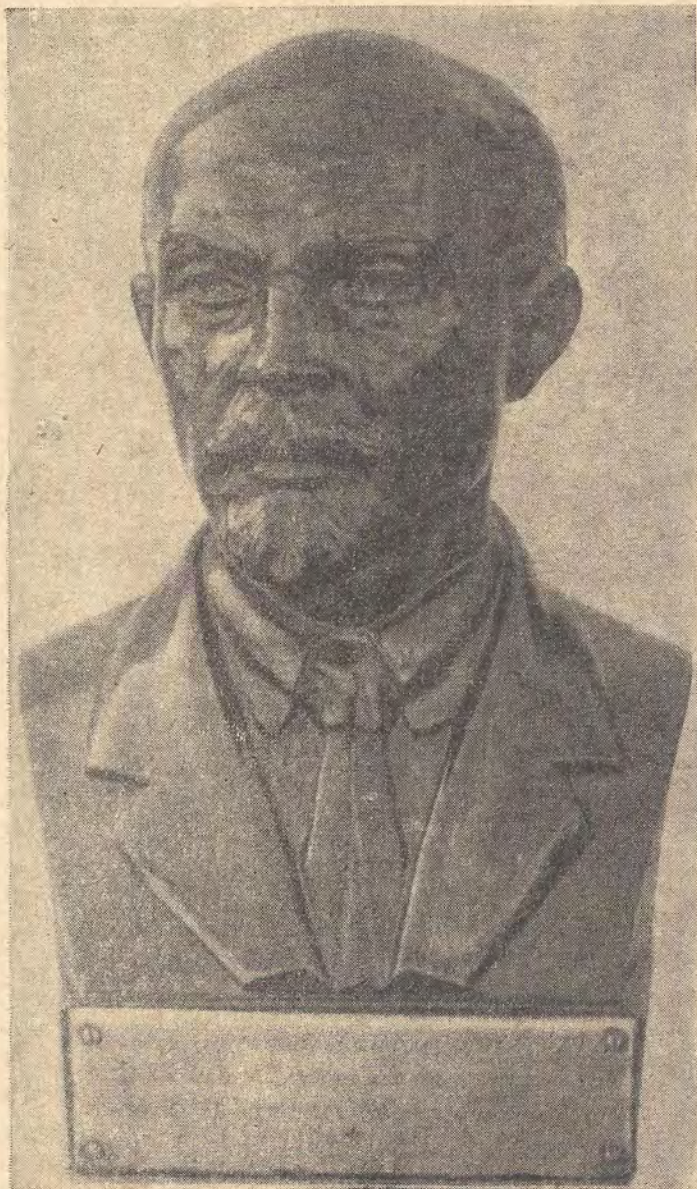
В 1935 году в Касли приезжает скульптор Н. Н. Горский. Он организует молодежь, преподает в школе художественного литья и много работает сам. К числу первых его работ относятся и портреты В. И. Ленина. Наиболее интересной и значительной среди этих работ Горского можно назвать большой бюст Владимира Ильича. В марте 1936 года литейный цех приступил к изготовлению моделей.

Наиболее значительными в творчестве мастеров художественного литья — формовщиков, литейщиков, чеканщиков — явились рабо-

ты по созданию в металле композиций известного советского скульптора Н. А. Андреева. Одна из них — «В. И. Ленин за письменным столом». Эта работа широко известна и производит неизгладимое впечатление.

Тогда же, в конце 1936 — начале 1937 года, на заводе по заказу Центрального музея В. И. Ленина была отлита другая работа Андреева, показывающая В. И. Ленина на отдыхе, сидящим в кресле.

В 1940 году завод получает интересные модели — бюст В. И. Ленина, созданный скульптором

Автор изображения К. А. Клодт. 1923 г. (чугун)

Н. Василиком, и «Ленин с детьми» Э. Баженовой.

Бюст, отлитый по модели, отличается портретное сходство, подчеркивает простоту характера Ленина-человека.

С большим искусством выполнен на мастерами композиция «Ленин и дети». Эта композиция отливалась в Каслях неоднократно.

Цех художественного литья продолжал работу над созданием образа В. И. Ленина и в последующие годы.

Тематика скульптурных работ, выполненных каслинскими мастерами, самая разнообразная: Владимир Ильич изображен за работой, на отдыхе, с детьми, на трибуне...

В 1956 году завод получил интересную модель московского скульптора Н. Атюнина, показывающую совсем молодого Ленина — Владимира Ульянова, Ульянова-гимназиста. Эта скульптура отливается каслинцами и до сих пор и приобретена многими музеями нашей страны.

В 40—50-х годах на заводе была выпущена серия барельефных портретов Владимира Ильича.

Из современных скульпторов в Каслях Лениниану продолжают А. Гилев и С. Манаенков. В 1956 году Гилев выполнил миниатюрный бюст Владимира Ильича. Он был отлит массовым тиражом, показывался и вручался участникам Всемирного фестиваля молодежи и студентов в Москве. Формовал и отливал модель К. П. Щербинин.

К 50-летию Октябрьской революции скульптор С. Манаенков создал две интересные работы из чугуна в сочетании с камнем: небольшой бюст Владимира Ильича на постаменте из уральского цветного камня (он до сих пор выпускается заводом) и чугунный силуэт-рельеф В. И. Ленина на широком камне-постаменте.

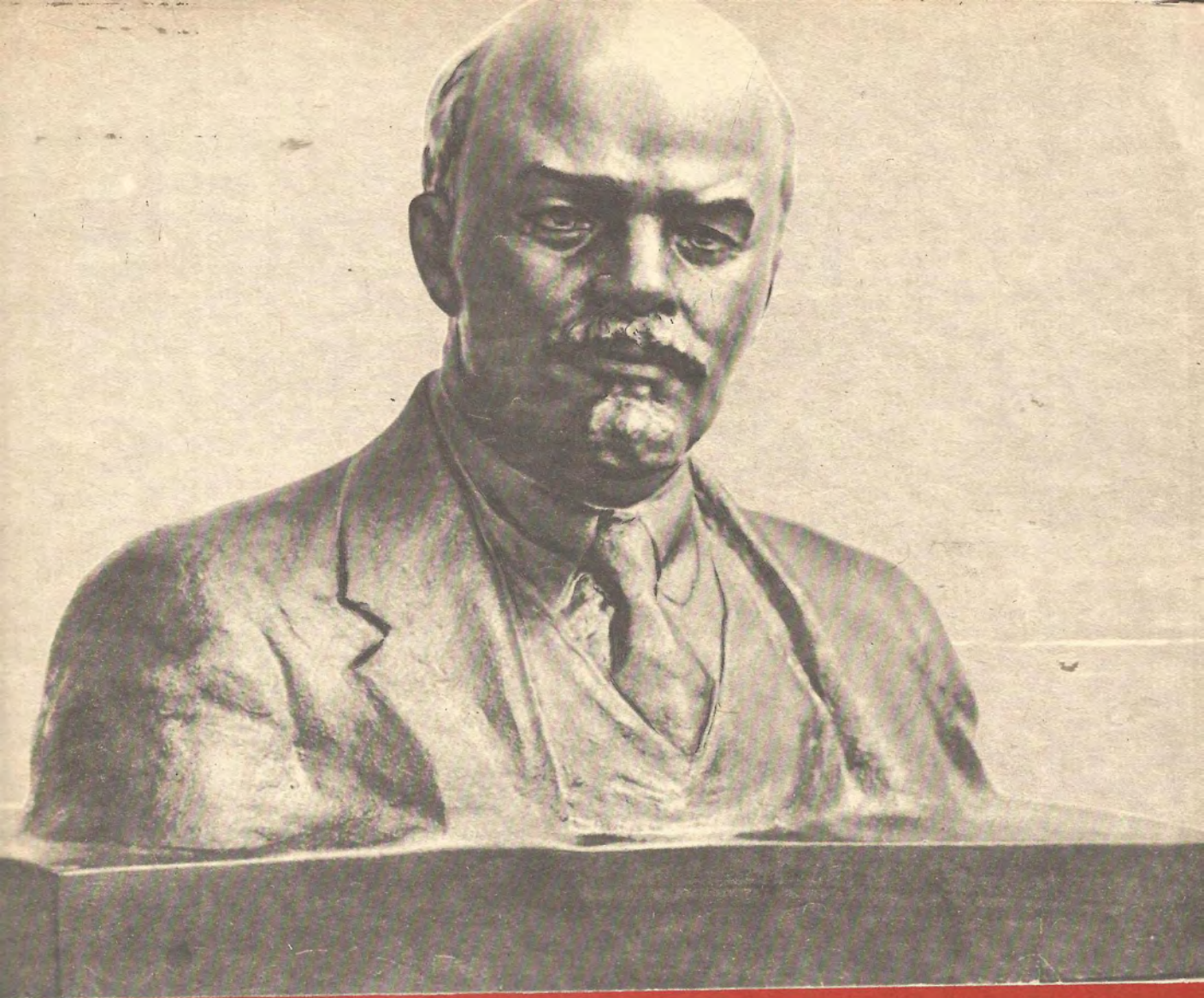
Скульптор Гилев в 1963, а затем в 1969 году выполнил два скульптурных портрета Владимира Ильича — статуэтки. Они отливались массовым тиражом в техническом училище. Формовку и отливку вели мастера Щербинин, Ахлюстин, а также учащиеся ГПТУ № 18.

Одна из этих работ побывала в 1963 году на выставке профтехобразования в Генуе (Италия).

К сожалению, разыскать все портреты Владимира Ильича, отлитые на Каслинском заводе, пока не представилось возможным.

Однако уже то, что известно, позволяет сказать, что каслинские мастера художественного литья внесли достойный вклад в создание скульптурного образа В. И. Ленина.

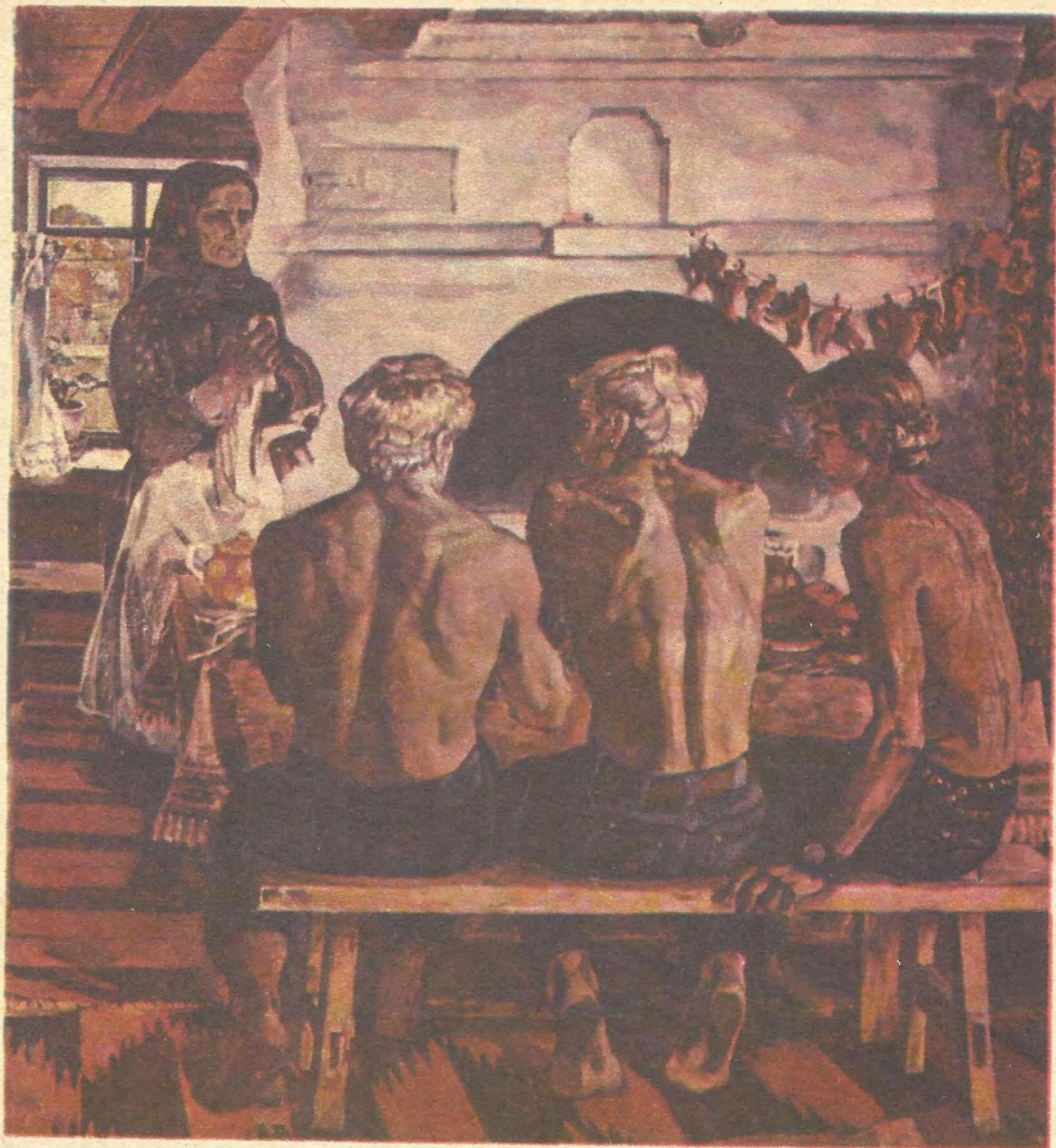
Юрий ЕЛФИМОВ

АВТОР СКУЛЬПТУРЫ А. ГИЛЕВ
ФОРМОВЩИК К. ЩЕРБИНИН
60 годы (чугун)

БАРЕЛЬЕФ. 1970 г.

СЫНОВЬЯ

Ю. МЕЖИРОВ (г. Ленинград)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ
СОВЕТА ДРУЖИНЫ
Э. КОЗЛОВ (г. Ленинград)

ЗАВОД

В. БУБНОВ (г. Челябинск)

Людмила САБИНИНА

ТРОЕ И МОТОР

Рассказ

В тесной дощатой будке было темно и воняло бензином. Я ощупью разыскал свой мотор, выволок его на траву и захлопнул дверь.

Моего старика сразу узнаешь: справа на капоте здоровенная вмятина, и вообще вид обшарпанный. Ничего не поделаешь, мотор «Москва» выпуска 1959 года... Я не очень-то разбираюсь в двигателях и, откровенно говоря, всегда предпочитал ездить в качестве пассажира. Но с тех пор, как брат ушел в армию, мотор по наследству

перешел ко мне. Иногда уплываю на целый день, валяюсь на песке, читаю и возвращаюсь только к ночи. У нас на Волге все любят воду, все любят купаться и кататься по реке. Ну, а любишь кататься, люби и санки возить!

Я ухватил мотор за стальные уши и поволок по сходням к лодке. Хлипкие сходни прогибались при каждом шаге. Тяжелая все-таки штука — лодочный мотор.

Зловредный старикашка Минаич уже ковылял мне навстречу.

— Ключи! — потребовал он.

Я остановился. Нашарил в кармане ключ от будки, где хранились весла и несколько моторов, вроде моего, и отдал ему.

— Последний ключ остался, — зашипел Минаич. — Как утопили второй, а первый твой дружок Шустов свернул, то это последний ключ. Как хотите! Хотите — заказывайте сами...

Минаич уставился на меня. Я понял, без рублевки не обойтись.

— Ладно, ладно, Минаич... — (А рублевка в карман сторожа перепорхнула, любодорого!) — Ты не уходи пока. Сейчас Шустов прибежит да еще куча народу. На трех лодках пойдём...

Минаич сразу взъерошился. Рыжие усики встопорщились, нос — кверху. Даже фуражка полезла куда-то вверх — не иначе рыжие вихры Минаича дыбом встали.

— То-о-ись как?! — заверещал Минаич. — Лодочная станция открывается с восьми. А сейчас семи нет. Тебе по благу склад открыл и им открывай!! Что же это делается? Нетушки!..

Не к месту, видать, я Витьку Шустова упомянул. Дело тут, между прочим, вовсе не в ключе. Дело в том, что Витьку сторож Минаич просто терпеть не может. Витька — мастер доводить Минаича. Придет на лодочную пристань, остановится перед старикашкой — Витька парень видный, рослый — и заговорит неторопливо, таким барственным баском.

— Ну, как, братец, дела? Все в трудах, все, братец, в заботах? Молодец, молодец, старайся, голубчик!..

И еще по плечу Минаича похлопает.

Старикашка позеленеет, трясется весь, а Витька — ноль внимания. Демонстративно повернет головой, принохается, головой покачает:

— Да ты никак, братец, пьян?... Ай-ай, как нехорошо... Голубчик, ведь алкоголь вредит здоровью, разрушает нервную систему. Так-то, голубчик. Признайся, выпивал сегодня вместе с Кузькиным или нет? Выпивал! Так я и думал... — Тут Витька делал огорченное лицо. — Ай-ай. Нехороший человек этот Кузькин. И фамилия скверная: Кузькин. А еще высокую должность занимает — сторож горсада. Не дружи, голубчик, с этим Кузькиным, ей-богу, не дружи, не доведет он тебя, братец, до добра.

Минаичу и слово вставить не удается, где ему против Витькиного баса. Злитс старик, но Витькина богатырская ладонь лежит у него на плече, как пудовая гиря.

— Нервишки, нервишки, — ласково журчит Витька. — Вот он, вред алкоголя... Значит, договорились, голубчик? Алкоголя не принимать, с Кузькиным не дружить. Прощай, братец!.. Так держать. Молодец, голубчик! Орел!..

Витька отпускал Минаича и важно — по-генеральски — шествовал к лодке. Старикашка, освободившись от чугунной Витькиной ладони, взвизвался, как кобра. Брызгая слюной и ругаясь, поносил нас всех на чем свет стоит. А между прочим, посетители лодочной станции побаивались Минаича, никто не хотел связываться со сварливым стариком, все рублями да полтинниками откупались. Что уж и говорить о нашем брате музыканте. Народ смиренный, застенчивый. Духовик Витька — исключение. Как-то преподаватель по классу скрипки Сухов случайно уключину потерял, с тех пор на лодочную станцию — ни ногой. А штраф по почте прислал...

Я укрепил мотор на корме тяжелой двухпарной лодки, подстраховал его сырмятными ремнями. Лодка осела кормой. Лысый череп мотора заблестел, закачался на волне.

Собственно, это я подал идею: после окончания экзаменов устроить туристический поход, вниз по реке, дня этак на три-четыре, с палатками, с кострами, с котелками. Откликнулось человек десять. Но для меня важнее всего было, чтобы поехала Таня. Больше того, я легко согласился бы с тем, чтобы вообще никто не поехал, но если бы не поехала Таня... Была на то причина.

Больших трудов стоило ее уговорить.

Таня, видите ли, смеется над туризмом. Одно слово «турист» вызывает у нее иронию. На уговоры мои и Витьки (призвал друга на помощь) она ответила, что тащиться куда-то с тридцатикилограммовым рюкзаком на спине, согнувшись, видя перед собой только заплатанные штаны впереди идущего, не в ее стиле. Кроме того, она не любит гитары, от криков «физкультура!» ее просто переворачивает, кашу с углями она не переносит, посуду холодной водой мыть не привыкла. И вообще все это глупо. А куплеты?! Одни куплеты туристские ее с ума сведут...

Пришлось нам вдвоем с Витькой расписывать турпоход в радужных красках.

Мы сказали, что рюкзака на спине не будет, каши с углями — тоже, что петь у костра мы будем только арии Монтеверди и многоголосные хоралы Палестрины. Не

дикари же! Все общество будет одето в приличные, хоть и скромные, брюки, никаких заплат и фуфаек, повязанных на шею. Никакой романтики типа «если парень в горах — не ах» — не будет.

— И вообще, сударыня, — ворковал Витька, — назовите, если вам угодно, это — пикником. Пикник на траве. Вот и все!

Татьяна посмотрела на Витьку, расхохоталась и... согласилась поехать.

Три дня назад она окончила вокальное отделение нашего музыкального училища. Меня волновало, куда она поедет работать? Мне, окончившему два отделения, фортепьянное и хоровое-дирижерское, предлагали на выбор три места: на Алтай, в Рыбинское музучилище и Калининскую областную музыкальную школу. Таню приглашали работать в Пензенскую филармонию, а также — в Рыбинское училище. Ясно, что мне больше всего понравился Рыбинск. Просто заболел я этим городом. И Волга там, и... Но вот что выберет Татьяна, это вопрос! Это меня и занимало больше всего. Подойти и спросить в упор я боялся. Надо знать нрав нашей Татьяны. Скажет обязательно что-нибудь насмешливое, начнет темнить. Здесь такт нужен, торопиться нельзя ни в коем случае. И все свои надежды возлагал я на эту поездку...

Я повернулся, чтобы втащить в лодку канистру с горючим, и вдруг увидел Татьяну.

Она стояла возле чемодана и смотрела на меня.

Светлое легкое платье развевалось на ветру. Прозрачная волна набегала на пестрый галечник и кружевной пеной рассыпалась почти у самых носков ее белых туфелек.

Вот она какова, наша Татьяна.

И ведь нарядилась она не просто так, не случайно! Это, так сказать, вызов обществу. Или ирония, или озорство. Уж не знаю... Ну хорошо. Постараюсь «не заметить» этого парада.

Я поздоровался.

— Что-то долго спят наши туристы. Неужели никто не показывался? — улыбнулась она как ни в чем не бывало.

Я собрался ответить, но тут услышал грохот шагов. Кто-то быстро спускался по узкой железной лестнице. Я взгляделся.

Это был Марат Поляновский, ленинградец. Парень с третьего курса политехнического института, приехал к нам в город, чтобы участвовать в соревнованиях на байдарках... Через неделю на Волге — большой водный праздник. Марат со своей

командой приехал. Как он в нашу компанию попал — не знаю, кажется, тот же Витька его привел и со всеми перезнакомил.

— Привет! — еще с лестницы крикнул Марат.

Он был одет изысканно — шорты, ковбойка и кеды. За спиной — два огромных рюкзака, на каждое плечо по рюкзаку. Судя по тому, как легко парень сбегал по двадцатипятиметровой лестнице, для него такой груз был все равно, что для коня — пара арбузов.

— Привет! Свежие новости!.. Во-первых, лодка Шустова выйдет завтра утром. К Шустову родственники приезжают, он должен их встретить. Во-вторых, лодка Николаева тоже выйдет завтра. Николаева, Галю Потапову и Семена, вашего альтиста, послали с концертом в загородный совхоз... Только сейчас известили...

Марат сбросил на землю рюкзаки, перевел дух.

— Вот тебе и раз! — вскрикнула Таня.

— Так. Продолжай, — сказал я.

— В-третьих, будет гроза. В-четвертых, так как из вашей лодки выписывается Семен, то вместо него прошу принять меня!

Последнее мне совсем не понравилось. Не хватало еще, чтобы это спортивное совершенство оказалось в нашей лодке. Стоило только взглянуть на его фигуру, волосы, брови, как я совершенно явственно услышал шорох моих осыпающихся надежд.

— Может быть, и мы завтра? Дождь все-таки... И вообще... Со всеми. — Я готов был и дальше развивать свои доводы, но меня сразу перебили:

— Зачем же! У нас палатка. Дождь — пустяки.

— Я хочу сегодня! Зря, что ли, торопилась, не выспалась... Стоянку ребятам подготовим, как доедем до островов.

— Точно! Подождем их у островов!..

Дались им эти острова! Пришлось умолкнуть.

Марат прыгнул в лодку и начал укладывать наше имущество, согласно строгим правилам лодочного туризма. Мой вещмешок он вытряхнул на дно лодки и уложил по-своему. Консервные банки внизу, свитер и одеяло — сверху. Таблетки пирамидона и аспирина, обязательные в каждом порядочном походе, нитки и прочую мелочь он переложил в карманы рюкзака. Добрался было и до Татьянинного чемодана. Но та взбунтовалась, и он чемодана не тронул.

Напоследок Марат сбегал в будку за

запасным бачком. «Лишних тридцать литров не помешает», — сказал я. Минаич, видимо, проникся почтением к шикарному ленинградцу и беспрекословно выдал ключи.

Наступила минута отъезда.

Я оттолкнулся веслом, перебрался на корму, к мотору. Намотал на кулак шнур стартера, дернул. Как и ожидал я, мотор не издал ни звука. Лодка безмятежно закачалась метрах в десяти от берега.

Татьяна сидит, молчит. А главное, этот Марат... Вот незадача!

Я собрался с силами, дернул еще раз. Мотор рывкнул и тут же замолк. Не давая остыть, рванул шнур изо всей силы. Шнур лопнул, я грохнулся на спину. Мотор взвыл. Мальчишки на набережной — и откуда их набралось в такую рань! — засвистели... Неуправляемая лодка понеслась наперерез течению...

Впрочем, любоваться этим пришлось недолго. Я уцепился за румпель и взял нужное направление. Слава богу, отплытие состоялось.

Мы понеслись вниз по реке. Моя старая двухпарка немного широка и тяжело-вата, зато устойчива на курсе, не виляет и не вертится, режет воду, как по линейке.

На днище положены массивные слани — чувствуется умелая рука старшего брата, под кормовой банкой крепкий рундучок с висячим замком. Там хранятся разные инструменты: топорик, клещи, плоскогубцы, а заодно — жестянки со спичками, гвоздями, крючками рыболовными. Сразу видно, что Михаил — мужик основательный. Весной я заново проконопатил лодку и выкрасил голубой эмалью. Так что все как будто бы в порядке. Но кто знает, что думает про себя этот ленинградский гроссмейстер водного спорта! Самолюбие мое ныло... Может, ему корабль мой кажется расхлябанной старой баржей, по сравнению с разными там байдарками да спортивными яхтами. А впрочем, наплевать. Пускай что хочет, то и думает.

Мы миновали городскую набережную и въехали под мост. Вода тут казалась черной и глубокой, была покрыта мелкой рябью. Над головой гудели своды моста: шел городской транспорт. Лодка проскочила между громадными гранитными опорами и снова вырвалась на свет.

Татьяна возвышалась на самом носу лодки, лицом к берегу. Она упиралась тонкими загорелыми руками в борта. Ветер трепал легкое платье. И вообще Татьяна своим профилем, светлым узлом волос на за-

тылке напоминала ту вырезанную из дерева нимфу, которая обычно красовалась на бушприте старинных парусных судов.

Марат сидел на средней банке и мог сколько угодно любоваться и берегами, и сидящим впереди членом экипажа.

Мотор ревел оглушительно, и всякие разговоры, само собой, исключались.

Выехали за городскую черту... Гранитная набережная кончилась, потянулись зеленые берега, стада паслись у самой воды, коровы забредали в воду, поворачивали морды вслед нам и мычали.

Береговые знаки указывали ширину фарватера — 75 метров — и приличную глубину. Река была пустынна. Поэтому я не заботился о курсе и, как говорится, пер напролом.

— Палка! — вдруг закричала Таня. — Гляди!.. Мы прямо на палку едем! Правее объезжай!

— Не палка, а веха красная, — заметил Марат. — И не правее, а левее придется.

«Ишь ты, грамотный», — отметил я про себя.

— Другая палка! Белая теперь! Что ты, Кравцов, не видишь, что ли? — засуетилась наша наяда.

Действительно, понатыкали вешек. В прошлом году их что-то не замечал. Просто было два бакена, правый и левый, как и подобает при широком фарватере.

Старательно я объехал вешки, продемонстрировав высокую маневренность своего судна.

А все-таки, почему-то я сегодня «Кравцов». А не просто Володя. Интересно. Собственная фамилия иногда для человека становится неприятной, просто режет слух. Вроде ругательства получается. В другое время, например, если пятерку за экзамен по специальности схватишь или на следующий курс переведен, — то фамилия звучит как-то волнующе. Даже гордо. Кравцов — талантлив! Кравцов — дипломат! Кравцов!..

— Володька! Ой, спятил! Куда?

— Стой! Левее! Левее! Смотри!..

На нас надвигалась какая-то допотопная посудина. Она была уже метрах в пятидесяти. Мотор мой, разумеется, тотчас же заглох.

Я давно заметил, что мой мотор страдает общительностью. При встрече с коллегами, особенно более солидными, более быстроходными, он тотчас перестает работать и стремится познакомиться поближе. Качество вполне понятное, но не всегда удобное.

Архаический пароход надвигался. Судорожно жал я на кнопку, дергал обрывок шнура. Все напрасно... Марат перебрался ко мне, сорвал капот. Я прощупал шланг, приподнял бачок. Подача горючего была.

— Ой, совсем близко! — пискнула Таня и снова закрыла ладонями лицо.

Действительно, чудище росло на глазах. Тупое рыло с круглыми глазищами-иллюминаторами, впереди — пара желтых пенистых бурунов-усов, вид свирепый и устрашающий. Машина мерно стучала, на палубе и в рубке — ни души.

— Интересно, чего смотрит команда, — пробормотал Марат, копаясь в моторе.

Я, в свою очередь, проклял про себя команду. Дрыхнут, должно быть, внизу или в карты дуются. Фарватер спокойный, закрепил штурвал и спи себе... Надо уходить на веслах. Я поспешно стал вытаскивать весла из-под груди вещей.

— Свеча сгорела начисто! — крикнул Марат. — Запасные есть?

Я достал из рундука мешочек со свечами. Через минуту мотор взревел, лодка увернулась чуть ли не от самой пасти этого ископаемого. Над нами проплыл высоченный ободранный борт с наименованием: «Кузьма Денежкин».

— Эй, вы!.. — заорал с кормы какой-то дядька.

Больше ничего слышно не было, и это хорошо, потому что мимика и жестикация дядьки не заключали в себе ничего лестного для нас. Скорее наоборот.

Нос лодки подкинуло на волне, поднятой «Кузьмой», лодку закачало, днище зашлепало по воде. Мы снова выскочили на речной простор.

Все-таки Марат оказался дельным парнем. Вовремя нашелся, помог. И теперь сидит себе и молчит. Другой бы на его месте не удержался: «моторчик-то у тебя, брат, того... Что же ты свечи, мол, заранее не поменял? Аховый ты водитель»... И тому подобное. Я и сам знаю, что аховый. Знаю, что виноват. И выводы сделаю сам. А впрочем, по строгим туристским законам меня надо бы сместить с должности водителя. Вот бы хорошо! Сидел бы сейчас на банке и созерцал водную гладь, с Таней разговаривал бы. Хоть глазами.

По правому берегу начались сосновые леса. Я хорошо знал это место. Здесь около двух островков, заросших кустарником, я и намечал стоянку.

— Это и есть те самые острова? — крикнул Марат.

— Они. Песчаный пляж, дно хорошее! Купаться здорово тут, и лес рядом!

Я сбавил обороты и провел лодку между островками.

Марат выпрыгнул в воду.

— Глуши, — сказал он и подтащил нас за цепь к ближайшему островку. Лодка прочно села на песок.

Стало тихо. От леса потянуло сухим и жарким запахом сосны. Берег был метрах в пятнадцать.

— Ну и красота! — вздохнула Татьяна.

— Да, недурно провести здесь денек.

Марат осмотрелся, деловито скинул рубашку и потащил из лодки тяжелые рюкзаки. Ничего не скажешь, мускулатура у парня! Бронза.

Мы стали переносить вещи на островок. Вода была теплая, над песчаным дном носились стаи рыбешек.

— А я, честно говоря, испугался, — засмеялся вдруг Марат. — Пора, думаю, приступить к спасению. С кого начинать? С женщин или с детей?

— А мы, волжане, все плавать умеем, — заметила с улыбкой Татьяна. — Дети — тоже.

Замечание насчет детей мне что-то не понравилось. Все-таки не такой уж безобидный парень этот Марат...

Островок весь зарос кустарником. Местами желтели пляжи с горячим песком. Несколько невысоких сосен. Песок и трава густо усыпаны шишками. Тут и решили мы разбить лагерь. Топлива хватает — на берегу валялась старая развалившаяся лодка, какие-то сучья, щепки. Да и в лесу сколько угодно хвороста.

Палатку натянули в тени от сосен. Разожгли костер.

И на какой черт людям разжигать костер в такую жару, среди бела дня, — неизвестно, только костер обязательно разжигают! Костер разжигают в любую погоду, днем и ночью. Костер — это цель стремлений, апофеоз туризма.

Запахло дымком. Мы хотели было вскипятить чай, но Татьяна не дала копить чайник. Установила в стороне таганок, разожгла под ним несколько щепок, но чайник все равно закопился по самую ручку.

Марат поглядывал на Татьяну и хитро посмеивался. Когда чайник окончательно зачернел, Марат вздохнул сокрушенно:

— А надо было всего-навсего подождать, когда костер прогорит. На угольях-то и чисто, и быстро!.. Ну, ничего, ототрем... Айда купаться, Володя!

Когда мы вернулись после купания, Татьяна хлопотала около костра. Она была в шортах и ситцевой кофточке-безрукавке.

Клеенка, растянутая прямо на земле, являла собой увлекательное зрелище. Чего только тут не было: и колбаса, и нарезанная кружками, и селедка, и крутые яйца, и даже бутылка сухого вина. В стороне дымился котелок пшенной каши-концентрата. И все это сдобрено хвойными запахами леса, свежестью реки, костровым дымком. Где-то вдалеке кричала кукушка.

— Вот это сюрприз! — ахнул Марат. — Узнаю руку опытного туриста.

— Прошу к столу! — пригласила Татьяна. — А что это такое — «опытный турист»?

— Ну берегись теперь, Марат, — усмехнулся я, — за такую похвалу тебе не поздоровится.

— А что? — удивился Марат. — Разве я что-нибудь этакое сказал...

— Лучше уж выпьем за успех нашего плавания! — я поднял свою кружку. — Оглянитесь вокруг. Удостоверьтесь: вот река, вот сосны, вот костер. Выпьем за все это!

Выпили.

— Между прочим, — начал Марат, — этот островок напомнил мне один привал на уральской речушке... Северный Урал. Горы.

— Ты был на Северном Урале? — удивился я.

— В прошлом году. В группе было одиннадцать человек... Понимаете, мы...

— Э, я знаю, о какой группе ты говоришь, — вставила Татьяна. — Там был еще этот... как его... Длинный, в очках... Николай, что ли...

— Валерик! — всполошился Марат. — Откуда ты его знаешь? Была на Кось-Ю? Неужели?..

— Валерик, — кивнула Татьяна, — потом еще этот... Жора с гитарой, он еще все куплеты пел. Были две подружки с Кавказа...

— Из Армении, — уточнил Марат. — Одна из них. Другая — не помню...

Я взглянул на Таню. Мне достаточно было мельком взглянуть на Татьяну, чтобы понять: что-то она задумала. И вообще, в прошлом году наша Татьяна ездила на конкурс вокалистов в Саратов, а вовсе не на какой-то там Кось-Ю...

— Еще супруги эти... Как их... Супруги Лялькины, кажется...

— Однако память у тебя! — ликовал Марат. — Я сам фамилию этой пары забыл, да и не знал вовсе, а ты помнишь! А вот Жора с гитарой — не Жора вовсе, а...

— Гена? — невинно подсказала Татьяна. — Черный такой. Живчик. Еще все куплеты пел.

— Да Левка это!.. Из Краснодара! Левка!

— А-а, Левка, действительно... Как я могла забыть... — Татьяна наклонилась, раскладывая по мискам кашу. — Потом заблудился этот... Николай, то есть Валерик, — продолжала она. — Проводник Тохтушка-Улай помог его разыскать. Сняли со скалы «Игла». Потом заболела эта... пожилая дама в зеленых штанах. Пришлось отправить на базу...

Я взглянул на Марата. Он молчал, с интересом уставившись на Таню.

— Потом вы все полезли на высоченную гору. На вершине был этот... каменный тур. Прочитали вы записку от предыдущей команды: «Здесь были мы. Приветик!» Оставили свою: «Здесь были и мы. С приветиком!» Потом Лева спел куплеты, сфотографировались на фоне диких вершин в разных позах...

Татьяна умолкла, проглотила несколько ложек каши. Я наблюдал, как она ела ту самую презируемую «кашу с углями», не замечая ни углей, ни того, что каша слишком горяча.

— Вас понял. — Марат скрестил на груди руки, поглядел на Таню в упор. — Угодно издеваться?

— А что? Еще у вас кончилась крупа... Разве неверно? А когда дама в зеленых штанах свалилась со скалы «Игла»...

— Вы только что утверждали, что на скалу «Игла» забрался Валерик, он же Николай.

— Правильно. А проводник... как его... — Тохтушка-Улай, — насмешливо под-сказал Марат.

— Верхом на олене помог его отыскать. Да. Вы съели девять мешков крупы, а надо было бы — одиннадцать, по числу едоков, изорвали по три пары штанов, отморозили кто руку, кто ногу, но в конце концов благополучно вернулись домой. Физкульт-ура! Привет!

Я расхохотался. Уж очень забавна была Таня с растрепанными волосами, с измазанным сажей носом, с закопченной кастрюлькой в руке. Щеки покраснелись, глаза мечут молнии.

Марат не сводил с нее глаз.

— Вы, должно быть, не любите природу, — произнес, наконец, он.

— Люблю! Только без Жоры, без куплетов, без дамы...

— В зеленых штанах?

— В любых! Без супругов Лялькиных, без...

— Без проводника Тохтушки-Улая?

— Тохтушка пускай занимается оленеводством! Некогда ему баклуши бить!.. Вся жизнь мечтала полюбоваться вершинами Кавказа, а когда приехала, вижу: по одной горе ползет цепочка туристов, по другой горе — две цепочки. Все горы увешаны туристами, как елки новогодними игрушками!.. Ай! Горячо!..

Она выронила кружку с кипятком, вскочила, запрыгала на одной ноге.

Мы расхохотались.

— Вот к чему приводит антитуризм, — изрек я.

— Словами это не расскажешь, — задумчиво заговорил Марат. — Я смог бы убедить вас... Если бы мы поднялись вместе на вершину горы Народной. Уральское Приполярье. Каменная буря хребтов... Нет, слова тут бессильны.

Марат задумался о чем-то. Я подбросил в костер пару щепок.

— Вот вы говорите: супруги Лялькины, Жора с гитарой... — оживленно заговорил он. — А сколько эти самые люди уносят с собой... Нет, честное слово! Они возвращаются домой совсем другими. Лучше, чище! Природа как бы кладет руку на плечо человеку: «Гляди! Ты человек! Собой гордись! Впитывай всю эту красоту и помни. Бери и помни!»

Мы молча допивали чай. Костер догорал. Солнце клонилось к закату. Вода в реке казалась малиновой. Сосны словно замерли в тишине.

Слышно было, как лодка наша покачалась у берега. Хрустнул песок. Звякнула цепь...

Я задумался о том, что мы с Татьяной, вероятно, уже не поедем вместе работать в Рыбинск. Без сомнения, она скоро полезет вдвоем с Маратом на самую вершину горы Народной. Тихая грусть сошла на меня.

Марат наклонился, чтобы собрать посуду, и вдруг из кармана у него выпал... ключ. Он упал прямо на середину клеенки. Да, тот самый ключ, единственный оставшийся, за который Минаич отца родного не пощадит. Ключ от «склада»!

Мы с Татьяной ошалело уставились на это свидетельство легкомыслия нашего нового друга.

— Вот это да! — вырвалось у меня.

— В чем дело? — наивно спросил Марат.

— Интересно, что скажет завтра Минаич, когда наши ребята приплетутся со своими рюкзаками и палатками...

— Известно, что, — подхватила Татьяна. — Гражда-а-ни, куды прете! Ввиду па-а-тери казенного ключа станция закрыта! Второй день не работаем! Потрудитесь очистить дебаркадер! Ни-ни. Не уговаривайте.

Она смешно подражала Минаичу, крутила головой, выставляла вперед ладони, отталкивая воображаемых ребят.

— А Виктор предложит сломать сарай, — сказал Марат. — Пару досок долой, и...

— А Минаич вынет свисток, — сообщил я. — Милиция! Грабют!! Государственный склад грабют! Что вы делаете, нехристи, у меня там ценности! Веслы казенные, уключины, круги спасательные!.. Милиция! На помощь! Держи вон того, вихрастого!.. Это Шустов! Самый хулиган и грабитель!.. Вон он! Вон побег!

Картина получалась трагическая. Мы приуныли.

— Уже сегодня яличная станция не работает, — размышляла вслух Таня. — А ведь суббота, народу полно, все кататься хотят.

— Завтра воскресенье, — добавил я. — Значит, ни ключа нового не закажут, ни решения какого-либо не примут. Ребята уйдут несолоно хлебавши, а Минаич имеет все сто шансов расквитаться с Витькой за все его штуки. Припомнит ему и «голубчика», и «алкоголя не принимай», и Кузькина тоже.

«Молодчина! Орел, братец, орел!..» — сказала Татьяна басом.

Вышло очень похоже на Витьку. Мы расхохотались.

— Очевидно, кому-то придется слетать в город. Неудобно подводить ребят. — Я посмотрел на Марата. — Кому-то из нас двоих, конечно. А на рассвете обратно.

Тот молчал.

— Видишь ли, — наконец, сказал он. — Я бы слетал, да с мотором твоим не управлюсь, пожалуй. Какой-то он у тебя...

— Да я и сам с ним не управлюсь, — сказал я как можно равнодушнее.

Мы молча перемысли посуду и разошлись в разные стороны. Я перешел узкий пролив — в самом глубоком месте мне было по пояс — и побрел по тропке к лесу. Ситуация прояснялась.

Я представил себе ночь на островке с Таней вдвоем. Марат говорил — будет дождь... Я утешаю перепуганную Таню. Я мужественно дежурю у входа в палатку. Молния. Раскаты грома. Татьяна бросается

ко мне... «Володя, я боюсь, боюсь!..»
И тут я скажу ей все.

Словом, фантазия моя разыгралась. Надо во что бы то ни стало остаться! Пускай едет ленинградец. В конце концов, он виноват. Не надо было увозить ключ. Я понимал, конечно, что обязан был проследить за этим сам. Откуда было знать Марату наши порядки? Но сейчас мне было не до справедливости. Лишь бы остаться... Что если притвориться, что ушиб ногу, например?

Я захромал, схватился рукой за коленку. Кажется, недурно получается! Я жалостно застонал и заковылял по тропинке...

И тут из леса показался Марат. Он шел странно согнувшись. Лево́й рукой он придерживал локоть правой.

Издали мы увидели друг друга и остановились. Карты наши были раскрыты. Мы разом выпрямились, отпустили: я — ногу, а он — руку и молча разошлись в разные стороны.

Противник оказался сильнее, чем я ожидал. Придется придумать что-нибудь поновее. И тут меня осенило...

Я поспешно вернулся в наш лагерь. Таня возилась с посудой, перетирала миски и ложки.

Я удобно устроился на раскладном стульчике посреди площадки, положил себе на колени блокнот, расчертил страничку нотными линейками. Быстро набросал тему и принялся за ее гармонизацию. Мелодия эта давно была записана мною, но я делал вид, что меня только сейчас посетило вдохновение. Я напевал, раскачивался, дирижировал сам себе. То и дело вписывал что-то в блокнот, перечеркивал, снова напевал и дирижировал.

Тревожить композитора, который с головой ушел в работу, просто бесчеловечно. Я был убежден, что дело выиграно... Время шло. Меня никто не беспокоил.

Мимо прошла Татьяна с полотенцем на плече.

— А где Марат? — осторожно поинтересовался я.

Не останавливаясь, Таня кивнула в сторону леса. И я увидел, как по берегу расхаживал Марат с планшетом в руках. Он шагал вдоль берега, останавливался, заносил что-то в план, приставлял к глазу какой-то инструмент, что-то замерял и зарисовывал.

Мы посмотрели друг на друга. Я молча засунул блокнот в карман, он спрятал свою планшетку за спину.

Вернулась Татьяна с влажными, распущенными по спине волосами.

— Чай пить, друзья! — весело позвала она.

Мы собрались у палатки. Молча пили обжигающе горячий чай.

— Что это вы сразу оба за работу взялись? — невинно спросила Татьяна.

Мы открыли было рты, чтобы рассказать о своих работах, но почему-то вдруг раздумали и помолчали.

— Все-таки кому-то надо ехать, — в конце концов, сказал я. — Стемнеет скоро.

— Да вот боюсь, мотор твой забарахлит, что делать буду? — неуверенно сказал Марат. Но за этой неуверенностью я почуял железо сопротивления.

— В случае аварии — на веслах! — посоветовал я. — Тут уж ты специалист!.. Я-то вообще грести не умею. (Я немного приврал.)

— На веслах до рассвета не дотянешь. Бесполезная затея.

— Конечно, я могу поехать, — лицемерно предложил я. — Но учти, какую ты теряешь тренировку. На веслах до города! Тридцать километров на веслах против течения — это чего-нибудь да стоит! Первое место на соревнованиях за тобой обеспечено.

— Нет, ключ надо передать сегодня же вечером, — отрезал Марат. — Тут нужна скорость... А как думаете вы, Татьяна?

Я понял: он искал союзника, и насторожился.

— По-моему, поезжайте оба, — сказала Таня. — Оба виноваты: один ключ увез, другой не позаботился предупредить. Вот вместе и поезжайте!

Она повернулась к нам спиной и принялась старательно драить кастрюлю. Мы поднялись и направились к лодке.

— Все ясно, — сказал Марат. — Я поехал.

Он оттолкнул лодку от берега, прыгнул в нее, мотор мой, конечно, сразу же заработал, словно порядочный... При чем этак бархатно зажурчал, ровненько, без перебоев. А в моих руках всегда ревет, как реактивный двигатель.

— Бензинухвати побольше! — спохватился я.

Лодка задрала нос и ринулась вперед. Я стоял на берегу. Видел, как Марат натянул свою голубую куртку с надписью на спине — наименование спортивного общества. У них всей команде выдали такие куртки.

Я выкупался, сидел немного на камне

около воды, выкупался еще раз. Было душно. На светлой, неподвижной водной глади тут и там расплывались легкие кружки: играла рыба. Толстый полосатый окунь раза два выскакивал из воды: бульканье, прыжок, всплеск, и снова тишь да гладь. На голубом вечернем небе проплывали легкие, подсвеченные розовым облака.

Я вернулся к палатке. Татьяны не было. Но из леса слышался голос, Татьяна пела. Я окликнул ее.

— Тут земляники мно-го-о! — донеслось в ответ.

Я побрел по воде к берегу. Мы долго собирали землянику, до полной темноты. Меня не покидало чувство неловкости. Не слишком ли бесцеремонно выставил я товарища? Все-таки гость.

Таня показала мне грустной. Может быть, она сердится? Во всяком случае, разговора не получилось. А про Рыбинск и про все главное я не решился даже и намекнуть.

Стемнело. Таня отправилась в палатку спать, взяв с меня обещание разбудить ее ночью, на смену мне. Я уселся у входа, твердо решив не будить ее до самого утра.

Ночь была темная. На берегу квакали лягушки. В кустах таинственно мерцали светляки. Я сидел, привалившись спиной к прогретому за день брезенту, следил, как таинственные огоньки сигналили друг другу, неслышно передвигаясь в черной траве. Отдаленные миры, заблудившиеся в пустынных лабиринтах космоса...

Я думал о Татьяне так, как будто она не спала сейчас за тонкой матерчатой стенкой палатки, а была где-то далеко, недоступна, неосвязаема... Видно, я задремал, потому что когда открыл глаза, то сначала ничего не понял. Сначала я подумал, что ослеп — такой был вокруг мрак. Хлопал глазами, но мрак оставался мраком.

И тут над головой грохнуло. Небо дало трещину, фиолетовую, извилистую...

Я сразу ощутил сыроватый брезент палатки за спиной и одновременно увидел, как качнулись сосны на берегу.

Все погасло, но лишь на короткий миг. Наверху полыхнуло розовым. Вода в реке заплясала острыми треугольниками. Я вскочил и едва не задохнулся от тугой, горячей стены ветра, которая напирала с такой силой, что, казалось, наш крохотный островок через секунду будет попросту сбит с лица реки.

Раздался зловеющий треск. Сосна справа от палатки переломилась пополам. Верхушка распласталась по земле, ветер яростно

рвал и трепал ее хвойные лапы, распространяя запах смолы. Как будто за палаткой полыхал буйный зеленый костер.

Розовые зарева перекатывались за тучами, освещая то кусок леса с бушующими вершинами, то черную кипень реки.

И тут я услышал голос Тани. Она стояла за моей спиной.

— Смотри!

Я живо обернулся. Она указывала на правый склон островка.

Вода ходила там мутно-черными валами. У самого берега валы скручивались в воронку, которая поднималась все выше и выше. Неожиданно воронка опадала, и снова набегали валы, снова заворачивались в воронку. Кусты, на которых днем мы развешивали для просушки трусы и майки, стояли наполовину в воде... Это показалось мне странным, тем более, что склон здесь находился не против течения реки, а как раз наоборот. Не может же река пойти вспять! Такого я еще не видел.

— Нас зальет! — вскрикнула Таня. — Свертывай палатку!

Я обрубил ножом шнур, кое-как мы свернули палатку.

— Тащи скорее на берег! Я пока вещи собираю!

Небо лопнуло сразу в нескольких местах, засветилось сиреневыми змейками.

Я взвалил палатку на плечи и кинулся в воду. В проливе было относительно спокойно. Вода показалась мне теплой. Я выскочил на берег, забросил палатку в первые же попавшиеся кусты и снова побежал к реке. Отсюда остров наш казался ничтожно маленьким, покосившимся темным бугорком. Только окончательным идиотам могло прийти в голову остановиться на нем.

Едва я вошел в воду, как сразу почувствовал, что обстановка изменилась. Река напирала, чувствовалось течение, в проливе гуляли довольно крупные волны. Да и вода поднялась. В глубоком месте мне было уже по грудь.

С треском рассыпался удар грома.

— А дождя все нет! — крикнула Таня. — Самое опасное, когда нет дождя!

Два рюкзака и чемодан стояли у самой воды. Быстро связал рюкзак и Татьянин чемодан, повесил через плечо. Татьяна уцепилась было за оставшийся здоровенный рюкзак. Я удержал ее.

— Еще раз схожу! — крикнул я.

Мы вошли в воду.

В небе полыхнуло широко и багрово. Таня вскрикнула и уцепилась за мою руку.

Я посмотрел вверх по течению. Лучше бы мне не смотреть туда. Река, вся в кипящей пене, вздулась багровыми желваками, она катилась на нас, как с горы.

— Не смотри туда! — крикнула вдруг Таня и с решимостью зашагала впереди меня... Становилось все глубже. Чувствовался напор воды. По ногам перекачивалась мелкая и крупная галька. Берег казался недотягаемым... Вода закрыла мне плечи. Таня передвигалась прыжками, держась за мою руку. Стало еще глубже. Я крепко обхватил ее, понес. Таня подняла ко мне мокрое испуганное лицо. Волосы залепили ей глаза, опутали шею, длинные перепутанные пряди метались около ее лица на поверхности воды.

Небо вспыхнуло еще раз и погасло.

В темноте река шла на нас всей черной громадой. Мне вдруг стало все равно. Я прижал Татьяну к себе и поцеловал в губы. Я почувствовал вкус волжской воды и то, что она ответила мне... Река, натываясь на нас, вспенилась буруном и завивалась воронкой, а я все стоял на месте и целовал Татьяну, и ее губы каждый раз отвечали мне.

Потом мы заторопились к берегу. Волны захлестывали глаза, течение тащило нас куда-то в сторону... Наконец стало мелеть.

Я выбрался на высокий берег и втащил за руку Татьяну. И тут ударил дождь.

Пригнувшись, мы бежали по берегу, словно Адам и Ева, изгнанные из рая.

— Ой! Град! — закричала Таня.

И правда, на наши спины вдруг посыпалась ледяная крупа. Град был крупный. Река шипела и пенилась, ее хлестало градом.

Я вспомнил о полуразрушенном шалаше, который еще днем заметил. Шалаш стоял под защитой нескольких громадных елей. Мы накинули нашу палатку поверх шалаша, кое-как укрепили веревками. Перетаскивали вещи туда... И тут я подумал о вещевом мешке, оставленном на острове. Взглянул на наше имущество. Так и есть — на острове остался рюкзак Марата! Надо было идти за ним. Я, ни слова не говоря, побежал к реке.

— Куда? Стой! — закричала Таня вслед.

Я старался не думать ни о чем, с разбегу вошел в воду. Град кончился, но ливень хлестал всюю... Тут я ощутил могущество стихии: сам я казался себе крошечной щепкой, легким обломком коры. Мои усилия были ничтожны. Течение властно тащило меня мимо острова. Эх, не рассчитал: надо было войти в воду гораздо выше...

Я барахтался, плыл, около берега меня раза два с силой швырнуло о песок. Наконец выбрался. Рюкзак валялся в воде, желтоватая пена медленно обступала его. Я схватил рюкзак и тут же бросился обратно.

Я не давал воли никаким эмоциям, не смотрел на кипящую реку. С меня достаточно было грохота, грома, рева реки и толстых струй дождя, буравивших мне голову и плечи. Переходил поток наискось, осторожно поддаваясь течению. Всей кожей чувствовал, насколько опасно всякое сопротивление этой сверхмощной водяной лавине. Малейший неверный шаг — и меня сбьет с ног, поволочет неизвестно куда. Дно пропало. Я поплыл, держа рюкзак на вытянутой руке. Потом снова нащупал дно. Берег был почти рядом. И тут меня ударило чем-то по ноге. Я упал. Мимо поплыли доски и бревна... Я поглядел влево. На меня надвигался целый лесосплав. Я оттолкнул рукой бревно, отчаянно рванулся к берегу.

Я напрягал все силы, лез напролом, отбиваясь от обступивших бревен... Наконец сдался. Больше не было сил. Упал лицом в мелкую прибрежную воду. По моим ногам шаркали проплывающие бревна...

Помню, Татьяна тащила меня по песку, вела, подбадривала, ругала.

Потом — уложила, и я что-то пил, лязгая зубами о кружку. Меня качало, как на волнах, земля переворачивалась подо мной... Потом я забылся.

Спал я, должно быть, долго, потому что, когда проснулся, всюю светило солнце.

Где-то рядом ярко пылал костер. Ногам было жарко. Я понял, что лежу тепло укрытый в шалаше, ногами к костру, который горел у входа, и что на ногах у меня — шерстяные носки.

Я приподнялся на локтях и увидел Таню.

Она развешивала на протянутых веревках наше промокшее имущество: разноцветный парад рубашек, трусов, курток, одеял, полотенец.

Таня была в моем толстом свитере, едва прикрывавшем ей бедра, но босая. Голые загорелые ноги розовели на солнце. Она перепрыгивала через лужи от веревки к веревке, расправляла мокрые вещи и напевала что-то. Волосы ее были закручены каким-то невысказанным калачом на макушке.

На костре зашипел котелок с варевом.

Она бросилась к огню. Впопыхах наступила на что-то колкое, ойкнула, запрыгала на одной ноге. Я засмеялся.

— Проснулся?.. Ну как, цел? — Таня положила мне на лоб прохладную руку.

Я с удовольствием притворился бы, что заболел окончательно и надолго, лишь бы она по-прежнему вот так держала руку на моем лбу... Но она принялась хлопотать.

Мы пили чай из земляничных листьев, ели похлебку из консервов, заправленную каким-то растением. Таня объявила, что это «щи с молодой» — что-то вроде заячьей капусты.

Было ясно, как дважды два, что ночью ей спать не пришлось. Шутка ли, вытащить меня из воды, дотянуть сюда к шалашу, потом вся эта возня со мной, с намокшими рюкзаками, с костром и так далее.

Однако Таня не унывала. Она смеялась, изображала в лицах мою героическую борьбу со стихиями и чудесное спасение Маратовых вещей.

— Вещи-то спасли, — прибавила она. — А вот где хозяин, доехал ли? Ты не знаешь, во сколько началось светопреставление?

Я не знал. Но не мог же я признаться Тане, что заснул на вахте? Возможно, было что-то около двенадцати, когда я услышал первый удар грома. Всего скорее, Марат успел добраться...

Кое-как я привел себя в порядок. Немного ныл бок, но в общем-то я чувствовал себя нормально. Я думал только о том, что произошло с нами в воде этой ночью. Я пытался навести разговор на эту тему, но Таня только посмеивалась, бегая мимо меня к реке и обратно. Я захватил грязные котелки и тоже заковылял к реке. Таня стояла на пригорке, прислушивалась.

— Ребята едут! — закричала она.

Действительно, вдали на реке стрекотали моторы. Шум приближался. Уже я узнавал среди разноголосого завывания сиплый рев своего старика. И вот, наконец, на широкую воду вылетела лодка. Нос рвется кверху, сзади мощные пенные буруны. У мотора — вихрастый Виктор Шустов. А на носу сидит, как всегда подтянутый, щеголеватый Марат и с беспокойством всматривается в наш полузатонувший островок.

Следом вылетели еще две моторки — по три человека в каждой.

— Ребята-а! — закричала Татьяна. Запрыгала, замахала руками. — Мы зде-е-сь!..

Лодки лихо описали круг и одна за другой пристали к берегу.

— Привет от Минаича! — гаркнул Витька, перелезая через борт. — Старикашка шлет вам пламенный комсомольский привет!

— Расскажи лучше, как тебе удалось из его лап живым уйти! — рассмеялась Татьяна.

— Что за напраслина! — пробасил Витька. — Старичок кроткий, как ангел...

Ребята так и покатались со смеху.

— Правда, я пришел на пристань с новым ключиком, — пояснил Витька. — Как чувствовал, что нечем отпереть! Заранее ключик заказал.

— Как?! — вскричал я. — Марат разве не привез?..

— Братцы, лучше подведем итоги! — провозгласил Виктор. — Итак, кто кого спас?

— Он! — выпалила Татьяна, указывая на меня. — Не знаю, что бы я тут без него делала. Отлично держался Володя.

Марат как-то сомнительно взглянул на нас обоих.

— Нет, уж скорее — ты меня, — заявил я.

— А мы — его! — захохотал Виктор. — Едем утром, глядим — что такое? У самого берега на веслах тащится. Потерпел аварию. Мотор забарахлил. Но главное, угадайте, куда он шел? Спасать вас! Вот так-то, братцы... Марат! Сам расскажи.

— Не стоит, — улынулся Марат.

— Сейчас-то он красив! — заливался Виктор. — Еще бы, в моей новой рубашке. А тогда выглядел очень неважно, замерз бедняга, натерпелся! Куртку ветром унесло! Итак, предлагаю устроить пир в честь всеобщего спасения!

У костра много шумели, рассказывали друг другу подробности. Оказывается, Марат доехал почти до самого города, когда началась буря. Испугался: вдруг нас затопит, и повернул обратно. Пустую лодку закидывало, он поехал вдоль берега и врезался в песок. Добрых два часа возился, пытаясь сняться с мели. Когда, наконец, это удалось, отказал мотор. До рассвета шел на веслах. Тут-то и увидели его ребята.

— Я подумал, что без лодки вам никак не удастся переправиться на берег, — серьезно сказал Марат.

— А зачем вы, братцы, удрали с островка? — захохотал вдруг Витька. — Вон, стоит, как миленький! Ну, чуть-чуть поуменьшился, да много ли надо вам места на двоих? А?.. Сидели бы, ей-богу!

— Сам бы сидел! — рассердилась Таня. — Тебя бы туда в такую бурю.

— С тобой, Танечка, готов поселиться там навечно! — сострил Витька, за что медленно получил полотенцем по шее.

— Глядите! Что это? — закричали ребята.

Мы вскочили. По реке что-то плыло. Вроде птицы. Плыло и билось голубым крылом.

— Куртка! — закричал я.

— Марат! Куртка!.. Держите!..

Мигом две моторки наперегонки понеслись за курткой. Виктор подоспел первым, подцепил куртку веслом и торжественно доставил на берег.

До вечера мы шумели и веселились около костра.

Когда солнце стало садиться, Виктор предложил переночевать в семи километрах отсюда, где, как он утверждал, и берег суше, и лес погуще.

— А утром — двинемся дальше вниз по реке. Потом повернем налево, в приток. Там вообще райские места! — ораторствовал Виктор.

— Имейте в виду, ребята, что пятнадцатого мы с Володией должны быть в городе! — звонким голосом вдруг сказала Таня. — Мы едем в Рыбинск познакомиться с местом нашей будущей работы...

Эффект был необычайный. Все переглянулись, потом шумно и весело начали нас поздравлять. Я пожимал все руки подряд, говорил что-то, отвечал на расспросы, в общем, выглядел, должно быть, торжественно и глупо.

— Я и сам должен быть в городе, — грустно сказал Марат. — С пятнадцатого начинаются тренировки.

Все сочувственно помолчали.

Мы погрузили вещи в лодку. Марат собирался было занять свое место, но тут его окликнул Виктор.

— Эй! Марат!.. Поспеши, братец, сюда! Девочки здесь никак одни не управляются!

Марат побежал, девчата в третьей лодке восторженно завизжали, засуетились... Вскоре послышался дружный хохот, видно, Марат выдавал что-то веселое, не терялся...

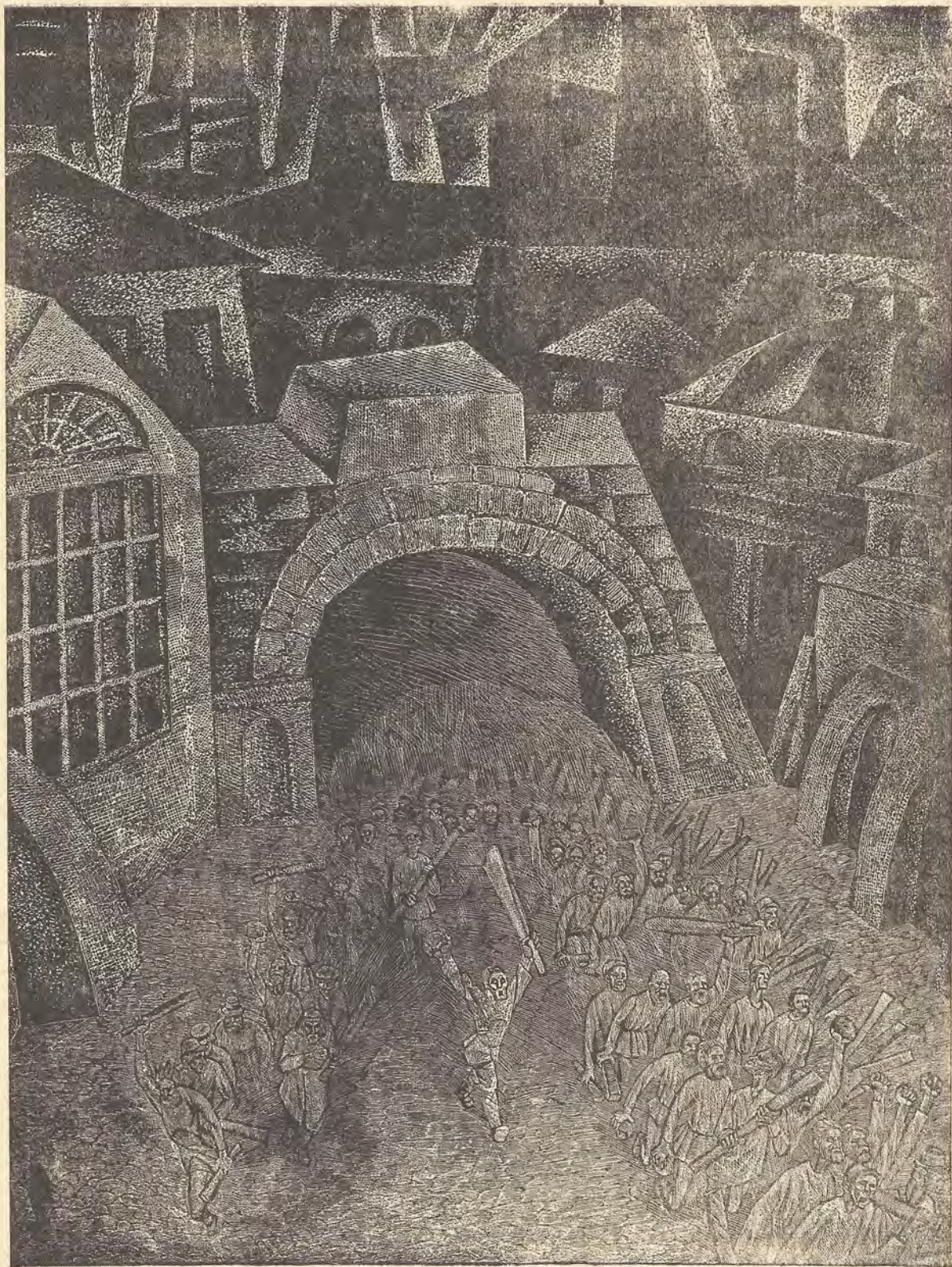
Мы ехали по высокой воде. По берегам чернели полузатопленные кусты. Наши три мотора согласно гудели. С берега доносился пряный запах сена.

Лодка моя шла второй, поэтому мне не надо было следить за вешками. Я смотрел на Татьяну. Она крепко спала, постелив на днище лодки сложенные вдвое одеяла. Я старательно укутал ее всем, что было у нас сухого и теплого. Под голову подложил охапку сена, я его стащил из-под копны там, где посуше.

По берегам ярко светились огоньки, ребята на лодках кричали, пели. А вокруг нас двоих была тишина.

Рисунки Н. Мооса

БУНТ УГЛЕЖОГОВ (гравюра)

А. ҚАЗАНЦЕВ

С ДУМОЙ О «НАБЕГЛОМ ЦАРЕ»

Замысел романа о Пугачеве, вожаке крестьянской войны 1773—1775 годов, возник у В. Г. Короленко еще в конце 1880-х годов в Нижнем Новгороде, когда Владимир Галактионович, будучи членом ученой архивной комиссии, обнаружил дела, относящиеся к пугачевщине.

Летом 1891 года писатель совершил поездку в Уфу и осмотрел места, где находился лагерь Чики-Зарубина — славного сподвижника Пугачева. Это дало новые впечатления, новый толчок к продолжению задуманной работы. С тех пор и в Нижнем, и — позднее — в Петербурге, и даже в поездках Владимир Галактионович, как только вырывался свободный час, заполнял записные книжки выписками из исторических сочинений, относящихся к эпохе Пугачева, набрасывал конспекты отдельных глав и картин.

Вплотную к работе над задуманным произведением о «набеглом царе» Короленко приступил летом 1899 года. «Вечером написал первую главу исторической повести», — занес он в записную книжку 21 мая.

Но писателю хотелось поближе познакомиться с местами, которые были очагами пугачевского движения, где сохранились предания о крестьянском вожаке. Короленко думал «свести их в одно целое и, быть может, найти среди этого фантастического нагромождения живые черты, всколыхнувшие на Яике волну крупного народного движения».

Летом 1900 года В. Г. Короленко поехал в округ Уральского

войска. Он прибыл в Уральск во второй половине июня и поселился на даче своих знакомых Каменских, в семи верстах от города, в Старо-Шапошниковском саду на речке Деркул. Отсюда писатель ездил на велосипеде в Уральск, работал там в войсковом архиве. Отсюда же выезжал в окрестные станицы. Эти поездки, встречи с людьми, непосредственные впечатления от степной природы, казачьего быта, сохранившейся старины и особенно долгие душевные разговоры со стариками помогли ему живее и ярче представить картины задуманного произведения.

Получив доступ в Уральский войсковой архив, Короленко углубился в изучение подлинных документов, относящихся к пугачевскому времени. Редчайшие бумаги, тогда еще не известные исследователям, давали довольно полную картину событий тех лет. Некоторые детали и факты пропались прямо на бумагу.

Писателю уже виделась канва будущего исторического произведения — «рамка, на которой придется вышить свой узор». Он был уверен, что документы помогут ему избежать ошибок, «колорит времени и места передаст правдиво, а в некоторых подробностях быть может будет кое-что новое и даже для историков».

В письмах к друзьям Короленко рассказывает о картинах новой повести «Набеглый царь», возникающих в его воображении: «Картины человеческой неправды и подлости, с одной стороны, неясные инстинкты дикой воли, кар-

тина разгула и разнузданности этой дикой воли, с другой стороны, и среди этих темных разбушевавшихся сил — мечта о какой-то будущей правде, как звезда среди тучи, — вот как мне рисуется основная нота моей повести».

В другом письме Владимир Галактионович говорит и о самом Пугачеве — каким он видится ему: «В то время как «печатный» исторический Пугачев до сих пор остается человеком «без лица» — Пугачев легенды лицо живое, с чертами необыкновенно яркими и прямо-таки реальными, образ цельный, надежный, с недостатками человека и полумифическим величием «царя». Меня поразило это, когда я собрал воедино все эти рассказы. Нечего и говорить, что до сих пор его считают настоящим царем».

Людей, с которыми Владимир Галактионович встречался в Уральске и казачьих станицах, было много. Одних писатель лишь называет в очерках и дневниках, о других рассказывает более подробно. Это уральский старожил писатель Вячеслав Петрович Борозин, 89-летний казак Ананий Иванович Хохлачев, сохранивший в памяти множество преданий, Григорий Терентьевич Хохлов — автор брошюры «Путешествие уральских казаков в Беловодское царство», Иван Яковлевич Солдатов, бывший атаман, человек начитанный, хороший знаток старины, Иван Семенович Алексеев — архивариус войскового архива, рассказавший о казачьем поэте Голованове, написавшем поэму о

Чике-Зарубине «Герой-разбойник». Впечатления, вынесенные от встреч и разговоров с этими людьми, Короленко спешно заносил в записные книжки. Позднее часть наблюдений оформилась в очерки «У казаков», опубликованные в журнале «Русское богатство» в конце 1901 года.

Семья Короленко сдружилась здесь с Алевтиной Яковлевны Каменской и ее братьями Владимиром Яковлевичем и Павлом Яковлевичем Шелудяковыми — казачьими офицерами, спутниками писателя по Уральску. Особенно близкой стала им семья учителя войсковой сельскохозяйственной фермы Макара Егоровича Верушкина, сопровождавшего Владимира Галактионовича во всех поездках по дальним станицам.

Верушкин был илецкий казак, отлично знающий округ Уральского войска, он имел в станицах много знакомых учителей, казачьих офицеров. Писатель проехал с ним по «верхней линии» до границы Уральского войска, в Илек, откуда «Бухарской стороной» Урала вернулся обратно.

«Ездил я с илецким казаком-учителем, на собственной купленной лошади довольно убогого вида и в такой же тележке, — сообщал Короленко своему другу публицисту Н. Ф. Анненскому. — Ночевали на дворах, на пашнях, на «базах» (навесы для скотины) и сеновалах. Разумеется, казаки нас не стеснялись, и пришлось слышать много любопытного. Записал две записные книжки путевыми набросками. Был у киргиз в кибитках и наконец запутался в степи без дорог и «без языка» — «орда» не говорит по-русски. Кое-как мы пробилась к Уралу и с половины дороги опять поехали русской стороной».

Лето 1900 года «не прошло напрасно», говорил позднее Короленко о своей поездке в Уральск. Писатель выполнил часть своей программы, пожалуй, наиболее важную и значительную в подготовительной работе над историческим произведением. Однако

написать это произведение ему не удалось. Началась первая русская революция в России, а затем первая империалистическая война, это отвлекло силы на другие, более важные общественные дела.

Но мысль о повести «Набеглый царь» не оставляла Короленко до последних дней жизни. О масштабах его замысла можно судить лишь по незаконченным главам, наброскам, письмам к друзьям.

Очерки «У казаков» явились лишь «пробой пера» перед началом работы над повестью «Набеглый царь». По характеристике самого Короленко, современный уральский казачий быт представлялся ему историческим пережитком, «случайно сохранившимся обломком прошлого, прошлого сильного, оригинального и поэтического, но все-таки прошлого».

В этом отношении неценимо значение тридцати двух писем В. Г. Короленко к М. Е. Верушкину, до сих пор оставшихся неизвестными. Более сорока лет их хранила, как дорогую семейную реликвию, дочь уральского учителя — московская учительница Лидия Макаровна Шапошникова.

Переписка, охватывающая период с 1900 по 1913 год, позволяет проследить, как работал Короленко над очерками «У казаков» и над повестью «Набеглый царь», насколько ответственно подходил к каждому факту, перепроверял и уточнял названия мест, имена действующих лиц, делился своими мыслями и планами.

Переписка с М. Е. Верушкиным — это и неизвестная страница в творческой биографии Короленко. Рассказать о содержании 32 писем значит восполнить важные моменты в жизни писателя, характеризующие его многогранную личность, его добрую душу и чуткое сердце, болеющее за горе народное.

Как же сохранились эти ценные документы? После смерти М. Е. Верушкина в 1921 году его жена переслала письма своей дочери

Л. М. Шапошниковой. К ним прилагались девять фотографий тех мест, где бывал писатель. Они сделаны Владимиром Галактионовичем и в свое время были высланы Верушкину. Лидия Макаровна — словесник по образованию, на уроках литературы, рассказывая о Короленко или о Пугачевском восстании, показывала эти фотографии ученикам. В 1962 году она передала их вместе с письмами в Государственную ордену Ленина библиотеку СССР имени В. И. Ленина.

Здесь, в рукописном отделе уникальнейшего хранилища, я и познакомился с этой, пока еще неопубликованной перепиской. Читал строки, написанные неторопливым и четким почерком Короленко, ответы Верушкина, начертанные по-учительски крупноокруглыми буквами. Я как бы прочувствовал то, что более семидесяти лет назад глубоко волновало и знаменитого писателя России, и учителя, хорошо знавшего историю края и любившего литературу.

С М. Е. Верушкиным Владимир Галактионович познакомился при осмотре в Уральске пугачевского дворца и дома его «царицы», которые Короленко зарисовал 19 июля 1900 года. Через четыре дня после этого он направил Верушкину первую записку, положившую начало их многолетней дружеской переписке.

Владимир Галактионович почти в каждом письме дотошно расспрашивает Макара Егоровича обо всем, касающемся истории уральского казачества. Его интересуют быт и нравы казаков, их обряды, родовые отношения — все то, что необходимо было для работы над художественным произведением о пугачевском времени.

Январские дни 1905 года, всколыхнувшие всю Россию, нашли горячий отклик в сердце писателя.

«Мой «Пугачев» теперь не двигается, — не до того, и еще некоторое время подождет, — сообщает Владимир Галактионович

Верушкину, но тут же просит Макара Егоровича сообщить список, хотя бы самый краткий, слов, в которых илецкие жители делают смягчение буквой И. Значит, Короленко продолжает собирать материалы о Пугачеве. Письма к Верушкину полны все новых и новых запросов.

Собирая материалы для своего произведения, Короленко обращается с запросами не только к М. Е. Верушкину, но и другим своим корреспондентам. Узнав, что в Оренбургской архивной комиссии сохранились дела о Пугачевском бунте, Короленко обращается с письмом к члену этой комиссии А. И. Мякутину с просьбой сообщить, какие это дела.

«Было бы большой услугой истории, если бы удалось разыскать подробности о некоторых сподвижниках Пугачева. Меня лично интересует предыдущая служба Шванвича, который потом предан Пугачеву, а также: за что, собственно, был сослан и содержался в Оренбурге известный Хлопуша, как его звали ранее? В Уральском войсковом архиве я нашел указание, что Шванвич служил в самом Оренбурге, года за два до пугачевщины.

Вообще, если бы несколько членов комиссии захотели рассмотреть и сделать систематическую опись всех дел, имеющих в архиве, лет за пять до бунта и затем во время и непосредственно после бунта, то это была бы большая заслуга комиссии перед историей этого интереснейшего периода».

Получив сведения от своего знакомого Т. Ефимова о том, что в Тобольске якобы проживает 142-летний старик Зотов, бывший пугачевец, и не имея возможности совершить поездку в Тобольск, Короленко забрасывает адресата вопросами о Пугачеве, его сподвижниках, особенно о Чике, Белобородове, Хлопуше.

Сотруднику русского географического общества в Уфе Н. А. Гурвичу он пишет:

«...Без сомнения, вам известно содержание двух дел о пугачев-

Рисунок В. Г. Короленко

цах, которые, говорят, сохранились в Уфимском архиве. Был бы очень признателен Вам, если бы Вы нашли возможным сообщить мне, — что, собственно, заключается в этих делах, есть ли в них указания, характерные для Чики-Зарубина и его сподвижников, а также нет ли чего о Белобородове (особенно для меня интересно) о загадочном Хлопуше. Все это мне нужно для работы чисто беллетристической».

В начальный период империалистической войны В. Г. Короленко, находясь за границей, оказался фактически отрезанным от родной земли. Прервались его связи с Россией, нарушилась переписка с уральцами. Но вот в июне 1915 года он возвращается в Полтаву, включается в общественную жизнь, начинает сотрудничать в столичной и местной печати и завязывает новые знакомства с уральцами, которые

были бы полезны ему при работе над повестью «Набеглый царь».

Летом 1915 года Короленко знакомится с В. Шерстобитовым — учителем рисования Троицкой женской гимназии, завязывает с ним переписку.

Письма В. Г. Короленко к В. Шерстобитову, к сожалению, пока не обнаружены, но если судить по письмам учителя гимназии, хранящимся в отделе рукописей Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина, то знакомство это не было случайным. Короленко относился к уральцу с большим дружеским чувством и товарищеским расположением.

О замыслах писателя мы можем судить теперь только по записным книжкам Короленко, отдельным главам и наброскам, сохранившимся в его архиве и по переписке с уральцами.

Александр ШМАКОВ

Нина живет в доме инвалидов. Из своих тридцати девяти лет она только первые три года была здорова. А потом полиартрит навсегда приковал ее к постели.

Не всякий на месте Вишняковой проявил бы такое мужество и упорство в борениях с жестокой судьбой. Несмотря на тяжкий недуг, Нина училась в школе, потом — на факультете журналистики Уральского университета, стала членом Союза журналистов СССР. Пятнадцать лет вступила в комсомол, теперь она — коммунист.

Я познакомилась с Ниной Вишняковой несколько лет назад... И каждый раз при встрече поражают ее живые, теплые, веселые глаза, которые излучают душевную щедрость и так не вяжутся с ее неподвижностью.

В одну из встреч я узнала, что Нина, оказывается, с юности пишет стихи (из скромности она и не предназначала их для печати). А стихи — живые, искренние, умные... И в них — тот же мир ее души, ее страстей и раздумий. Тем они и интересны читателю — стихи Ники Вишняковой.

Эмилия БОЯРШИНОВА

Мир мой мал:
Кровать, четыре стенки
Да окно в лесок и синеву.
Да крыльцо — беззвучных три ступеньки.
Да мечты — числа не назову!

Но нет гор, чтоб я не одолела.
Нет реки, чтоб не переплыла.
Нет и недоделанного дела:
Довершу, домчусь, сгорю дотла!

Если ум по-молодому жаден,
Если в сердце равнодушья нет,
Необъятен мир мой, неогляден:
От крылечка — до иных планет!

Умирала подруга
Майским вечером свежим.
Побеждали недуги.
Отбывали надежды.
С тихим ветром последнее
Улетело дыханье...

Мне достались в наследие
Думы ее и мечтания,
Диво дивное весен
И зеленый их шум...
Сколько тропочек в осень
Я еще проложу!

Мне — мечтать и творить
И любя, и скорбя.
Мне — вдвойне теперь жить:
За нее и себя.

На душе — незваными, неожиданными —
Вечно плавают стихи туманами,
Зыбко тенями переливаются,
Будто облаками стать стараются...

Ходят-бродят все вокруг да около,
Будто наливают почки соками,
Что вот-вот порвут тугую кожицу,
Листьями резными растревожатся —

Крохотными, изжелта-зелеными,
Юными, весенними знаменами!

Фонарь над скользкой мостовой
Качает светлой головой:

— Ах, люди!
Ваши стройки шумные
Не утихают в час ночной.
Из года в год машины умные
Меняют землю под луной.
Ах, люди, люди!
Сколько чудного
Вы понастроили везде!
И сколько глупого и трудного
Не переделали в себе...

Так изрек мудрый царь Соломон:
«Все проходит!»
— Все проходит! — сказал он,
Как будто поставил мертвящую точку
Над ликующим днем,
Что кровавым закатом исходит;
Над задумчивым озером,
Зарастающим тиной и кочками;
Над священной любовью,
Таящей разочарованье;
Над мечтою летучей,
Не ставшей большими делами;
И над счастьем безбрежным,
Кончающимся страданьем;
Над красою и силой,
Что в дряхлость приходит с годами...
— Все проходит.
Проходит! Проходит,—
Как эхо,
Повторяли веками усталые люди.
— Жизнь пройдет.
Торопись или спи —
Повторенья не будет.
Нет! Ничто не проходит бесследно
В большом нашем мире!
Даже день не сотрут
Торопливые годы.
Каждый миг добавляет упорства
Патриотам Вьетнама.
С каждым часом пышней
Расцветает на Кубе свобода.

Нет! Ни счастье, ни скорбь не уйдут.
Не оставивши грани на сердце,
Чтобы после лучилось оно
Самоцветным сияньем.
Чтобы людям светило
Живое и вечное сердце,
Где в глубокую мудрость
Переплавились боль и страданья.

Рисунок В. Меринова

Мальчик, поймавший звезду

Летом 1955 года нашу страну посетила правительственная делегация Демократической Республики Вьетнам во главе с президентом Хо Ши Мином. По пути в Москву делегация остановилась в Свердловске. Знакомясь с городом, вьетнамские друзья посетили и Уральский геологический музей. Здесь, на память о пребывании на уральской земле, президенту вручили сувенир — осколок знаменитого метеорита Кунашак.

Метеорит этот упал 11 июня 1949 года в 8 часов 10 минут утра в Кунашакском районе Челябинской области.

Погода в то утро стояла ясная, солнечная, небо — голубое, безоблачное. Яркий болид наблюдался в радиусе до 350 километров от места падения — в Свердловской, Челябинской, Курганской, Тюменской областях и в Башкирии.

Метеорит был довольно большим, но, как и многие другие небесные камни, он не выдержал соприкосновения с атмосферой, раскололся в воздухе на части и пролился на Землю каменным дождем. «Капли» его стали находить местные жители.

В Кунашакский район выехали ученые из Москвы, Свердловска, Челябинска. Они опросили очевидцев, собрали найденные ими осколки, обследовали места падения.

По горячим следам удалось собрать 20 осколков, весом от нескольких десятков граммов до десятков килограммов, — всего более 200 килограммов. Тот из них, который подарили президенту Хо Ши Мину, нашел школьник Миша Соболев.

Миша учился в Каменске-Уральском, в 9-м классе средней школы. На лето он обычно приезжал в совхоз Уркульский, где жили и работали его родители.

В то лето его поставили учетчиком на молочную ферму. В день падения метеорита он там и был, в помещении, поэтому полета болида не видел, но слышал, как и другие, громopodobные взрывы.

Вечером в поселке только и было разговоров, что о каменном «граде». Кое-кому удалось и поднять еще горяченькие небесные камни. Мише тоже захотелось добыть такой, и на следующее утро, встав пораньше, отправился с товарищами на поиски.

Им повезло — неподалеку от

Миша Соболев. Снимок 1949 года

совхозной зерносушилки Миша нашел камень, похожий на тот, что подняли совхозные рабочие. И, когда в совхоз приехали на поиски осколков метеорита сотрудники Уральского геологического музея, отнес находку им. Ученый секретарь Уральской комиссии по метеоритам Иван Александрович Юдин, осмотрев камень, сказал, что это, действительно, метеорит и, поблагодарив

школьника за помощь науке, увез осколок в Свердловск, в музей.

Окрыленный успехом, Миша решил продолжить поиски — ведь говорили же, что осколков в районе совхоза упало много. В свободные от работы дни с утра отправлялся в поле «по метеориты».

Искать упавшие с неба камни в Кунашакском районе особенно трудно — здесь болота, мелкие озера, густые заросли кустарника. И все же настойчивость Миши увенчалась успехом — ему удалось найти еще два осколка — один размером с куриное яйцо, другой — с гусиное. В Свердловске Миша разыскал «старого знакомого» — метеоритоведа Юдина — и вручил ему найденные камни. Один из них и был подарен потом президенту Хо Ши Мину.

Метеорит Кунашак отнесен учеными к типу редких. Во-первых, он «голый», не имеет коры плавления, которая образуется обычно при проходе через атмосферу. В коллекции Академии наук СССР из 144 метеоритов бескорых только три (вместе с Кунашаком).

Во-вторых, этот метеорит — один из тех немногих, что при падении угодили в строение. Небольшой (весом 358 граммов) осколок его упал прямо на совхозную зерносушилку. Каменная градина пробила толевую крышу, ударилась о стропила, потом отскочила в потолочное перекрытие и через дыру в потолке свалилась на пол.

Попадание метеорита в постройку — явление очень интересное. Оно дает ученым возможность лучше представить себе, как происходило движение метеорного тела в атмосфере, определить угол падения и энергию удара небесного камня, рассчитать траекторию и направление его полета.

Совхозная сушилка, в которую угодил осколок метеорита. Крестиком помечено место, где он пробил крышу.

Между тем, на всем земном шаре до сих пор зарегистрировано лишь около 30 случаев попадания метеоритов в постройки. И только четыре из них были изучены учеными.

Вот почему метеоритоведы с такой жадностью накинлись на урукульскую зерносушилку. Дырку, проделанную метеоритом, вернее, пробитый лист толя, а вместе с ним и доски, на которых остались вмятины, увезли в Москву, тщательно исследовали. Сейчас этот лист толя выставлен в витрине метеоритного музея.

А что же Миша Соболев, как

сложилась дальнейшая судьба «мальчика, поймавшего звезду»?

После десятилетки Миша поступил в Свердловский горный институт имени В. В. Вахрушева на геологоразведочный факультет. Успешно окончил его, стал геологом, исходил вместе с отрядом чуть ли не весь Урал, стал начальником геологического отряда. Сейчас Михаил Тимофеевич Соболев продолжает работать в Уральском геологическом управлении.

Любовь КУЗНЕЦОВА

Александр КИРИЧЕНКО

ДАВНЫМ- ДАВНО...

Фантастический рассказ

Теплая тишина и вековой покой — таким запомнилось мне то лето.

Отпуск после безумной оглушающей гонки года... Я устал от шума и бежал от звуков. Все к этому времени стало раздражать меня: музыка, тихая беседа, даже смех... Все — шум, беспокоящий до боли.

И я с утра уходил за город, в каменистую, клубящуюся жаром степь, к морю.

Колыхались в мареве серые обломки — стены древнего города. Я шел к ним неспешно, растягивая наслаждение одиночеством. Сухая трава безжизненно крошилась под ногами. И всегда удивляло меня, что при каждом шаге по этой мертвой траве из-под ног веером разлетались насекомые. Брызги всякой мелочи. Кузнечики распахивали розовые и голубые крылья. Тяжело прыгали длинные богомолы и акриды.

Горячий воздух поднимался от иссохшей земли. Через пролом в полуразрушенной стене тропинка втягивалась в древний город и растворялась в расплывчатых археологами улицах.

Я сворачивал мимо единственного дерева в узкую улочку, которая ровно протянулась меж обвалившихся стен из нетесаного камня, к распахнутой голубизне моря. Камни города иногда обволакивали меня обжигающим теплом, но прохладное веяние моря здесь, вблизи от берега, тут же уносило в степь это горячее дыхание.

На доисторическом причале можно было уютно загорать, и кое-кто добирался сюда, хотя прямо в центре нашего курортного города был отличный пляж.

У меня — свое заветное местечко. Чуть в стороне от древней пристани берег обрывался, круто уходя в воду. Нужно было спуститься несколько метров по этой почти отвесной стене, чтобы попасть на крохотный мысок — плоский выступ, каменным языком вдававшийся в море. Под воду он скатывался полого, и только крупные волны обдавали его блестящими дугами брызг.

Я спускался быстро, не боясь и не раздумывая, — каждый выступ, каждую трещину на обрыве я изучил еще со школьных лет. На камне я обычно бывал один. Нередко над обрывом в солнечном ореоле маячили фигурки пляжников. Они переминаясь от зависти, кружили надо мной в поисках спуска и разочарованно уходили, так и не поняв, как я попал на камень.

Иногда попадались смельчаки, начинавшие долгий осторожный спуск. Некоторые добирались до моего камня вплавь. Они бросали косые любопытные взгляды на меня. Но я лежал молча, и, уязвленные моим негостеприимством, кое-как обсохнув, отдыхающие уплывали к старинному причалу.

Я погружен был в созерцание. Сквозь солнцезащитные очки смотрел, как сверху, на обрыве, возникают на фоне неба фигуры. Или поворачивался к морю и расслабленно следил за его колебаниями, пока не начинало казаться, что мы с ним дышим одной грудью, что это мое дыхание вздымает беспредельную ширь с порхающими на гребнях волн белыми клочьями пены.

Нынешний город был на другой стороне бухты, и отсюда я мог рассмотреть машины и прохожих. Все это двигалось и жило до того беззвучно, что казалось иногда сном.

С другой стороны моего мыска, левее невидимого для меня причала, медленно выбирался из-под земли разрушенный, засыпанный временем старинный город. Я видел со своего камня участок, который раскапывали археологи. Далекие фигурки моих знакомых медленно шевелились в струящемся зное. Над ними возвышалось на холме здание музея. Недвижно окружали его кипарисы, упруго тянулись за морским ветром акации. Все было привычным, изученным до мельчайших деталей.

Я снова пересматривал эти привычные детали, и каждый раз новый, неожиданный смысл проскальзывал в них или в их очертаниях. Мне нравилось это неторопливое занятие, нравилось в давным-давно знакомом, обыденном, примелькавшемся окружающем открывать для себя вот эту неожиданную новизну.

В последние дни мой взгляд часто останавливался на пятне, рыжевшем на изломе обрыва. Нет, не пятне. Вернее будет сказать — смятом, растянутом кольце ржавчины. Тускло-коричневая полоса извивалась по неровным выступам камной и замыкалась в кольцо. Растворенный в ритмичной тишине, я неторопливо раздумывал.

Какое-то инородное образование вкрапилось в отложения ископаемых... Осадок железа... Обычное дело на дне морском... Говорят же, что на дне океанов есть прямо-таки невиданные месторождения.

Хотя, подумалось мне, отложения должны были бы быть в форме сравнительно ровной полосы. Пластом. А тут какое-то кольцо. Овал. Наверно, дело прозаичнее: валялся кусок железа на поверхности, ржавел, и ржавчина просачивалась в трещины. Но тут мне вспомнились ровные плиты скалы на верху обрыва. Дождь смывал бы ржавчину прежде, чем она успевала бы просочиться в трещины. Кроме того, как это на поверхности могла очутиться такая глыба металла, что с нее натекло столько ржавчины? А вот если эта глыба лежит в земле... Зарыли древние нечто, а подземные воды вынесли следы ржавчины? И если по этим следам пойти, то вдруг можно докопаться до клада железных изделий? Раскопки здесь, на берегу, проводились очень давно и не очень тщательно. Могли и не упустить.

Потом вспомнилось, что в городе, который раскапывают археологи, дальше бронзы не пошли. Но я оправдался перед собою тем, что в этом случае привозное железо было особенно в цене, потому-то его так тщательно и припрятали.

Дело дошло до того, что я уже не мог наслаждаться полностью тишиной и покоем. Пятно привлекало мой взгляд, как только я распластался под солнцем. С этим нужно было покончить и — основательно. Поэтому однажды я оторвал листок газеты и перочинным ножиком наскреб в кулек ржавчины. Потом выбрался наверх и побрел к археологам.

Камешки остро кололи подошвы, идти приходилось медленно и осторожно. Так же медленно приближались фигурки археологов. Загорелые, в шортах или просто в плавках, они бережно срезали слои земли, словно снимали бинты с израненного когда-то набегами города. Паша — разнорабочий, черно-рабочий, плотник и на все руки мастер — легко катил по дощатой тропке тачку земли. Высыпал ее в белесую гряду отвала и торопливо повернул обратно, к раскопу.

Я уже узнал Женьку Болгарева, бывшего одноклассника, — он склонился над черной от влажности

ямой и пытался что-то там рассмотреть. Временами он комкал конец поблекшей косынки, завязанной узлом на шее, и тщательно растирал им грязь по лбу и щекам.

Сжимая пальцы ног, словно пытаюсь стиснуть ступню в кулак, я ковлялся по раскаленным камням к задумчивой группе. Уже можно было узнать Женькиных товарищей, с которыми он как-то познакомил меня. Шибунтой народ. Хотели возлечь меня в свою группу и за каких-нибудь полчаса столько наобещали мне приключений, что я с тех пор держался от них подальше.

Кущая от высокого южного солнца тень моя переломилась и скользнула в неглубокую яму. Готовый рассердиться на непрошеного пляжника, Женька обернулся, скользнул по мне непрояснившимся взглядом и, уже отворачиваясь, кивнул. Понимать надо было так, что мешать сейчас не следует. Я переложил влажный от пота пакет в другую руку, пошевелил потолстевшими и ватными от жары пальцами.

На нераскопанном участке неподалеку громоздилась гора черепков. Из-за желтого этого холма иногда вздымалась выбеленная солнцем макушка. При ближайшем рассмотрении она оказалась головой то ли Зуйкова, то ли Королькова — точно фамилию не разобрал при знакомстве, — который, видно, постигал азы археологии. По какому-то непонятному принципу он раскладывал черепки по кучкам. Насколько я помню, таких черепков было полным-полно в музее и его запасниках. Из некоторых там даже умудрились скрепить проволочками и заклепками с десяток однотипных кувшинов — амфор...

— Начинаешь проникаться важностью нашего дела? — спросил подошедший Женька.

Момент был удобный для того, чтобы сунуть ему кулек. Женька с профессиональной осторожностью принял его и поинтересовался:

— Это что?

— Ржа.

— Зачем?

Я высказал ему свои предположения о железном кладе.

— А все-таки вот это — зачем? — упорствовал Женька.

— Ну вам же нетрудно будет определить, естественное это отложение или нечто ненатуральное. Этим... Спектрографом, — осторожно уточнил я.

— Мда, — сказал Женька и еще раз задумчиво заглянул в кулек. — Ты думаешь, это просто, как спичку зажечь?

Мне эта беседа начала надоедать. Уже без всякого интереса я закончил:

— Ну, если там при настройке аппаратуры или как. А в общем, можешь и сейчас выбросить.

— Нет, почему же, — Женька посмотрел на меня внимательно. — Все-таки первые самостоятельные шаги...

Он поставил отметку на кулке химическим карандашом. Я кивнул и пошел к морю. Мимо колоннады, в которой путался и свистел ветер. Мимо навесов над мозаикой. Мимо разных древних засолочных ям и хранилищ.

Море накатило мне на ноги, медленно поднялось до груди, до подбородка. Неторопливо и спокойно я поплыл вдоль берега к далекому своему мыску. Ветер окреп, и округлые волны вспыхивали иногда хлопьями пены. Вода помутнела. От берега

в открытое море, колыхаясь, медленно убегали от прибоя медузы. Тугие мясистые колокола с фиолетовой полосой по краю и с фиолетовыми же пирамидами коротких крупных щупалец...

Покатые, расплавленные жарой, волны до самого горизонта. Пара задумавшихся тучек в выцветшем небе. Неподвижно скользит чайка. Неподвижно застыло время.

Все это было вчера. До новой эры. До истории...

С пятном было покончено. Оно уже выпало из поля моего внимания. Я лежал на обкатанном волнами выступе и улавливал новые детали. Вот издали приближается к мыску пятно ряби. То и дело выпрыгивают там из воды рыбины. Надену-ка маску да соскользну по-тюленьи в зеленый накат...

Через сколько-то там дней я спешил на свой морской пост. Солнце только разогревалось, от земли еще веяло прохладой. Кипарисовая аллея пахла сонно и густо.

И тут меня окликнули. Женька. С утра пораньше они вытащили стол к запасному выходу музея и уже успели навалить на него куски мрамора, кипы амбарных книг и обязательные черепки. Плотная арка винограда покачивала над ними округлые сиреневато-дымчатые грозди. Прелесть археологии становилась тут много понятнее.

— Что ж ты не заглядываешь? — с прохладцей поинтересовался Женька. — Только не говори, что тебе стыдно.

— А почему? — я попытался вспомнить за собой какой-нибудь грех.

— Глупая шутка, — ответил он.

— Все-таки? — уточнил я, по-прежнему ничего не понимая и ничего не вспомнив.

Он взглянул на меня с любопытством:

— А ржа твоя? Анализ...

— Ну? — вспомнил, наконец, я. — И что же получилось?

— Хм, — снова недоверчиво осмотрел он меня. — Пустячок получился. Какой-то современный сложный сплав. Как бы легированная сталь...

— А-а, — протянул я, поскольку настоящий интерес у меня так и не пробудился. — С войны что-нибудь осталось. Так я и думал. По щели между пластинами и просочилось... У тебя когда выходной?

Он в размышлении созерцал меня, потом ответил:

— Когда дождь пойдет. — Помолчал и задумчиво добавил: — Или зимой.

— Ну, ладно, — махнул я ему рукой. — Заходивай.

Это хорошо, что у них так с выходным. А то подвзвал всей компанией — и день пропал. Зимой уж пошумим, зимой...

И опять упругий напор ветра скользил по мне. Иногда на камень шумливо накатывал девятый вал, и тогда тяжелые прохладные капли хлестали по телу.

Солнце пригревало сильнее, захотелось пить. Я достал апельсиновый с красными подпалинами персик и стал осторожно обдирать горьковатую кожуру. Чья-то тень колыхнулась по лужицам в каменных выемках. Надев темные очки, я вгляделся в силуэт на обрыве. Спускался Женька, спускался быстро и привычно, как в школьные годы, — не забылось.

Он подошел ко мне, взял половину персика, косточку отфутболил в море. За это я и не долюблю вас их, обитателей побережья, — потом на дно хоть не смотри, плывешь, как над помойкой...

Пришел, наверное, уговаривать меня переключиться на новые изыскания. Пригласился я им чем? Или контингент у них слабый? Мама в иные минуты говорила мне, что с моими руками только в землекопы идти...

— Если, конечно, что с войны осталось, — продолжил утреннюю беседу Женька, — то интересно с другой точки. Насовали они где-нибудь снарядов и мин. Тут ведь саперам только в музее была работа... Ну, веди меня к своей рже.

— Сам дойдешь, — ткнул я пальцем в обрыв.

Женька оглянулся. Потом поднял трубку от акваланга и пошел к обрыву. Еще постоял, словно принохиваясь, и стал ковырять ракушечник. Это мне не понравилось. Я достал нож, открыл отвертку и отнес ему, а трубку отнял. Он посмотрел на меня и покачал головой. Попятился на самый конец мыска и оттуда, издали, долго, как картину, рассматривал пятно. Опять покачал головой.

— Дай-ка газету.

Услышав, что газеты нет, покопался у меня в сумке и достал целлофановый пакет с фруктами:

— Подойдет...

Вытряхнул виноград и персики прямо в сумку и снова подошел к обрыву. Наскреб на дно пакета ржавчины, перевязал узлом у самого основания, сверху еще наскреб и так три раза. Еще посмотрел на обрыв с таким выражением, будто в первый раз увидел его, потом так же посмотрел на меня. Отдал нож и сказал с удивлением:

— Самое неприятное, что мы это видели с самого начала. Вернее, смотрели.

Я кивнул, хотя в общем ничего не понял.

Потом он карабкался по обрыву, а я пошел спласкивать трубку.

В общем-то, все это лежало на поверхности — его хитрости. Недаром мы знаем друг друга со школы. И ржавчину на анализ он у меня взял тогда только для того, чтобы поощрить мой, как ему казалось, интерес к археологии. Может, и не делал этот анализ вовсе... И сейчас уделил десяток минут — показал, что я могу выдвигать интересные гипотезы, что у меня есть дар наблюдать и анализировать. Польстил, значит, моему самолюбию. Или просто решил отвлечь меня от предполагаемых забот. Ну, ладно, подыграю и я ему, как он мне подыгрывает. Хотя, конечно, если там окажется какая-нибудь пакость с военных лет, это не очень приятно...

Я медленно входил в море, осторожно остывая в парной воде. Потом натянул маску и поплыл отковыривать мидии.

А на другой день они пришли втроем. Я лежал на холодноватом камне и смотрел, как Женька инструктирует их наверху, объясняет сложности спуска. Потом он быстрехонько спустился и уже снизу подавал советы, пока они настороженно сползали к нему. Наконец все трое прошли по глинистому карнизу невысоко над морем на мою площадку. Мы с Женькой кивнули друг другу, и больше он на меня внимания не обращал, а что-то бормотал им, неслышимое за шумом моря.

Игорь был из их группы, его я узнал еще тогда, когда стояли они наверху. А второго видел впервые. Худощавый, пожилой, в выцветших джинсах и сетчатой рубашке, он пытался держаться просто и по-свойски, на общем уровне, но чувствовалось, что привык он все-таки быть старшим. Достал из карманов капсулы черной пластмассы и что-то похожее на скальпель. Этим скальпелем из разных мест овала наскреб ржавчины в капсулы, завинтил их, спрятал в спортивную сумку, которую таскал Женька. Взамен извлек оттуда фотоаппарат «Киев», обдел-

кал обрыв со всех сторон. После этого только заметил меня, как-то нерешительно, но довольно приветливо кивнул мне. Задумчиво смерил взглядом кручу и начал карабкаться наверх. Женька полз следом за ним, чуть не на руках его выносил, потом спустился за Игорем и того тоже осторожно поднял. Помахал мне сверху и заторопился за своими спутниками.

Это уже не было похоже на заботу о моем теще-славии. Наверное, дело оборачивалось серьезно, но не отказываться же мне теперь от такого хорошего местечка! Как-нибудь потерпит взрываться именно при мне, раз уж не взрывалось столько лет.

Я попытался припомнить, было ли это пятно, когда мы еще школьниками собирались здесь. Не припомнилось... Ничего, не взорвется и сейчас.

Я соскользнул в острый гребень волны и поплыл дальше в море, где волны были обрывистее. Отплыл далеко и вволю накувыркался, когда увидел, что возле моей одежды кто-то сидит. Женька? Ничего, я его больше ждал, подождет и он. Неторопливо поплыл я к мыску. Долго баловался, изображая немощного. Наконец выпрыгнул, подстегнутый хлестким валом, отер с себя воду и прилег рядом с Женькой.

— Рубашку хоть бы снял, позагорал бы, — посоветовал я ему.

— Назагораюсь еще сегодня, — он посмотрел туда, где возились на холме его ребята.

— Ну, что твой минер сказал? — полюбопытствовал я.

— Какой минер? — удивился он.

— Ну, с Игорем которого ты приводил.

— А зачем мне минера приводить?

— Чтобы определить, нет ли в натеках примеси взрывчатки и всего прочего.

— А-а, — протянул Женька, — ты про это... Нет, это не минер. Это доцент из политехнического, читает лекции. В частности, по сплавам.

— А что ему здесь делать? — сухо вато поинтересовался я. Быстро я уставал от недомолвок. Женька это почувствовал. Он обернулся к обрыву и, разглядывая его, объяснил:

— Ну я же тебе сказал вчера, что ты мне какой-то современный сплав подсунул. В естественных конкрециях много обычных примесей: серы, углерода, фосфора. А в том, что сунул мне ты, этого почти нет. Есть самая малость, но это за счет воздействия морской воды. Зато налицо примеси молибдена, титана, редкоземельных элементов. В разных местах по-разному, потому что по-разному, видно, разъедала этот сплав морская вода. В сплавах я не разбираюсь и спектрограмму того, что вчера наскреб, доценту этому почказал. Он тут же заволновался и сказал, что все намекает на очень интересный сплав. Правда, для того, чтобы редкоземельные элементы принесли необходимый эффект прочности, металлам основного состава надо быть чуть ли не идеальной чистоты. В общем, по его словам получается, что если удастся установить точный состав сплава, это будет какой-то переворот в металлургии. Металл будущего, космоса! Представляешь?!

— Вот оно что, — я давно понял, что тут дело не в минах. — Экспериментами немцы не здесь, конечно, занимались, а просто, когда наши их к морю приперли, им ничего не оставалось, как тут кое-что припрятать...

Женька слушал меня, с недоумением сдвинув брови и явно не понимая моих слов.

— Ты о чем это? — недовольно спросил он.

Я опять почувствовал себя неуютно и неуверенно пробормотал:

— Ну, про то, что с войны осталось.

— Да при чем тут «с войны»? — подскочил Женька и заорал прямо в лицо: — При чем тут прошлое?! Это же металл будущего, я тебе втолковываю! Это же — оттуда!

Он резко ткнул пальцем вверх. В небо.

— Ох ты, — дошло до меня.

Вот почему мы раньше и не видели этих потек-ков: вероятно, эта штука воткнулась в землю недавно. Вдруг это какой-нибудь из первых спутников? Тогда, конечно, тоже удача. Или... К чему это он про металл будущего?

От предчувствия необычайного у меня пересохло во рту.

— Слушай, — осторожно начал я, — ты серьезно намекаешь на то, что это следы не нашего, не земного космического аппарата?

— Наменяю! — хмыкнул он, остывая. — Что тут намекать, когда это даже сейчас очевидно!

Однако где-то у него концы с концами не сходились. Если эта штука грохнулась оттуда... Да!

— Слушай, — с некоторой долей высокомерия спокойно отрезвил его я, — а где же тогда воронка?

— Какая воронка? — снова со сдержанным напряжением спросил он.

— Ну там, где эта штука трахнулась о землю, о скалы?

Женька пожевал губами и, прищурившись, спокойно спросил:

— Так, а дальше что?

— А дальше ясно — вода разъедала окалину и просачивалась между напластованиями...

— Тьфу, черт! — взорвался он зло. — Какие напластования?! Ты иди сюда, иди же, иди! — он подталкивал меня в плечо к скале. Подвел к самому обрыву и стал тыкать пальцем в рыже-коричневый овал.

— Вот он, видишь, вот он, этот космический аппарат! Никаких воронок, вот он лежит, в первозданном виде!

И Женька царапнул по ржавой каемке. Вид у меня, наверное, был недоумевающий, потому что он снова махнул рукой и вздохнул:

— Ну ты приглядишься, посмотри внимательно! Я с первого раза заметил вон ту линию разделения пластов, наносов. Вон она откуда тянется и вон где продолжается. А овал этот ее прерывает. Присмотришься... Вся эта толща наносов напластовывалась тысячелетиями и тысячелетиями обтекала этот овал. И вот только верхний пласт изгибается и наполняет этот овал — только тогда, видно, оболочка проржавела, проломилась, и осадки попали внутрь. Вот он, космический аппарат. Вернее, ржавый его след!

Меня задела его самоуверенность. Нужно было сразить его каким-нибудь доводом. И я холодно вато заметил:

— А что мы знаем о древних? Открытия отодвигают историю человечества все дальше вглубь. И вдруг выясняется, что они в глубокой древности порошковым методом плавили химически чистое железо. Так что не исключено, что мы наткнулись на проявления деятельности доисторической цивилизации.

Женька как-то обмяк от этих моих слов.

— В глубокой древности, — повторил он мои слова, — в глубокой древности... Надо же!

Он устало опустил на глинистый выступ и, неподвижно глядя на плывущее к нам море, медленно заговорил:

— Слушай, спасибо, конечно, тебе за это открытие и все такое прочее, но, ты меня извини, это уж невыносимая тупость — твоя глубокая древность. Ты посмотри на скалу — это же ракушечник. Какие там

люди! Тогда даже ящеров не было. Это максимум палеозойская эра, силурийский период. Ракушки были тогда самым высокоорганизованным классом живых организмов... В крайнем случае — пермский период, эпоха резкого вымирания плеченогих. Это такие двустворчатые ракушки... Поверь, уж настолько-то я разбираюсь в этом. Учили. Мы ведь живем на границе платформы той эры. И тогда здесь тоже был берег... В глубокой древности! Да сотни миллионов лет этой древности! Вот когда впалялась эта штука в отложения! За такое время трухой рассыпался бы любой сплав. Это еще хорошо, что хоть такой след остался... Сотни миллионов лет, — пробормотал он еще раз совсем тихо, уже для себя.

И тут мне стало тоскливо. Не знаю почему. Собственно, какая разница — тысячелетия прошли с тех пор или миллион лет? Но такой тоски и безотрадности я еще никогда не испытывал. Как будто что-то самое дорогое ушло безвозвратно. Было рядом, близко — и прошло мимо, и нет никакой надежды на будущее.

«Душу из меня вынули», — говаривал мой шеф. И действительно, стоял я опустошенный, обесчувственный. Может, а скорей всего наверняка, никто не погиб там, просто разведочный аппарат это был или использованный отработанный контейнер с приборами. Или с основной ракеты балласт выбросили. Кого жалеть теперь?..

Но, разобравшись со временем, я могу объяснить теперь ту навалившуюся на меня безысходность.

Будь тысячелетия этой находке, оставалась бы надежда на встречу с ними — пришельцами из чужого мира. Они ли вернулись бы, мы ли добрались бы к ним. Но миллионы лет...

Это было чувство одинокого человека, заброшенного на пустынный остров посреди бесконечного океана. Только чувство было сильнее и больше, как Земля, затерянная в космосе, больше островка, затерявшегося в ее океанах...

Я еще ходил туда несколько последних дней моего отпуска. Подолгу рассматривал рыжий силуэт. Пытался представить размеры, форму аппарата. И неясно было — сам ли он упал, такой изувеченный и деформированный, или тектонические процессы смяли безупречный когда-то овал. Считать, что нам повезло, или их несколько, а то и много еще разбросано в древних отложениях? Если те прилетали сюда не раз?

А по древнему городу уже пробирались к обрыву тяжелые краны, бульдозеры и тягачи — вскрывать грунт над обрывом.

Отпуск кончился, и с тех пор я не приближался к заветному когда-то для меня местечку. Раз только проходил на катере далеко от берега и мельком взглянул на закорючку крана, которая склонилась над темной непривычной щербинкой в знакомом с детства силуэте обрыва...

Недавно пригласили меня на какое-то торжественное заседание. Скорее всего, в качестве экспоната. Молча демонстрировал я себя в президиуме, а приехавшие представители института металлургии волновались и волновали зал. Они говорили, что абсолютно точный состав сплава установить не удалось. Пока. Для этого нужны еще сотни анализов и сравнительный подсчет на ЭВМ. Но уже приблизительный экспериментальный сплав дал удивительные результаты. Редкоземельные элементы творят неожиданные эффекты при удачном оочерентном при смешивании. Нужно еще установить очередность внесения присадок. И все такое прочее.

В общем, это было интересно. И было отвлеченно чужим.

А к обрыву я больше не ходил, хотя он и стал одним из самых достопримечательных мест в городе. Говорили и писали, что там раскопали пустоту с рассыпчатыми комьями какой-то аппаратуры...

Туда ездили семьями, устраивали пешие прогулки, добирались на лодках яхт-клуба и даже на специальном экскурсионном катере. Но мне того лета не повторить. Я не рискую ходить на обрыв — трудно будет, если снова всколыхнутся те неожиданные переживания. И еще хуже будет, если они не повторятся, если я буду бесстрастно смотреть на отчужденные и знакомые с детства места...

Вспоминая же тот свой отпуск, всякий раз невольно задумываюсь об одном.

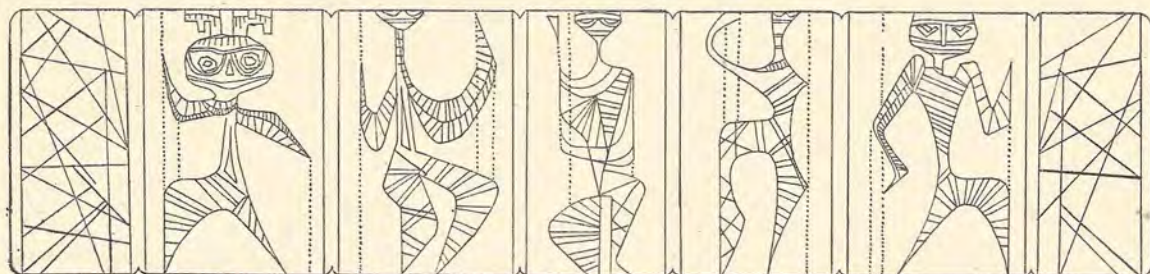
Будничная, примелькавшаяся обстановка окружает, как правило, каждого из нас. Мы годами глядим, не глядя, на стены, на камни, пески и скалы, бездумно попираем ногами еще не обратившиеся в прах отложения прошлого. И лишь какие-то особые обстоятельства иногда побуждают нас по-новому взглянуть вокруг — с любопытством, с пытливым чутьем первооткрывателя...

Так почему, откуда у нас это равнодушие, эта нелюбознательность, эта удивительная леность взгляда? Откуда они?

Вот об этом я думаю, вспоминая свой отпуск, вспоминая без всякой неловкости свои разговоры с Женюшкой Болгаревым, наивные свои гипотезы, нелепые сопоставления...

Рисунки В. Меринова

ПРОПАВШАЯ СТРАНА ЭЛЬДОРАДО

В своих диалогах об Атлантиде Платон рассказывает, что ее жители добывали «породу, которая теперь известна только по имени, но тогда была больше, чем именем, породу орихалка, извлекавшуюся из земли во многих местах острова и после золота имевшую наибольшую ценность у людей того времени».

Об орихалке, издававшей огненный блеск, писали Гомер, Гесиод, Плиний.

Ученые, стараясь разгадать природу этого металла или минерала, предполагают, что орихалк — это или бериллиевая, или алюминиевая, или фосфористая бронза. Ясно только, что орихалк не чистая медь — у Платона о меди говорится отдельно — и не бронза.

Но если орихалк, действительно, существовал, не мог же он встречаться только в пределах платоновского атлантического материка и отсутствовать в других частях планеты? Знаменитый римский ученый Плиний писал, что в его время орихалк «уже нигде не добывался, так как запасы его были исчерпаны». Но следы разработок, древние копи, отвалы, места выплавки — не могло же все это исчезнуть безвозвратно?

Часто исчезают, пропадают, теряются всякие признаки не только такого мифического вещества, как орихалк. Но поди узнай, где же были копи царя Соломона или легендарная страна Эльдорадо?..

ПОТЕРЯННЫЕ КОПИ

Было утро. Солнце еще не слишком высоко поднялось над горизонтом, но пекло уже изрядно. Потные гребцы налегали на весла, однако тяжело нагруженный корабль еле двигался по глади залива. В тишине раздавались лишь короткие команды кормчего, да надсмотрщик над рабами лениво пощелкивал бичом из гиппопотамовой кожи. Остальные члены команды, воины и немногие пассажиры столпились на носу и возле мачты с обвисшим на безветрии парусом. Они смотрели вперед. Там белели на берегу домики Ецион-Гавера, города, которого они не видели почти три года.

Были отчетливо видны корабли в гавани. На окраине города медники уже разводили огонь в плавильных печах. Торговцы рыбой тащили в корзинах свой товар... Кормчий повернул рулевое

весло и направил корабль к пристани. Гребцы вынули весла из воды и, тяжело дыша, ожидали дальнейших команд. На пристани, блестя доспехами из меди, стояла стража: подходило не простое купеческое судно, а специальный корабль самого царя Соломона...

Каждые три года, если верить Библии, знаменитый своей мудростью иудейский царь Соломон отправлял экспедиции в дальние заморские края. Могущество и богатство Соломона и его царства увеличивались с каждым годом. Измерялось это богатство тысячами талантов золота и серебра, медью, слоновой костью и дорогими тканями. А всего, по подсчетам Вольтера, стоимость соломоновых сокровищ составляла 18 миллиардов французских ливров, или 1,5 миллиарда фунтов стерлингов. Сумма по тем временам (да и по нашим тоже) баснословная. Одна часть этих сокровищ досталась Соломону в наследство от отца его Давида. Другую часть накопил он, торгуя с соседями медной рудой, которую добывали рабы в рудниках Синая. Огнем и водой крошили они твердую породу, дробили бирюзу, чтобы выплавить из нее в печах медные слитки. Кроме этого получал царь много золота

из каких-то таинственных копей, находившихся очень далеко от земли Ханаанской. Как писано в Библии, «весу в золоте, которое приходило к Соломону в один год, было шестьсот шестьдесят шесть талантов».

Золото «было в сущности первым металлом, который открыл человек» (Карл Маркс). И три тысячи лет назад рудознательство и металлургия, связанные с золотом, достигли в Иудее, в Египте высокого развития.

О медных рудниках Соломона мы знаем довольно хорошо, а о том, где находились его легендарные золотые копи, до сих пор спорят историки, археологи, географы, геологи, а также... авантюристы-золотоискатели.

В Библии вроде бы сказано довольно точно: «И отправились они в Офир, и взяли оттуда чetyреста двадцать талантов, и привезли царю Соломону». Но где была эта страна Офир? И вообще существовала ли она?

Однажды, впрочем, проскользнуло сообщение о местонахождении копей царя Соломона: «Пусть тот, кто пойдет туда, следует по пути, указанному на карте, и восходит по снегам, лежащим на левой груди Царицы Савской, пока не дойдет до самой ее вершины. На северном склоне ее начинается Великая дорога, проложенная Соломоном...» К этому сообщению была приложена карта, якобы нарисованная кровью на обрывке полотняной рубашки.

Несмотря на то, что все это содержалось в художественном произведении — романе Р. Хаггарда, некоторые легководы сочли правдой занимательный авторский вымысел и отправились в Африку на розыски уникальных рудников царя Соломона.

Единственный достоверный факт о рудниках в романе Р. Хаггарда — это то, что они находились на Африканском континенте. На этом сходятся все — и ученые, и авантюристы. Ведь и современная Африка дает более полови-

ны мировой добычи золота. Однако одни считают, что страна Офир находилась в Сомали, другие — в Эфиопии, третьи — на берегах Лимпопо, в Зимбабве... А может, на корабли Соломона грузили золотой песок из Нубийской пустыни, где находились богатейшие россыпи и куда египтяне ссылали преступников и пленных?

Золотой песок в древнее время находили не только в Нубийской пустыне. Однажды фессалийский грек Ясон и его товарищи приплыли на корабле «Арго» в Колхиду в поисках золотого руна. Еще в древности этой легенде пытались дать разумное толкование: «Рассказывают, что у них потоки сносят золото и что они... собирают его с помощью просверленных корыт и косматых шкур. Отсюда и сложилась, говорят, басня о золотом руне». Так писал о Кавказе около 20 веков назад древнегреческий географ Страбон.

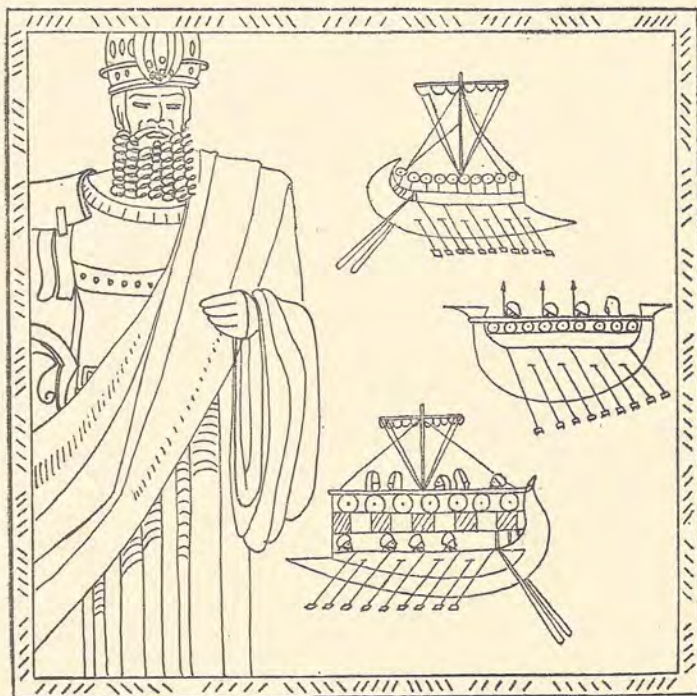
Где же они, эти богатейшие россыпи золотого песка? Или быстрые горные речки снесли все

по крупицам в глубины Черного моря? Или перемили в бараньих шкурах весь песок древние колхи и проворные греки?

Возможно, когда-нибудь люди найдут и Соломоновы копи, и Эльдorado, если только их не породило воображение наших далеких предков.

КАК ПРОПАДАЮТ РУДНИКИ?

Представьте себе такую ситуацию. Геологи, применив самые совершенные методы поисков, самые чуткие приборы, приходят к выводу, что здесь, в горах, находится месторождение драгоценного металла. Карабкаясь по кручам, повисая над ущельями, осторожно ступая по осыпям, поднимаются они в горы. Вот еще несколько усилий — и, кажется, цель близка. Характерный цвет рудоносных горных пород, прожилки сопутствующих минералов... Но что это? В глубь горы уходит зияющая черная дыра.

Пещера? Нет. Около отверстия — отвалы породы, проржавевшие и позеленевшие остатки орудий, жернова и ступы для размола камня. А в глубине провала остатки крепи, нависшие со свода сталактиты, глыбы отбитой породы. Все ясно: первооткрыватели побывали здесь сотни, а может быть, и тысячи лет назад, добывали здесь драгоценную руду, а потом по неизвестным причинам покинули рудник. И месторождение забылось, потерялось.

Терялись рудники по-разному. Часто это происходило из-за того, что руда была выработана. Иногда рудокопы доходили до обводненных горизонтов, шахту заливало водой, откачать которую тогда не могли. Или случались обвалы. Люди покидали такие выработки и забывали о них.

Известно, что некоторые рудники эксплуатируются в течение пяти тысяч лет — по сей день. Так, шахты золотого рудника Фа-

вакир, расположенного близ знаменитого Луксора в Египте, уже в то далекое время имели глубину до 300 метров. Более трех тысяч лет назад были известны месторождения изумрудов на Аравийском полуострове.

Многие уральские месторождения меди были открыты в незапамятные времена, едва ли не раньше, чем египетские золотые россыпи, поселенцами здешних мест — чудью белоглазой. Но, видимо, после первых десятков метров закопушки нещадно затпливало водой. И некрепкие породы обваливались. Чудь искала новые выходы металла на поверхность. Следы этих древних рудников находили впоследствии русские землепроходцы, вторично открывая уральскую медь. Так было, например, с Гумешевским рудником.

Рудники терялись, пропадали из памяти людей после опустошительных войн и эпидемий, землетрясений и наводнений.

В труднодоступных районах гор восточного Памира и Киргизии часто открывают уже известные в древности месторождения. Один из рудников, найденный в Таджикистане, имел разветвленную сеть подземных выработок общей длиной до двух километров.

В захоронениях Причерноморья среди золота и серебра археологи нет-нет да и находят алмазы. Известно, что древние греки, люди весьма охочие до драгоценностей, приезжали на берега Понта Эвксинского. Но вряд ли они здесь занимались продажей алмазов.

Совсем недавно в этих местах геологи нашли алмазы. Правда, алмазных зернышек было немного.

Есть ли прямая связь между находками геологов и археологов? Ведь вполне возможно, что в древности могли знать об алмазных россыпях, добывали драгоценные камни, а с концом греческого владычества в Причерноморье залежи потеряли.

Забывтыми и потерянными рудники становились также и потому, что их хотели потерять, окружить тайной, чтобы природные сокровища не достались врагу. До сих пор на Урале живут легенды о старателях-счастливицах. Ходит предание о семье старателей из расположенного в уральском междугорье Верхне-Сергинского завода. Семья владела исключительно богатой золотой выработкой — дудкой. Строгий порядок передачи тайны обеспечил безбедную жизнь трем поколениям. Бурное время разметало семью, с кем-то погибла тайна. Заросла и пропала золотая дудка — пойдите разыщи ее, оплывшую и заросшую воронку диаметром в метр-полтора?

Царское правительство продавало англичанам право разведывать подземные богатства Полярного Урала. Деловитые англичане рьяно взялись за поиски полиметаллов, золота. Правда, эта работа не затянулась на-

долго. Страна Советов отказалась от услуг concessionеров. Но, уезжая, проворные иностранные «рудознатцы» мало чем поделились с нами: видно, надеялись на возвращение «старого» и «доброего» для них времени. До сей поры в разных местах северных уральских отрогов встречаются шурфы, в которых крепь держится на добротных английских гвоздях, валяются кайла с манчестерским клеймом. Но здесь сделано все возможное, чтобы эти месторождения во что бы то ни стало оказались потерянными... При странных обстоятельствах затонула баржа с пробами и первичной документацией, пропали геологические карты. Потом посыпались высказывания «знаменитых» и «компетентных» о том, что весь этот край неперспективен.

Много гипотез и загадок породили таинственные рисунки и схемы в горах Перу, Колумбии, Центральной Америки. Они поражают воображение — эти стрелы, спирали, пунктирные линии, геометрические фигуры, зачастую огромных размеров. А может быть, это в самом деле указатели сокровищ, но только спрятанных не людьми, а природой? В этом нет ничего неожиданного: ведь разгадали же археологи смысл многих рисунков на скалах там же в Америке. И рисунки оказались подробнейшей топографической картой местности с расположением поселений, источников воды, дорог.

Вообще с Южной Америкой связано много загадочных пропаж рудников. Особенно после конкистадорской экспансии. Жестокости и вероломству испанцев индейцы противопоставили сопротивление и молчание. Так и не узнали испанцы тайну спрятанных сокровищ Атауальпы. После его казни не узнали они ничего и о местах, где сокровища добывались.

В XVIII веке, чтобы увеличить свои богатства и завоевать новые души, во все уголки света

церковь направляла миссионеров. Католического священника Хуана Каледона двинул в Южную Америку не столько истовый религиозный фанатизм, сколько настойчивая идея разыскать изумрудные копи инков. Хуану Каледону сначала повезло — он нашел потерянные легендарные рудники. Но на обратном пути искателя богатств настигла стрела индейцев. Экспедиция, отправившаяся на поиски погибшего, нашла в его карманах записку о найденных копиях и несколько драгоценных зеленых кристаллов.

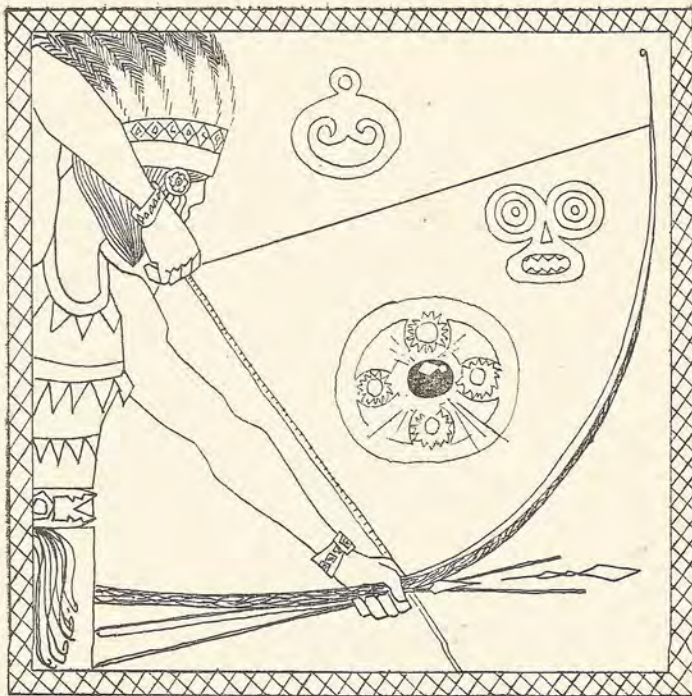
С тех пор уже два века по следам священника идут полчища «искателей счастья». Но до зеленых камней по-настоящему смогла добраться только группа с тремя американцами во главе. И все же древние копи, словно заколдованные, не отдали своих сокровищ. Американцы нашли и старые выработки, и даже чистой воды изумруды, но отряд был атакован индейцами. Лишь одному удалось выбраться

из джунглей. Обезумевших от алчности искателей индейцы не пускали к своим сокровищам.

Надо сказать, и сама природа заботится о том, чтобы скрыть богатства земных недр. Немало древних рудников погребено под обвалами, вызванными землетрясениями, занесено песками, залито водой, и лишь легенды, пережившие века, напоминают нам о них.

Евгений КАРТАШЕВ.
Всеволод СЛУКИН

Рисунки З. Баженовой

Николай НИКОНОВ

Рассказ

ПОДСНЕЖНИКИ

Охотники сошли с высокой неудобной подножки вагона. Под ногами захрустела свежая насыпь. И сразу вместе с запахом этой насыпи, новых шпал и мазута пришел чистый прохладный запах леса, о котором ничего другого не скажешь, а только: «Пахнет-то как! Воздух-то!» И глубоко-глубоко вдохнешь, потянешь этот воздух, чтоб сильнее насладиться, оставить в себе его свежесть. «А в городе сейчас...»

От этого запаха, тишины, воли, кроткого апрельского вечера и близкого леса становилось счастливо-отрадно, и паренек нетерпеливо топтался, глядел по сторонам, ему хотелось идти, а приходилось ждать, потому что отец и его приятель Арсений Михайлович закуривали, поправляли друг у друга рюкзаки. Пареньку было четырнадцать, недавно исполнилось, он был высок, худ, ясноглаз, ноги высоко торчали из огромных резиновых сапог. На нем была короткая брезентовая куртка-штормовка и старая кепка неопределенного цвета. Зато опоясывал талию настоящий охотничий патронташ с торчащими из гнезд гильзами и одноствольное ружье без чехла, очень потертое в казеннике и возле цевья. Паренек хорошо знал этот полустанок, крашеный охрой облупившийся дом, дощатую платформу на той стороне поезда — с нее садились те, кто ехал в город, а здесь сгружались те, кто шел к поселку. Вот и сейчас все еще неловко сползали с подножек бабы-молочницы в плюшевых кофтах, как обычно, с бидонами, сетками с желтым

хлебом, колбасой и прочей городской снедью; женщин встречали девчонки, все какие-то на одно лицо, незапоминающиеся; тут же стояли две-три собачки и умно глядели, повилывая хвостами.

Недалеко от насыпи по палевым наледям шла неглубокая вода — речка. Через нее бревенчатый мост-настил, кое-где проломанный, дорога, а дальше — пологий, безмерно широкий увал Толстик, где взброд и косо избы, бани, постройки станционного поселка.

По-весеннему было неприбранно: желтела в навозной дорожке солома, грязно лежал обочью скипевшийся, обсосанный солнцем снег, лес за поселком рябил, лишь дальше по увалу он уплотнялся, синел и голубел, а небо над ним еще было отчужденно-северно, просквожено ветрами — оно и сейчас напоминало о недавно отступившей зиме. Зима в этом году была лютая, с такими снегами и заметами, что паренек едва дождался весны. Казалось, снег никогда не стает. Весна двигалась медленно. Был уже конец апреля.

Они перешли настил через речушку и стали подниматься на склон увала. Дорога вела единственной улицей, мимо распахнутой двери магазина. У крыльца по-вечернему толклись мужики и стояли плотные девушки в резиновых высоких сапогах, в ярких платочках. Они внимательно глядели на охотников, а паренюк одна даже подмигнула, и он, нахмурясь, поправил на плече брезентовый ремень своего длинноствольного ружья и еще громче захлопал голенищами широченных сапог. Отца и Арсения Михайловича, как видно, не задевали эти ухмылки и взгляды, а больше интересовали скворцы, по-вечернему уже слетевшиеся в поселок. Скворцы скрипели, выставляли свое радостно-весеннее, сидя на проводах, столбах и скворечницах, везде мелькали их юркие фигурки, треугольно черные на розовеющем к закату небе.

За поселком, за пряслами огородов, за первыми оглоданными березнячками все людские звуки стихли и открылось неогороженное кладбище — десятка два пошатнувшихся во все стороны крестов и голубцов на недавно обтаявших могилах. Эти кресты почему-то не вызывали ни скорби, ни печали, как на городском кладбище с его теснотой и ветковым тленом, — они даже вполне сочетались с этой ранней весной, пригорками, тощим березнячком, холодно-матовым небом и глинистой дорогой, по которой еще бежали плоские дневные ручьи. Хорошо было шлепать прямо по ручьям, по намытому песку и, оборачиваясь, смотреть, как затекает, заносит золотыми песчинками рубчатый след сапога и вот уж нет его — все угладило, а ручей так же плавно-неистощимо катит под гору, стремясь, должно быть, к той своей речке с желтой ледяной водой. Ручей не может без реки...

На опушке леса все трое остановились, торжественно достали ружья из чехлов, сложили, зарядили, а ружье паренюка было без чехла, и он зарядил его раньше всех. Гильза плавно ушла в промасленный чистый патронник. Потом постояли, каждый по-своему наслаждаясь тишиной, сырým воздухом, звуком ручьев и редкими голосами птиц. И опять по-особенному дышалось здесь — не так, как на разъезде и в поселке, — еще чище, сырее был аромат мокрой земли, веток, почек, прошлогодних листьев и еще чего-то очень тонкого, остро-свежего и весеннего.

— Подснежниками пахнет, — сказал вдруг Арсений Михайлович, и мальчик благодарно посмотрел на него, потому что Арсений Михайлович нашел и выразил то, о чем мальчик только что думал.

«Подснежниками пахнет, — повторил он про себя. — Как хорошо... Подснежниками...»

А отец сказал, что никаких подснежников еще нет. Рано. Холодно. Весна затажная и снегу еще вон сколько. На северных склонах и вообще по поясу. Утки еще только что прилетели. Слышал. А вальдшнепы — вряд ли. «Подснежники!» — отец с усмешкой поглядел на своего приятеля и на сына. Отец был крепкий с квадратными плечами мужчина, из тех, что никогда ни в чем не сомневаются, все высказывают просто, определенно и верно. Даже курил он столь же уверенно, с видимым наслаждением, как бы давая и этим знать, что папироса на то и есть, чтоб ее хорошо выкурить и бросить, давая окурочку тоже очень определенно — носком крепкого ялового сапога. Резиновых сапог на охоте отец не признавал, ходил всегда в яловых, которые задолго перед тем, как идти, смолил, промазывал, жировал свиным салом и дегтем, и паренек любил эти отцовы сапоги, потому что с ними связывались все его мечты о лесе, охоте, ночевках и выстрелах. Паренюку тоже хотелось курить (в кармане была припрятана мятая пачка «Гвоздики»), которыми баловались на переменах зимой в уборной, а весной и осенью — за углом школы), но лучше сказать — ему не столько хотелось курить, сколько быть равноправным в компании взрослых. Он даже пощупал пачку в кармане.

Арсений Михайлович не стал спорить с отцом. Он вообще казался не из говорливых и не столько курил, сколько нюхал воздух, хмыкал, оглядывался, снимал и протирал очки пенсне, укреплял их на носу, и становился похожим на одного из больших русских писателей. Глядя на Арсения Михайловича, трудно было поверить, что этот тощий, сутулый человек воевал, прошел всю войну, закончил ее в Праге, изранен, хромает. Никак не вязались с военной службой его донельзя штатские очки, худоба, тусклая седина из-под вислой шляпы, похожая на блеск промасленной проволоки. Мальчику казалось, что если Арсений Михайлович и был на войне, то лишь где-нибудь на тыловой должности вроде писаря, библиотекаря, капельмейстера, и вот еще есть такая военная профессия — капитанармус, всегда почему-то звучавшая для паренюка однозначно со словом — примус. Вот то, что Арсений Михайлович — учитель, не подлежало сомнению. Учительского в нем было много и даже не просто учительского — гимназического. В каком-то кино по Чехову мальчик видел точно такого учителя гимназии — вылитый Арсений Михайлович. Может быть, поэтому паренек редко, заинтересованно и немного неприязненно взглядывал-косился в сторону Арсения Михайловича, но так же быстро и опускал глаза.

Как только тронулись по дороге в лес, мальчик тотчас пошел вперед и ушел далеко, очень довольный, что его не окликнули и не вернули. Он шагал по мокрой дороге с ружьем наизготовку и радостно глядел, думал, ждал, вот-вот увидит какую-нибудь птицу — то, что именуется дичь, — рябчика, тетерева, глухаря. Именно — глухаря. Он представлял еще зимой, как глухарь вылетит у дороги низко и тяжело, как потянет в чащу и надо будет только, вскинув ружье, повести медную круглую мушку впереди, а потом выпалить. Мальчик любил охоту. Очень любил ходить с отцом даже «просто так» — без ружья, а потом и с этой длинноствольной «ижевской» (системы Ивер Джонсон, как пышно называл ее отец); а мальчику она просто нравилась своей тяжестью, запахом ружейного масла, сияющим круглыми кольцами каналом ствола и тем, как ловко она принимала патрон. Не нравился ему только

выстрел. Паренек всегда зажимивался в последний момент, когда ружье с грохотом прыгало в руках и потому, наверное, часто мазал даже по сидячей. Он огорчался, когда птица улетала, но скоро и утешался, потому что вид трепещущей подстреленной птицы всегда заставлял сожалеть, вздрагивать и отворачиваться. А птица и ее глаза долго представлялись и даже снились ему потом. И все-таки он любил охоту. Сегодня же она особенно нравилась ему; ведь еще дома он договорился с отцом, что будет охотиться сам по себе. А отец любил выполнять свое слово. Паренек не ожидал, что вот-вот вылетит глухарь, и любовался больше тем, что открывалось ему за поворотами дороги. Лес был разный, молодод-живописный. Дорога прибавлялась к покосу-поляне кругом в темно-синих елях, то шел сквозной, легкий сиренево-светлый березняк. Свет заката падал сюда, и вершины, верхние стволы теплились розово и красно, а в подножиях синели холодные тени. Дорога выбегала на пригорки, где уже все обтаяло и росли огромные лиственницы. Они неприступно возвышались над мелким лесом и точно знали что-то, таили это в себе, мудро и одиноко.

Чем темнее становилось, тем таинственнее гложет лес, дичал, затаивался в туманах. Они уже вставали над полянами и в опушках. Неведомо откуда родилось это белое неподвижное курево, и душа мальчика, одиноко шагающего по дороге, переполнялась трепетом при виде этого на глазах творящегося тумана. В ельниках и низинах он окутывал лес до вершин, и они волшебным выступали из него и над ним черными треугольными венцами меж проглянувших звезд. Так было справа от дороги, а слева, где за лесом полыхал закат, еще величаво пели дрозды, перекликались недавно прилетевшие зяблики, устрояясь на ночевку; и не было видно звезд, только Венера горела сильно шестилучевым белым огнем, и мальчик часто смотрел на нее. Сколько лет ходил он на охоту весной, и всегда на западе сияла Венера, лесная охотничья звезда.

Отец и Арсений Михайлович шли далеко позади, и паренек лишь изредка слышал их. Он все еще досадовал, что отец взял на охоту этого Арсения Михайловича. Паренек и раньше-то недолюбливал его. Может быть, потому, что когда отец шел на охоту с Арсением Михайловичем, он не брал мальчика с собой. Арсений же Михайлович вечно опаздывал, появлялся, когда отец, исчерпав терпение, уже стоял на улице, у ворот, во всем снаряжении, и паренек досадовал вместе с ним, а может быть, больше его. Если Арсений Михайлович являлся вовремя, он обязательно что-нибудь забывал и приходилось искать это забытое. Так, однажды он пришел без патронташа, в другой раз забыл дома ружье, в третий — не надел сапоги — явился в штиблетах (ну-ка, попробуйте в штиблетах по апрельскому лесу). Почти всегда, придя к ним домой, Арсений Михайлович плачевно морщился и просил соды — у него постоянно была изжога, — отец рылся в шкафу среди пузырьков, ругался, почему Арсений Михайлович не носит соды с собой, раз она ему так нужна, и, когда они, наконец, собравшись, уходили, мальчик испытывал большое облегчение. Только одно удерживало паренька от проявлений непочтения к Арсению Михайловичу — он был фронтным товарищем отца и, кроме того, — учителем. Учителем математики. По алгебре и геометрии у паренька было куда как худо... Арсений Михайлович любую задачу решал быстро и уверенно. Трудных задач для него не существовало. В остальном Арсений Михайлович казался робок, целиком под-

чинен отцу, неуклюж, смешон и, не будь у него этого пенсне, казался бы даже молчаливо глупым.

Часа через полтора ходьбы мальчик устал, и голоса Арсения Михайловича и отца приблизились, стало слышно их шаги; и в это время впереди открылась не то широкая трасса, не то выборочная старая лесосека. Осинник метра в три-четыре высоты сплошь покрывал ее, а в самом осиннике чернело несколько отдельных елей. Паренек знал это место. Здесь всегда была хорошая вальдшнепиная тяга, и, едва подумав об этом, он тотчас увидел, как навстречу ему, низко над осинами, летит крупная — так показалось — птица с длинным опущенным клювом. Она пролетела низко и безбоязненно, он вспомнил про ружье, когда птица уже далеко и лишь донеслось ее глухое покрякивание.

— Вальдшнеп же! Что не стрелял! — окликнул отец.

Но мальчик только сконфуженно махнул, отвернулся. Он и сам не знал почему... Просто так. Смотрел...

— А хорошо он налетал-то! Чисто, — оживленно говорил отец, подходя. — Давайте-ка здесь зорю постоим. — И тотчас начал снимать свой тяжеленный рюкзаки, где всегда было все нужное и даже не очень нужное в лесном походе. Отец к охоте готовился обстоятельно, предусмотрительно.

— Тогда... Я вот тут... Тут останусь, — как всегда отрывисто сказал Арсений Михайлович и протер платком пенсне. Надевая его, он всегда разевал рот, отпихивал нижнюю челюсть. Но лицо его тотчас становилось замкнутым, а глаза — прищуренно зоркими.

Отец заспорил было, что на дороге стоять незначем, потом усмехнулся, указал сыну направо — вдоль осинника, а сам, взяв свое тяжелое ружье — бескурковый зауэр (такого ружья, по мнению отца, любившего все добротное и исключительное, конечно же, ни у кого не было), пошел вверх по склону вдоль осинника, куда улетел и вальдшнеп.

— Подальше отойди! — донеслось до паренька. Но он и сам этого хотел — стоять на тяге одному.

Он спустился вдоль осинника до сырой мелкой лощины, огляделся и встал у широченного черного пня, обросшего брусничником. Пень остался от старого леса и, по-видимому, от лиственницы — иначе не был бы так огромным и крепким, лиственница как дуб, лишь чернее от дождей и времени. В лощине было тепло, остро пахло в нос весенним духом оттаявшей земли, пня, осин, старых листьев и свежих почек. «Подснежниками пахнет!» — вспомнил мальчик и опять благодарно огляделся, прислушался. Охотничий азарт томил его. Но теперь паренек был один и ему было немного боязно, как-то глухо.

Уже стемнело внизу, и уже повторялся в стынущем лесном оцепенении рассыпчатый свист ночницы-зарянки. Она пела в глубине осинника с завораживающими переливами. Может быть, она сидела на одной из темных одиноких елей. Мальчик слушал. Далеко в чаще откликался зарянок еще кто-то похожим переливчатым юрчаньем. Мальчик знал зарянок и подумал, почему эти большеглазые птички с подпаленным оранжевым зобиком прилетают именно сюда, в этот глухой осинник, как, находят его среди бесконечных пространств и лесов и что заставляет их быть тут всякую весну, петь на ночной заре, словно бы в какой-то жалобно-прекрасной отрешенности и безвестности.

Цы — цвинь — цвинь — тюрль-юю — и.

И тишина...

Цыть — цвинь — цинь — тюрль-ю-ю — и.

И мальчик подумал, что без этого лесного голоса, пожалуй, не было бы здесь ощущения весны, потаенной жизни, дремотного и невидимого пробуждения во всем, что так волновало и настораживало его, а были бы тишина и одичание. Хорошо, что зарянки поют. И еще он подумал, если налетит вальдшнеп, искать его будет почти невозможно — так быстро темнеет и хорошо видно только верху — по голым и розовым макушкам осин, а внизу — уже сине, фиолетово, лишь нестаявший снег сереет кое-где.

Вальдшнепов не было. Мальчик взобрался на пенек — так показалось удобнее, светлее и тверже стоять. Вздогнул — вблизи оглушительно грохнуло: бац-бац! Палил Арсений Михайлович. Спусти короткое время в долине потянуло тяжелым пороховым дымом — запахом охоты и подстреленной птицы. И снова там сдвоило: бум-бум! — даже было видно огонь.

«Хорошее место захватил, — с противной самому себе завистью подумал паренек. — Дублетом жарит... Конечно, убил. Наверное, двух уже... — И тотчас вспомнил, как отец однажды двумя выстрелами сбил двух вальдшнепов, гнавшихся друг за другом. — Хорошее место... Там бы и стоять... Вальдшнеп тогда на меня бы летел... Я первый бы увидел... Зачем отец взял этого Арсения Михайловича? Шли бы лучше вдвоем». Было неприятно, как после проигрыша в дурака пять раз подряд или, например, в шахматы, когда тебя с улыбочкой вдруг начнет обставлять какой-нибудь пятиклашка. Проигрыши вообще запоминаются едко.

Пока он досадовал и смотрел в ту сторону, где был Арсений Михайлович, прямо над ним пролетел вальдшнеп, и, запоздало вскинув одностволку, понимая: «Далеко! Безнадежно!» — паренек все-таки выпалил, зажмурясь в последний момент. Вальдшнеп скрылся незадетый.

Тотчас прогрохотал Арсений Михайлович, опять дублетом, а потом густо бухнула бескурковка отца. Мальчик подумал, что отец, должно быть, убил вальдшнепа. Так показалось. А потом он перестал считать выстрелы. Ну, и пусть... Верхушки осинника уже сливались в одну серо-сиреневую полосу. Заря ослабела. А небо придвинулось. В лицо потянуло снегом и холодом. Ночь надвигалась, и смолкали зарянки. Реже и реже рассыпалась звенящая трель. Вот и она смолкла, и слышно стало только ручьи и какие-то слабые бесконечно тихие шорохи, шелесты. Может быть, так растет трава. Вальдшнепы пролетали еще, но их уже почти не было видно — не знаешь даже, во что стрелять, близко или далеко. Но паренек упрямо ждал теперь уже с ружьем, упертым в плечо. Ему очень хотелось прийти с вальдшнепом. Хотелось и рассмотреть и погладить этого вальдшнепа. У него такое гладкое беловатое и как бы утиное брюшко, с легким крапом по бокам, и толстая голова с далеко отставленными удивленно круглыми ночными глазами. Ради этого вальдшнепа, а может быть, еще и желания утвердить себя в звании охотника, не отставать, оправдать уважение к своему ружью, мальчик стоял на пне, пока не затекли руки, и был, конечно, очень смешон в этой глупой монументальности. Но смеяться было некому, кругом был лес, темнота и заря, которая уже зеленела и глохла.

Лишь когда послышался голос отца, мальчик откликнулся, слез с пня, надел ружье на плечо и медленно пошел, не разочарованный, а только лишь неся свою неудачу, ожидая увидеть у отца и Арсения Михайловича по связке убитых вальдшнепов. Правда, он знал, на тяге много не убьешь:

два — удача, три — и вовсе хорошо. Когда он подошел к дороге, отец и Арсений Михайлович курили в темноте, положив руки на рюкзак.

— Убил? — спросил отец.

— Не... — отозвался мальчик. — Одного, кажется, подранил... Не налетали... А вы?

— И мы так же... — Отец с лукавинкой улыбался, затыкался папиросой, отчего лицо его становилось похожим на лицо краснокожего. Арсений Михайлович мерцал глазами, помалкивал, а потом вдруг точно прорвался, начал горячо убеждать, что сбил двух, но нет собаки, не найдешь — и такая досада — ясно видел, как вальдшнепы падали. Паренек тотчас вызвался поискать, пошарить, спрашивал — где? — хотел идти, но Арсений Михайлович удержал его, и мальчик засмутился, понял, как легко его провели и, сердясь уже на себя и на Арсения Михайловича, подумал: «А палил-то! Мазила... Двух! Странно только — почему отец впустую... Он ведь удачливый и стреляет хорошо».

А лицо у отца было довольное, в сумерках темное. Отец всегда весной загорал на удивление, с охоты приходил черный, осунувшийся, заросший, пропахший лесом. Мальчик любил его такого, любил ждать у ворот, бежать навстречу, едва он покажется в конце улицы, помогал снимать сумку, радостно суетился, в рюкзаке почти всегда, помимо рябчиков, зайцев, уток, было что-то и ему: пучок вербы, подснежники, обернутые в бересту, водяной жук в спичичной коробке или ящерица в банке из-под горчицы...

— На тяге много не убьешь... — сказал отец.

— А вот и нет! Нет! Не согласен... Ты это... Подожди. Можно... Множество... Но совершенно необходима собака. Спаниелька... Легавая... На худой конец — лайка...

— Это почему лайка — на худой конец? Да лайка — лучшая собака! Я свою ни на какого пойнтера-сеттера не сменяю! Лайка — универсальная собака. По птице, по зверю...

— Подожди... Подожди... Легавая собака... Кха-кха-кха... — Арсений Михайлович закашлялся, из папиросы летели искры. — Ведь я не... Кха-кха-кха... Ведь я... Вообще... Я бы... Но где взять собаку? Да... А все-таки, — Арсений Михайлович как-то успокоился, — а все-таки прекрасна охота, друзья мои! Чудо! Стоишь тут... Лес. Заря... Воздух... Все дышит... Дрозды кричат... Букашечки разные летают. И эти птицы... Даже выстрел прекрасен... Гулок... Округл как-то. Стоишь и чувствуешь себя таким... Тургеневым, что ли. Эти писатели-дворяне знали толк в охоте... Недаром, помните, у Толстого в «Анне Карениной»: «Тяга была прекрасная... Стало темнеть. Ясная серебряная Венера низко на западе уже сияла из-за березок своим нежным блеском...» Ведь как точно! Венера вот она! Именно на западе...

Все трое посмотрели туда, где поверх елей и верхушек осин все тем же белым огнем блестела-горела-переливалась она, и было в ней нечто женское, трепетное и весеннее. Другие звезды тоже были видны, хоть совсем и не так, как в осенние ночи. Слишком много света еще было в медленно синеющем небе, и даже звездочки Большой Медведицы проглядывали неясно.

«Неужели Толстой так же стоял когда-то на дороге у осинника в гложущем ночном лесу и так же чувствовал все это, понимал небо, звезды, траву, березы, свет Венеры в ветках осин?» — мальчику опять стало привольно-хорошо, точно он приоблился к нежданно высокому, а досада на свою неудачу и на Арсения Михайловича словно бы прошла.

До избушки добирались долго. Уже совсем была ночь. На севере лишь белело. Лес заглох и потерял очертания. А звезды выступили яснее и шли, шли за пареньком. Он спотыкался, и его все тянуло обернуться, а когда он поворачивался, не становилось спокойнее, — хотелось обернуться еще и еще. Только вместе с усталостью прошел страх. Дорога, наконец, вывела на вырубку, всю в густейшем сосняке, в темноте казавшемся непролазным. Где-то здесь была скрыта их избушка. Потому что теперь построй ее открыто, хоть в самом дальнем месте, — найдут туристы, грибники, охотники и просто шальные оголтелые люди, которые бродят весной и летом по лесам неведомо зачем. Этих-то непонятных людей отец боялся больше всего, от них прятал лесное жилище. В последней их избушке (строили вместе с сыном) шальные люди разобрали на дрова крышу, изрубили дверь, выбили оконце, а пол загадили. Кто только родит таких бродяг?

Отец осмотрелся, нашел какую-то ему известную приметку, велел сыну и Арсению Михайловичу ждать, а сам ушел в сосняк, утонул в нем, только изредка доносилось шуршание травы и снега.

Скоро отец окликнул их.

Охотничья избушка! Кто не видел их, или видел в кино, непременно представляет ладные бревенчатые стены, добротные двери, печи и лавки. Может, такие избы и есть где-нибудь в Сибири, в северной стороне. А у них было совсем первобытное жильё: шалаш не шалаш, землянка не землянка, — нечто вроде двускатного бревенчатого балагана, вросшего в землю и крытого дерном. Хорошо, что спереди еще была дверь, обычно в такие «избушки» влезают через дыру на крыше, и эта же дыра служит дымоходом. А тут была, помимо двери, и труба из мелкого плитнякового камня. Вот такое сооружение и чернело на крохотной проталине, среди тонкого сырого снега, испятнанного лосиными следами. Отворив дверцу, отец посветил фонариком, полез, сопя и кряхтя. «Все хорошо!» — раздался его приглушенный голос. И сейчас же там за-

трещала береста, запахло дымом. Дрова заранее были приготовлены в очаге вместе с растопкой. Отец всегда оставлял в избушках сухари, сахар, соль, спички, дрова и растопку. Иногда он приносил сыну эти лежалые, окаменелые сухари, и мальчик с удовольствием вспоминал, какие они были крепкие, пахли лесом и охотой.

А через полчаса уже пили чай, сидя на бревенчатых нарах. В избушке было темновато, дымно, очаг плохо горел, но это не мешало отцу на все лады расхваливать его и чай, и самую избушку. Она на охоте — первое дело. У отца все — первое дело: ружье — первое дело, порох — первое дело, чай — первое дело, сухари — тоже. Второго дела у него не было. Арсений Михайлович снял пенсне и уже не походил на какого-то русского писателя. Лицо учителя стало беспомощным и виноватым. Чай он пил глубокими редкими глотками, отдыхая после каждого и словно бы прислушиваясь к себе. Изредка он поддакивал отцу, но больше горбился и молчал. Отец же говорил много, оживленно, рассказывал — в двадцатый раз — как нашел место для избушки, как строил ее, пилил и таскал пальник (тут недалеко гора есть, лесу свалено полно, а обугленный он даже лучше — не гниет под дерном). Отец как-то всегда и во всем умел увидеть, найти лучшую сторону, чему-то радоваться искренне и долго.

Паришка слушал молча. Он очень устал, едва сидел и хотел спать, как маленький, глаза закрылись сами. Но когда улеглись на сыроватое сено, отец тотчас захрапел, сыну спать расхотелось — то ли слишком наполнил густого чаю, то ли было непривычно дымно, жестко, неудобно. А отец похрапывал — ему ничего не стоило уснуть, где угодно, лишь бы приклонить голову. Отлежав руку, паренек заворочался и сел, ощущая, как отходит рука и ее приятно покалывает. Он смотрел в очаг, где еще что-то горело слегка, вспыхивало, гасло, таяло.

— Не спишь? — шепотом донеслось из угла, Арсений Михайлович приподнялся.

— Нет... Не хочется...

— О! Совсем?

— Совсем не хочу...

— Пойдем смотреть ночь?

— Как?

— Подымайся!

Арсений Михайлович встал, полез из двери, должно быть, на четвереньках. Следом быстро выбрался мальчик.

Какая свежая черно-синяя ночь стояла над этой порубью! Точно серебристая мантия волшебника, светилось по зениту небо, и на этой жемчужной пороше еще ярче, торжественней блестили колдовские знаки созвездий. Небо было так близко, что казалось осязуемым, и сама тьма вокруг, мягкая и холодная, казалась осязаемой. Мальчик смотрел, закинув голову, на бесчисленные звездочки Млечного Пути, и вдруг с неведомой пробуждающей ясностью понял, что это живой мир, бесконечный и трепетный, полный движения, жизни и какой-то расширяющейся, уходящей в пространство тайны.

— Магелланы! — сказал Арсений Михайлович... — Мы с тобой сейчас — Магелланы. На берегу бесконечности... Что такое бесконечность? А вот она — перед тобой. Прекрасная бесконечность... В одной Галактике сто пятьдесят миллиардов звезд — в нашей Галактике... А там их... Уже открыты миллионы. И сколько там солнц... Каких!.. Сколько планет, океанов, материков, зверей, невиданных существ... Неоткрытые Африки... Незаселенные Америки...

Чудесно... Подумай? Может быть, на одних планетах еще только травы... Степи с цветами. А на других — ящеры и уродливые носороги. И все там... В бесконечности... Ты созвездия знаешь? Ну, какие-нибудь?

— Плохо... — сказал мальчик.

— Ну, какие-нибудь, — повторил Арсений Михайлович.

— Большая Медведица...

— Да... Хм... Ну, что ж... Вот она, Медведица... Видишь?.. Почти в зените сейчас. Конечно... Прекрасное созвездие. Украшение нашего неба. Ты знаешь, что все звезды в нем названы? Нет? Гляди... Крайняя угловая в ковше. Видишь — самая яркая, альфа, — это Дубе... Единственная в созвездии желтая звезда-гигант. Сравнительно холодна — вроде нашего солнца, только много больше. Итак — Дубе. Нижняя, под ней, — Мерак. Другая, нижняя в ковше, — Фекда. Вверху над ней, послабее прочих, — Мегрец. Это ковш. А теперь ручка, хвост то есть. Считай от ковша — Алиот, в центре, повыше, — Мицар. Запомни эту звезду — Ми-цар. Скажу о ней еще... Последняя в хвосте — Бенетнаш. Наверное, ничего не запомнил? Так их называли арабы звездочеты. Самая близкая к нам последняя хвостовая звезда — Бенетнаш... Пятнадцать световых лет... А самая далекая — ближняя к ковшу — Алиот, до нее свыше шестидесяти. Целую жизнь надо лететь со скоростью света... Алиот и самая большая звезда из семи... А вообще-то, друг, в созвездии этом не семь звезд, а сто двадцать пять. Видишь — помельче рассыпаны у ковша. Да и ковш ли это? Одни народы называют арбой, другие — повозкой, третьи — еще как-то...

Мальчик молчал. Сильнее вглядывался в семизвездную запредельно мерцающую Медведицу. Он любил ее с малых детских лет, всегда помнил над своим домом и про себя называл ковшиком и каструлькой. Но откуда этот человек в пенсне знает о Медведице столько?

Арсений Михайлович тоже помолчал, как бы убеждаясь, что его слова не пропали даром, и продолжал:

— Кстати, ты знаешь, что звезды движутся? Только слишком далеки, да и слишком коротка наша жизнь, чтоб это заметить. Что жизнь, — история коротка, чтоб заметить явно их движение... И все-таки... Миллион лет назад, если жили тогда первые люди, они видели совсем не такое небо... Не такое, друг. Даже сто тысяч лет назад вид у Медведицы был не таков. Видишь ли, крайняя хвостовая звезда Бенетнаш летит как бы вниз, а Дубе — верхняя в ковше — почти в противоположную сторону. Через сто тысяч лет Медведица будет похожа на совок с обломленной ручкой... Ты бы хотел прожить сто тысяч лет? Я бы хотел... Интересно... СТО ТЫСЯЧ ЛЕТ! Непостижимо. Какая будет земля? А люди? А жизнь? Сто тысяч... — Он вздохнул... — А хочешь еще о Медведице? Ты запомнил звезду в средней части ковша, повыше других? Это Мицар. По-арабски — конь... А над ней... Ну-ка, смотри... Не видишь ли близ нее маленькую звездочку? Чуть выше и левее... Чуть выше и левее...

Мальчик смотрел и, действительно, увидел над Мицаром выше и левее еще одну звезду.

— Вижу! — глухо сказал он.

— Видишь? Ах, молодец! Так в древности у воинов проверяли зрение. Те, кто видели Алькор, были самые зоркие. Так вот — это Алькор. По-арабски — всадник. Алькор и Мицар — двойная звезда. По-видимому, Алькор вращается вокруг Мицара, но с очень длинным периодом... Итак, это двойная звезда Алькор — Мицар, Всадник и конь. А знаешь,

огромное количество звезд — двойные, тройные, вообще, кратные. Да, да. В телескопы это видно... Или по спектрограмме. Можно даже сказать, что одиночные звезды — исключение, а двойные — общее правило. Так вот: сам Конь-Мицар, оказывается, когда смотришь в телескоп, — тоже двойная звезда: Мицар «А» и Мицар «Б». Они вращаются вокруг общего центра тяжести. И этого мало. Оказывается, звезда Мицар «А» сама состоит из двух звезд, очень близких, почти соприкасающихся. Как-ково? И они тоже вращаются. Вот тебе — конь и всадник, и вот Большая Медведица...

Потом оба молчали, слушали шорохи ночи. Небо на востоке слегка бледнело не то перед рассветом, не то скатился туда тонкий белый месяц, которого не было видно из-за лесистого увала, а потом он обозначился, чудесно-длинный, изогнуто-накаленный — такой месяц никогда не видишь в городе.

— А-а... А-а-а... — раздалось где-то далеко и звучно.

В ответ послышалось: «Ву-ву, ву-ву, ву-ву...»

— Вот запомни, — сказал Арсений Михайлович. — Лес. Ночь. Кричат филины. И — весна! Весна, милый. — Он повторил: — Запомни: весна.

Неожиданно он полез в избушку. А мальчик остался еще, стоял и слушал. Слышалось, как оседает снег с тихим нездешним вздохом, и еще было слышно, как пробивается в землю вода, а земля тихо, счастливо пьет ее, пьют корни сосен и корешки травы. Мальчику начало казаться ощутимым, как дышат миллиарды устьиц на хвоинках, как миллиарды звезд ведут свой таинственный хоровод. Но были среди этих неясных ощущений и другие, вполне определенные. Паренек слышал: кто-то бежал, шуршал неподалеку в сухой обтаявшей траве и по снегу. Кто-то прошел вдали тяжелой затихающей поступью. И в небе тоже цвиркало, посыпывало. Там тоже была жизнь. Жизнь всюду. А филины бессонно кричали свое: ву-у, ву-у.

III

Почему же почти немедленно его стали трясти за плечо?

— Вставай! — говорил отец, приподнимая и усаживая его. — Вот так... Ну же! Ободрись! Заспался...

А мальчику хотелось только спать. Он не раскрывал глаз, зевал и сжимался, норовя опрокинуться обратно на теплое сено. Лишь когда глаза все-таки раскрылись, в душе все еще жило, остывая, воспоминание об уютном сне, тепле и звездах, в которых он только что бродил, плавал, летел, забываясь, может быть, до самой Большой Медведицы.

Отец отворил дверь и в избушку плеснуло жидким светом зари. Мальчик понял, что уже светает. И как отец никогда не проспит? Кто его будит? Арсений Михайлович тоже проснулся, молча собирался, переползался патронташем, во всех его движениях мальчик уловил нечто новое, упрямо сосредоточенное, словно бы учитель преодолевал нечто привычное. И мальчик тоже стал собираться, надел сапоги, патронташ, телогрейку и потянул из угла свой рюкзачок, сшитый из льялого солдатского мешка, но с настоящими хорошими ремнями. У этих ремней даже были алюминиевые крючки для удерживания патронных подсумков, и, когда мальчик цеплял их за свой патронташ, он чувствовал себя суровым и военным.

Пожевали хлеба, попили холодного горького чаю с сахаром. Очаг решили не топить — поздно будет... Впрочем, так решил отец, а мальчик и

Арсений Михайлович только молчаливо подчинились.

— Ну? С нами пойдешь или сам? — спрашивал отец, когда с едой было закончено и все трое вылезли, пожевываясь, из избушки. Лицо отца было улыбочиво. Мальчик сердито взглянул. Ведь уговаривались. Всю зиму он бредил этой самостоятельной охотой — и вот опять.

— Ну, ладно, ладно. Ступай уж, охоться, — сказал отец. — Первым делом выйди на Рассохинскую дорогу. Она вдоль речки и выведет тебя к тому вон увалу. Обогнешь его — там тропа есть, пройдишь осинником, березняком и опять к речке спустишься. Тут, у переката, на поляне нас жди или мы тебя ждать будем. В случае чего стреляй три раза подряд. Ну, давай... С ружьем осторожнее... Да первым делом по солнышку поглядывай, чтоб в лесу где не заблудиться. Следи за солнцем. Понял?

Мальчик подтянул патронташ, надел ружье и, уже улыбочиво и торжественно взглянув на отца и Арсения Михайловича, зашагал к дороге, продираясь через сосняк, отводя его холодно-влажные ветви. Сапоги шуршали в снегу. Огромные сапоги. Других у него не было. И отец, всегда боявшийся, чтоб мальчик не простудился (от одной простуды — сто болезней начинается), брал его на охоту только в этих бахилах, которые, несмотря на двое носков, болтались на ногах. Каждый шаг мальчик делал сначала как бы внутри сапога, а потом уж поднимал и самый сапог.

Утро было очень холодное, знобящее. На дороге замерзла вода, сизел иней. Солнце еще не всходило, и над всей вырубкой было розово-красное небо, похожее на разрезанный застылый арбуз, даже пахло так же, морозно и арбузно. У мальчика озябли руки и шея, пока он шел вырубкой до леса. А там стало немного теплее. В лесу еще держалось оцепенение, ночная неподвижность. Мальчик хорошо понимал ее, а лучше сказать, ощущал, потому что природа во всем подобна человеку — она так же может спать, нежиться, пробуждаться. В этом ощущении рассвета было все, что мальчик принимал без размышлений и просто знал и любил. Он не объяснил бы, почему ему нравится заря, почему он улыбается, когда видит солнце, почему ему хорошо, когда он слышит, как шумят на летнем ветру тополя, плачется дождь, млеет в жаре трава, порошит снег. Просто он всегда жил ощущением слитности с этим, и лишь когда он особо обращался к своему состоянию, словно бы проверял легонькие невидимые струны, трогал их и прислушивался, они звучали в лад всему, созвучно хорошо и вместе с тем странно-разделенно. Мир был слишком богат для него, переполнен до края ожиданием, предчувствием, предвкушением и неоткрытостью, в чем, наверное, вообще суть и секрет постоянной и чуткой радости детства, во всем подобной сиянию майского утра, когда все свежо, ничто не затоптано, все готовится цвести и жить под самым безоблачным ясным небом.

Теперь мальчик бодро шагал лесом. Сон отошел, и думалось только об охоте, глухарях, рябчиках, а ощущение будущей удачи становилось все нестерпимее. Дорога склонилась к подножию увала, и лес посурился, зачернел елями, стало слышно речку, текущую в глухой непролазной уреме. Мальчик сошел с дороги и двинулся вдоль речки, продираясь сквозь плотные елочки, перелезая колodник и кочки. Здесь, по ложку, всегда попадались рябчики, и отец не раз убивал по две-три штуки. Мальчик выбрал укрытое место под елями и достал

латунный пищик-манок. Тонко посвистел, подражая рябчику, и прислушался, на лице его отразилось почти болезненное ожидание. Но ничего не было слышно, только речка выговаривала: гуль-гули-бли, гуль-гули-бли... Она сильно разлилась (летом тут совсем ручеек), многие ели стояли в воде. Мальчик поманил снова. И снова в ответ было бульканье реки и пение дроздов. Они начали петь как-то враз, и лес зазвенел их скрипучим гомоном, через который время от времени прорезались громкие жужжащие трели вьюрков и голоса зябликов. Мальчик пробрался на другое место и опять поманил. Должны же здесь быть рябчики! А он был упрямый. Так он двигался вдоль речки, пока не услышал вдруг steigающе-звонкий неожиданный свист рябчика. Мальчик спрятался за ель, припал на колени, чувствовал, как оно тотчас же холодно промокло. Хищно щелкнул взведенный курок. Мальчик поманил еще, не вынимая пищика из зубов. И тотчас услышал гулкий взлет, увидел, как две темные птицы летят с той стороны речки прямо к нему, мелькая меж елей. Птицы сунулись в ближние ели. Где? Где? Где? — гулко стучало сердце, а руки тряслись, и он никак не мог унять эту дрожь. Наконец он увидел недалеко от ствола неясное пятно птицы, и медная мушка ходуном заходила по этому силуэту. Мальчик не решился нажать на спуск — все казалось промажет. В последний момент он все-таки зажмурился. А потом увидел, как рябчик мертво валится под ель. Звука он не слышал. Торопливо выбросив стреляную гильзу, мальчик заложил новый патрон. Глаза искали. Где же второй? Второй рябчик, вытравившись, шел по сучку. И снова мальчик зажмурился, когда ружье прыгнуло в руках. А потом он бежал, не помня себя от удачи.

Второй рябчик лежал, распластав крылья на мху и, закинув голову, глядел пронзительно. В коричневых глазах его не было страха, только удивление. Паренек осторожно взял его, рябчик забился, затрепыхался, затряс головой и обвис, распуская крылья. Паренек бросил рябчика и отвернулся. Что-то шевельнулось в нем. Почему? Раньше он совсем не так подбирал убитых отцом птиц, совсем не так... Постояв, он нашел глазами и первого мертвого убитого рябчика — тот упал в воду, однако возле сухого места из воды торчала пепельная спинка и серый с черной полоской хвост. Но горечь, внезапно прихлынувшая, скоро сошла, растворилась в ощущении радости и удачи, и, подобрав рябчиков за холодные, жесткие, опущенные лапки, мальчик вернулся, снял рюкзак и бережно уложил дичь, разглядев и огладив перо.

Когда рюкзак был на плечах, а ружье заряжено и снова в руке, мальчик тотчас вообразил себя таким охотником, которого он видел однажды на улице у вокзала. Охотник чем-то напоминал отца, был в такой же зеленой военной фуражке, в коротком брезенте поверх телогрейки, с ружьем в затасканном чехле. Он шел, увешанный дичью. С одного плеча свисал огромный глухарь, мотал прижмуренной бородастой головой, стучал клювом по сапогам; с другой стороны была приторочена к сумке связка синих, с белым и красным, тетеревов, у пояса белела брюшками добрая вязанка битых уток. Вся допущенная правилами отстрела добыча была у охотника на виду, а прочая, должно быть, в туго набитой сумке. Он шествовал устало и достойно под вздохи, ахи, не то удовлетворенно счастливый, не то какой-то другой — не сразу поймешь, но мальчик запомнил даже то, каким было утро: прохладное, грустно-пасмурное, с задумчиво распускающимися тополями...

Сейчас пареньку подумалось, что раз уж так началось, скоро он покажет, на что способен, и отцу, и Арсению Михайловичу. Даже если ничего больше не попадет, все равно он придет с добычей. А может, так-то и десяток, и два наберется. Вот вам и первый раз пошел. Вот вам и «охотники». Как начну выгружать рябчиков из рюкзака одного за другим... И он тотчас представил, как раскладывает их по поляне, целых двадцать штук (столько было у него патронов, считая и два пулевых и один с картечью, на случай встречи с волком, медведем, рысью, во что ни сам паренек, ни отец, с которым он заряжал патроны, конечно, не верили).

Но больше рябчиков в логу не было, и, побродив напрасно, парнишка выбрался на дорогу. Он бодро пошел по ней, держа ружье наготове, сияя глазами, каждую минуту готовый стрелять. Вот что значит удача. Он не знал еще, что за удачей всегда следует нечто худшее, так же неизбежно, как за подъемом следует спад.

Старая глухая просека попала ему справа. Ручей, забитый мокрым снегом, отгораживал ее от дороги. Через ручей брошено бревнышко без коры. Просека остановила мальчика, и он, раздумывая, глядел в ее суживающуюся глубь. Она была заманчивой в свесах ельника, в тишине еловых венцов и перекрестьях упавших деревьев. Такое дикое место как раз и любят рябчики, скрытые, как сам этот лес. А вдруг за ручьем глухариный ток? Говорил же отец, что где-то в этих местах есть богатое токовище, о котором ему тоже рассказывал знакомый лесник. К тому же просека клонит к увалу, как раз туда, куда нужно выйти круглым путем. Сомнения одолевали парня. С одной стороны, проще было идти путем, который указал отец, там мальчик уже

ходил и знал дорогу и тропу. С другой — всегда жило в нем то самое, что заставляло порой, наверное, открывать и Австралии, и Антарктиды, брести к полюсам и взбираться на заоблачные круги...

На самой середине бревнышка сапоги оскользнулись, и мальчик, не успев вскрикнуть, оказался выше пояса в воде со снеговой кашей. Он рванулся к дороге без сапог, без ружья, босой и трясущийся, обезумевший от страха и горя.

Он не знал, что ему делать, и с минуту дико оглядывался, стоял, поджимая то одну, то другую ногу, ощупывая их, инстинктивно пытаясь согреть. Теперь он не мог даже выстрелить три раза, на случай беды, — ведь ружье утонуло вместе с сапогами. Но безвыходность заставила паренька действовать решительно. Закусив губу и чуть не плача, он снова по пояс влез в ручей. Уже привычнее ощутил кипятковый жар снеговой воды. Нашупал сначала один сапог, потом другой, с натугой выволок их и бросил на дорогу. Дальше удача опять вернулась к нему, и он нашупал, чудом нашел ствол ружья, и тогда (уже радуясь, что и такое возможно) он выскочил на обочину канавы и начал раздеваться. Снял брюки и белье, выжал, насколько мог, одеревенелыми руками, трясясь, надел все это холодное, жестяное и липкое. Вылил воду из сапог, вытряс снег, отжал носки и надел их, набрал сухой обтаявшей травы, протер сапоги внутри и наложил этой травы еще. Какое блаженство было надеть эти же самые, вечно проклинаемые сапоги, которые спасли теперь коченеющие ноги. Чтобы согреться, он побежал вдоль дороги. На бегу он лихорадочно думал, что теперь пропала охота, так удачно начатая, пропало настроение, пропало все, и как теперь сказать отцу, как явиться после такой «самостоя-

тельности? Он бежал долго, далеко, запыхался, и, хотя согрелся не очень, стал рассуждать как-то медленнее и спокойнее. Вдруг он обнаружил, что и ружье, и рюкзак остались там — у ручья. Завернувшись, он помчался что было мочи обратно, тяжело дыша, с одной только мыслью: «Ружье! Ружье! Как можно было оставить ружье!»

...Оно лежало там, где он и забыл его, возле бревна через ручей. Тут же валялся и рюкзачок. И, поразмыслив, мальчик, едва переводя дух, подумал: «Кто мог взять это на безлюдной лесной дороге?». Внезапно ему стало тепло. Над лесом уже показалось солнце. А на дороге темно оттаял иней, и она курилась тихим паром. Мальчик взял ружье, открыл, продул ствол, забитый снегом, и переменял патрон, хотя и патронташ его был мокрый. Потом он надел рюкзак и постоял на солнечной стороне дороги. Тут было совсем тепло. Солнце грело сильно, обещая жаркий день. Неожиданно мальчик сошел в лес и стал искать подходящую палку. Он нашел ее быстро, попробовал — крепка ли? — и опять подошел к ручью. Наверное, он и сам не объяснил бы, зачем понадобилось идти через ручей еще раз. Или это было упрямство? Но теперь он переходил осматривательно, опираясь в дно ручья найденной сухаркой, переступая по бревну боком, как курица по насесту. И все-таки он чувствовал себя победителем, ступив в снег на противоположном берегу. Парнишка вздрагивал и сжимал зубы, но в лице его было что-то отчаянное, и вот, махнув кому-то, он торопливо пошел просекой, увязая в снегу — здесь был северный склон, и снег согнало сюда ветрами с увала. Иногда мальчик оглядывался, смотрел на свой след, и этот след успокаивал его, потому что лес кругом стоял дичалый, нерубленный и сама просека, нечищенная давным-давно, была перекрещена завалами колодника и сушняка. Коричневый зверек, может быть, соболю, нырнул далеко впереди с одной из таких колод и тотчас скрылся. В другом месте мальчик нашел перья съеденной кем-то копалухи, и ему стало страшно, снова начало знобить. Тогда, чтоб унять страх, он решил закурить, достал подмоченную пачку «гвоздиков» и спички из нагрудного кармана. Отец всегда носил спички так, и мальчик следовал ему во всем. Сейчас привычка пригодилась. Спички были сухие. Он кое-как раскурил папиросу. Глотнул дыма, раскашлялся до слез и так, кашляя, курил. Потом бросил папиросу в снег, и, вытирая слезы, пошел дальше. Он поднимался просекой на склон увала, пока не пропал снег. Прошла и дрожь. Мальчик согрелся. Вдруг он увидел, как с просеки, с земли, взлетел рябчик и сел на склоненную дугой березу. Наверное, мальчик слишком поторопился, не успел прицелиться. После выстрела рябчик неловко полетел, упал и бойко побежал, лавируя между стволов. Мальчик бежал за ним, на ходу меняя патрон, взвоядя курок. Но некогда было приложиться, рябчик удирал во всю прыть, и парнишка мчался, пытаясь догнать. Вдруг ружье само собой грохнуло, впереди упала срезанная ветка, а дробь рикошетом щелкнула мальчика по ногам и в руку. Он остановился, ощущаясь, с облегчением сознавая, что не ранен, и с опаской глядя на ружье. Нельзя так! Надо осторожно. Рябчик убежал. Но, видимо, здесь их было много, потому что, идя склоном увала вверх, мальчик убил еще двух, одного за другим. И теперь его добыча увеличилась до четырех штук. Совсем не худо для обретающего самостоятельность.

Пока он выслеживал рябчиков, подманивал, подкрадывался на верный выстрел, искал и подбирал убитых птиц, он незаметно для себя обсох. Солнце

уже поднялось высоко, а весь лес, согретый, пронизанный им, пел, звучал, сочился ручьями, синел в тенях полосами снега, голубея лоскутками неба. Раза два мальчик вспугивал глухарей, но, не умея стрелять влет как следует, пугаясь неожиданности, только смотрел, как сизо-черная жутоватая лесная громадина тяжело и быстро уносится прочь, мелькая между соснами, березами и елями. Глухарь в лесу всегда напоминает о дороге, о том — не заблудился ли? И паренек тоже с беспокойством огляделся, решил найти свою просеку, она была где-то справа, недалеко. Горючая он даже побежал, чтоб найти ее скорее. Но сколько ни оглядывался, ни ждал — просеки нигде не было. Тогда он повернул обратно, кружил, метался, останавливался, смотрел на солнце, но ничего не понимал, не мог сообразить, — а склон увала был бесконечен, не один километр, — где она осталась, эта просека, которая пропала, как по волшебству, будто ее никогда и не существовало. Правда, была надежда на ружье. Можно выстрелить три раза. Но как найдет его отец в таком глухом месте? Ведь мальчик пошел совсем не так, как велел отец. Тяжело дыша, мальчик крутился на одном месте, ища выход. Спуститься вниз, к речке? Он тотчас кинулся туда, скользая по склону, но вскоре попал в такую чашу, в такой глубокий снег, что поспешно выбрался, начерпав полные сапоги. Он вытряс снег, сидя на колодине, и тут решил идти к вершине. Может быть, показалось, с вершины будет легче найти просеку, разобраться во всем и найти дорогу назад. Он поднимался очень быстро, задыхаясь, судорожно-крепко держа ружье, вздрагивая, когда в стороне кто-то хлопал крыльями, улетал — рябчик, глухарь, тетерев — не все ли равно, теперь парню было не до охоты. Вершина увала приближалась, лес пошел реже, светлее, и впереди мальчик увидел нечто серое, похожее на стену дома. Он остановился. Дом? Здесь? Но, шагнув ближе, понял, что это, конечно, не дом, а башня-скала. Останец. Такие изредка попадаются по вершинам увалов. Чаше всего они невысоки, вровень с лесом или ниже, а эта скала была довольно широкой и сложенной плотно, стены ее уходили в небо, только северо-западный край оказался более разрушенным. Дожди и ветры обвалили его. Здесь можно было попробовать взобраться на макушку останца, где росла наклоненная уродливая сосна. Отдышавшись, парнишка полез на скалу, подымаясь очень осторожно, потому что не снял рюкзак, а ружье тоже не оставил внизу, только разрядил и повесил за спину. С каждым шагом скала словно бы росла и совсем перестала казаться низкой, ноги в бахилах скользили, но мальчик полз, припадая грудью к камню и уже не глядя вниз, чтобы не испугаться. По кончикам пальцев прошел мороз, когда парнишка уцепился за корень сосны, подтянулся и лег на дернистую, каменную вершину останца. Он вполз на нее, как ящерица, и сначала лежал, уткнувшись носом в каменное теплое дерно, раскинув руки. Потом осторожно повернулся и сел. Башня была слегка наклонена, или так казалось. Чуть ниже ее были макушки леса. Со всех сторон небо. Светло-голубое в одной стороне — с белой рябью облачков, в другой — с низовыми, тянущимися по ветру сизо-серыми тучками. Здесь было ощущение полета, невесомости и простора. Глаза смотрели необычайно зорко, и мальчик увидел среди лесов дальше озеро, и даже далеко-далеко ниточку железной дороги, по которой бежал крохотный состав. Дорога обрадовала и успокоила его, и, самое главное, он увидел просеку, только почему она оказалась слева

и совсем не там, где он ее хотел найти? Сначала парнишка даже подумал, что это не та просека, но, мысленно пройдя по ней, понял: та! И сразу, словно что-то повернулось в его голове, все встало на место: лес, увал, дорога, солнце, которое хорошо грело его спину и шею. Теперь парнишка успокоился окончательно. Улеглось неприятное, давящее душу волнение, снова стало привольно, вольготно. К тому же он обнаружил, что совсем обсох, только в сапогах было еще сыро, и он тотчас разулся, стянул сапоги и волглые носки, подставил босые ступни солнцу и ветерку, зажмурился от удовольствия: ветер сушил их и тихонько гладил. Как хорошо! Он прислонился к стволу сосны, который чуть покачивался, и сидел так, отдыхал, полускрыв глаза, наслаждаясь верхним ветром леса, легким вековечным шумом. Сквозь полуприкрытые веки все вокруг было голубоватое, солнечно-зеленое и размытое, а, когда он открывал глаза, даль многоцветно голубела, горы густо синели, лес расстился спокойной зеленью, и там, внизу, были крики зябликов, гомон дроздов и слышались тетерева. Еще кто-то звонко, заунывно кричал там: а-а-й, а-ай... Точно звал — и плакал. Движением плеч мальчик освободил рюкзак, снял его, растянул завязку, вытащил на дерно отвердевшие и остывшие тушки рябчиков, положил рядком. Птицы лежали одинаковые. Пестро-рябенькие, с поджатыми лапками, и в них не было уже ничего живого, ничто не напоминало осторожных, сливающихся с лесом птиц. И, глядя на них, на то, как ветер заворачивает и шевелит пушистые перья вокруг лапок, мальчик ощутил тягостный укор раскаяния. Зачем убил? Зачем?! Теперь опустело в том темном ложе у реки...

Мальчик отвернулся. Он сидел неловко, тыльной стороной руки опирался о камень, и камень больно давил ему кисть, врезался в нее, но мальчик терпел, не хотел переменить положения. Потом он сунул тушки рябчиков в рюкзак, поджал колени к подбородку и долго сидел так, весь отдаваясь ветру и солнцу. Облака, печальные и спокойные, проплывали над ним. Он словно бы спал, хотя глаза его были открыты, только чуть приопущены. А вокруг просторно и уютно было небо, внизу осторожно шумел лес, и кто-то по-прежнему кричал там:

— А-ай... а-а-ай...

Мальчик обулся. Надел сухие носки и проветренные сапоги. Быстро спустился вниз и, уже как по знакомой дороге, пошел, даже побежал просекой, отводя ветки кустов, перескакивая через ветровал. Ружье он закинул через голову за спину. Рябчики снова выпархивали вперед, заяц торопливо мелькнул в сторону. Мальчик останавливался, глядел, но не снимал ружья. Только замедлил шаг, ступая по талому снегу в свои прежние следы.

Просека теперь казалась вполне знакомой. А у канавы-ручья, где он тонул утром, паренек задержался, посмотрел на желтое снеговое месиво и усмехнулся. Он ощупал сухие брюки, подобрал брошенный тут же шест-сухарку, спокойно перешел по бревну и, бросив шест, зашагал по дороге. Он улыбался, и, наверное, первый раз так, взросло и мудро, как не улыбался никогда раньше.

Спустя час он подходил к тому месту, где уговорились встретиться.

Дым костра почуялся издалека. Потом донесло голоса и потрескивание костра. Отец и Арсений Михайлович варили кашу. Огонь горел жарко. Висели над ним черные котелки. Арсений Михайлович сидел на долгой, сваленной кем-то давным-давно лиственнице без коры и тер глаза, сняв пенсне.

Отец рубил хворост, подкладывал сучья. Костры разводил он умел и любил.

— Ну! — обрадовался он. — Наконец-то!

По какому-то мгновенному расслаблению его лица мальчик понял, что отец беспокоился, может быть, очень беспокоился, а теперь у него отлегло и он очень рад.

— Много настрелял? Слышали тебя...

— Ничего, — сумрачно и взросло сказал мальчик и, сняв ружье, разрядил, положил ствол на лиственницу.

— Правильно, — похвалил отец. — С оружием осторожность нужна... Так-таки ничего? А стрелял раз пять...

— ...

— Да ведь это же хорошо! Замечательно! Никого не убил... — вмешался Арсений Михайлович. — Ведь радоваться только надо, как хорошо!

— Почему? — спросил отец.

— А ты еще спрашиваешь?.. Хм! Да ведь весна... А? Весна, друзья мои. Жизнь. Пробуждение. Хмель... А мы... Кто же мы? Как совместить? Ведь век этими рябчиками сыт не будешь, а добро в себе убьешь... Нет, как хотите, — я весной пас...

— Зачем же ты, Арсений, ружье таскаешь? Ведь тяжело, — усмехаясь сказал отец. — А вчера кто палил? Двух, говорил, подранил...

Арсений Михайлович надел пенсне.

— Ну, ружье... Ружье — это, так сказать, атрибут. Какой же я охотник без ружья? Я его ценю. Ведь поглядите: Бельгия. Фирма «Лепаж». Видите, работа какая? Гравировка, резьба... Стволы, приклад, цевье. Как сделано, с любовью, чисто... Это же поэзия... Красота... Да ты без меня знаешь... А боры, охота, лес? А эта поляна?

— Сварилась, кажется, — прервал его отец. — Садитесь-ка, ближе, романтики. Есть будем... Что-то от одной вашей духовной пищи живот подвело...

Сучком, морщась от жары и дыма, он снял котелок с kloчочушей кашей из концентратов. А мальчик проглотил голодную слюну, так хотел есть, так остро вдруг кольнул и обрадовал его нестерпимый молодой голод. Мальчик едва дождался, пока принял мятую алюминиевую миску, полную желтой пшенной каши с янтарным масляным колодцем. Сбоку отец покрошил луку и дал большой, в два пальца, ломоть хлеба. Отец признавал только крупные аппетитные куски.

Похоже, что и сам отец, и Арсений Михайлович испытывали то же ощущение, то же самое.

— Фх-ах, хорроша-а, — обжигаясь, черпал Арсений Михайлович. — Дай-ка мне лучку. Хлебушка черного... Ф-ф... Ах... Наслаждение.

— А слушай, Арсений... Ладно ли тебе черный?

Арсений Михайлович махнул рукой.

— Ну, ты, сын, рассказал бы нам, где ходил-то? — добрея и улыбаясь, сказал отец... — Ноги-то не промочил хоть?

— Нет, — сказал мальчик. — Сухие...

И вдруг фыркнул... Рассказать бы сейчас отцу, как лазал в канаву за сапогами и за ружьем.

— Чего смеешься? — спросил отец, поглядывая уже с подозрением.

— Да так... Случай один вспомнил...

— Скрытый ты становишься, — заметил отец. — Скрытничать — это нехорошо...

Он хотел сказать еще что-то. Но тут взбурлил котелок с чаем. Костер зашипел, задымил, отец принялся снимать чай.

Пили чай большими охотничьими кружками — у каждого своя — у отца, например, была зеленая, чуть не на полкотелка.

За чаем Арсений Михайлович разговорился — не уймешь, не остановишь.

— Вот что такое охота, друзья? Да, охота, милые мои, — волшебство. Счастье... Фата Моргана. Одним словом, ведь я благодаря ей, наверное, живу и жив остался. Да... И на фронте помню... Помнишь? А? В дожде, в снегу, в грязи рожей, по госпиталям. Что меня держало-спасало? А вот это... Чай думал так пить. С ружьишком на тяге постоять. Выжить для этого. И вспомнить было что... Да и сейчас даже. Учитель я. Математик... Логарифмическая линейка. (Мальчик чуть не захохотал, но вовремя отвернулся, укусил кулак. Арсений Михайлович впрямь чем-то напоминал эту линейку). Так вот. Веду я урок, братцы мои. Ну, геометрия пусть. Теорема Пифагорова. Пифагоровы штаны... Ну-с, доказываю, объясняю, мелом стучу, гляжу, как мои Васи-Пети усваивают, а сам-то нет-нет да и погляжу в окошко. Осень там или вот, как сейчас... И думаю... А до субботы еще два-три денька, а там я на поезд да в лес... И вспомню избушки наши, осиннички, покосы, поляну вот эту и лиственницу эту. И жить мне сразу светлее. А все думаю — математик! Он только уравнениями живет, о квадратном корне думает... Вот что для меня — охота...

Пили чай до самого вечера, подбрасывали

в костер. Лишь когда солнце село за лес, начали собираться к поезду. Арсений Михайлович пошел на речку мыть котелки.

— Глянь-ка сюда, — проводив его взглядом, сказал отец, придерживая устье рюкзака.

В глубине серело пятко рябчиков и три рыжих вальдшнепа.

— Вот как охотиться надо, — сказал отец.

— Я тоже убил... Четырех... — ответил сын.

— Да ну?! — удивился отец.

Сын кивнул.

— А чего же в молчанку играешь?

— Ты ведь тоже вчера вальдшнепов убил, а не сказал...

— Правда... — согласился отец. — Это я из-за него... — мотнул головой в сторону речки. — А тебе-то что за нужда скрывать. Также из-за Арсения?

— ...

— Чего молчишь?

Но мальчик отрицательно покачал головой, достал своих рябчиков и переложил в отцов рюкзак.

— Эх вы... Охотники... — отец завязал рюкзак.

крепко дергая за шнур, и встал. — Что за народ такой пошел? Все рассуждают, переживают... А что тут рассуждать-переживать? Есть дичь — стреляй! Промазал — бог с ней. Убил — с полем! Ну, ладно... Ладно. Дело твое... Ты молодой еще... А у меня, молодого, всяко было... Один раз утку убил, а у нее утята-поздыши оказались, хлопунцы желтенькие... До сих пор помню. Долго я тогда переживал.

Вечереющим лесом шли к станции. Теперь впереди шагал отец. А паренек и Арсений Михайлович приотстали. Арсений Михайлович то расспрашивал о школе, то умолкал — слушал птиц и нюхал воздух, останавливался.

— Подснежниками пахнет! — глубоко вздохнув, говорил он. — Ну до чего хорошо.

«Да где он их видит», — про себя думал мальчик, а вслух сказал:

— А где они?

— Подснежники? — переспросил Арсений Михайлович. — Подснежники еще под снегом или не раскрылись. Но они тут. Хороший цветок — подснежник.

В поезде Арсений Михайлович опять больше молчал, смотрел в окно. Лицо его все более изменялось, проступали прежние, уже известные мальчику и вызывавшие скрытую неприязнь черты. Это была не то замкнутость, не то учительский холодок и спокойная усталость. Теперь опять это был учитель, математик и, должно быть, строгий, сухой, озабоченный успеваемостью своих учеников. А может быть, просто мучила Арсения Михайловича его постоянная неизбывная изжога.

На вокзале распрощались. Мальчик робко пожал худую, сухую, холодную руку.

Когда ехали в тряском разболтанном троллейбусе, мальчик спросил отца, устало сидевшего рядом:

— А что убил Арсений Михайлович!

— Ноги... — коротко ответил отец. — Ничего...

— И не стрелял?

— Стрелял... Как же...

— Все мазал?

— Да нет... Какое... — с досадой сказал отец. —

Мимо он стрелял. Нарочно. Я-то его знаю. Он всегда так... Он ведь снайпером у меня в роте был, — и рассказал, как Арсений Михайлович убил знаменитого немецкого снайпера, который был на их участке, стрелял только по офицерам и тяжело ранил командира полка. Снайпер-немец был осторожен и аккуратен. На позиции выползал и маскировался ночью, не выдавал себя ничем и стрелял редко, но наверняка. Арсений Михайлович двое суток пролежал в снегу, почти без пищи, снайпера убил ночью, когда тот переползал из укрытия в траншею.

— На фронте он и зрение испортил. За пять-то лет! Обмороживался страшно. На ногах почти все пальцы ампутированы. И ведь до чего упорный — лежит в секрете, сухари грызет, соду свою со снегом ест. А дождется... Снегом его, бывало, совсем занесет. Ты его еще мало знаешь, — усмехнулся отец. — Его в роте так «Подснежником» и звали...

Рисунки В. Бубенищикова

Андрей
КОМЛЕВ

Я ВИДЕЛ КАК НАСТАЛ ВЕСЕЛЫЙ ДЕНЬ!

Ты знаешь,
все-таки растаяла зима,
и как-то вдруг нахлынула весна,
и вот уж — май, и майская тоска,
и светлая — по кругу — маята...
И это не последняя беда.
Я видел, как настал веселый день —
и взорвалась над скверами сирень:
горела, жгла... казалось, все ей мало...
но вот она уже отбушевала.
И вот уж облетел вишневый цвет,
открывши завязь...
где не пустоцвет.
Так, стало быть, и впрямь — настало лето!
Так, значит, нам еще — возможно это?
А осени покуда не видать.
Хоть до нее, небось, рукой подать...
Рождаемся с утра...
Живем покуда...
С предчувствием утрат.
В предвестьи чуда!

* * *

Мосток на утренней реке
блеснет
часами на руке.
Сползет неслышно косогор
под осторожным
сапогом.
Взгляну — откуда что взялось?
И вскрикну — лето началось!
Явилась весть,
и подан знак —
и ввысь струится березняк.

ДВОРЕЦ МАСТЕРОВ

Большое четырехэтажное здание — тюменский Дворец юных техников — ежедневно заполняют школьники. Здесь просторные, хорошо оборудованные мастерские, лаборатории.

Тюменщина — край нефти и газа. И понятно, что многие ребята занимаются в нефтепромышленном кружке. Они делают модели буровых установок. Одну из них мастерят Юра и Витя Барановы. Братья не раз видели буровую в действии, когда вместе с отцом бывали в экспедициях, поэтому они делают ее как настоящую. Даже рельеф местности — все у них, как на отцовской буровой.

Витя Якушев сконструировал установку для мелкого бурения.

— Настоящая установка снабжена гидравлическим подъемником, но к небольшой модели его приспособить трудно, — говорит мастер Николай Васильевич Кузнецов. — Вот я и предложил Вите сделать механический подъемник. Парень вскоре нашел свое решение и очень интересное — пружинный домкрат, надежный и простой.

В кружке авиамodelистов.

Парусник готов к испытаниям.

Много любопытных моделей сделали ребята из судомодельного кружка. Катер с программным управлением стреляет торпедами как настоящий. Модель подводной лодки с резиновым мотором проходила под водой двадцать метров. Два ракетносца с установками для баллистических ракет...

Сейчас в судомодельном строится необычная эскадра, в нее войдут военные корабли от петровских времен до наших дней.

Л. КОСТИНА

Иван ПОЛУЯНОВ

В ТАЕЖНОЙ ГЛУШИ

ЛЕЖАНКА

По проселку грузовики пылят; на лугу трактор ползает с сенокосилкой, убирая подросшую траву скоту для зеленой подкормки; из деревни доносится пенье петухов, звуки радио. И на тебе — рысь! С выводком — среди бела-то дня! Ночи ей разве мало? И вообще, нельзя разве для прогулок подальше выбрать закоулков?

Рысь — таежная кошка. Придерживается глухих дебрей, трущоб. Осторожная, хитрая. По ночам бродит, днем прячется в буреломах.

А тут — холмы, холмы.

Деревни, поля.

Радио играет, петух поет...

По холмистым полям изобилие камней. Грудами камни вдоль дорог. На межах камни. Есть булыжники, есть и гранитные валуны.

Полдень. Небо мутно. Жаром пышет от камней.

У рыси серая шкура в пятнышках, короткий, как обрубленный, хвост, высокие мощные лапы, пронзительные желтые глаза, по щекам бакенбарды и на ушах кисточки.

Да какой прок в желтых глазах и пышных кистях, если рысь будто оглохла и ослепла: ну-ка, котят своих из лесу в поле привела!

В лесу — прохлада, в полях — зной.

Растянулась рысь на валуне гранитном. Рысята выбрали себе по камушку.

Зевнула рысь... Эй-эй, смотри, ворона в рот залетит, разиня ты беспечная!

Мать зевнула, а детки уж спят, похрапывают.

Положила рысь морду на лапы, замурлыкала томно, веки смежила. Спит, не спит — кто разберет? Помурлыкала и затихла. Спит рысь, не спит — уши сторожат ее. Лучшие в тайге. Самые-самые чуткие. Будто в воронку, собирают уши и мышинные шорохи по бороздам, и шелест зеленой ржи, свист ветра в крыльях парящего в поднебесье коршуна, и дальний зов кукушки. Вздогнули уши, кисти поднялись торчком, когда букашка поскользнулась на гладком ржаном стебле и упала, завозилась... Малейший звук улавливают уши, на одно не тратят внимания: на рокот трактора и лязг рессор грузовиков, пылящих по проселку.

Камни по зеленым холмам.

Валуны вдоль дорог...

Кому какое дело, если на меже прибавилось три новых, три серых камня?

Спали рысята. Рысь спала, вытянув лапы. Уши ее сторожили. Чуткие, самые бдительные в тайге.

Сторожили уши и настожили: сорока затрещала, какая-то птичка цвिकнула...

Распахнулись желтые очи, вспыхнул в них пронзительный огонь. Рысь, рта не разжимая, издала горловой звук — и камни опустели.

Зеленая высокая рожь приняла выводок. По борозде, неспешно вышагивая на длинных толстых лапах, рыси скрылись в лес.

Минуту спустя пробежали ребята с удочками. Они смеялись, бодро стучали босыми пятками по земле и размахивали ведерками с уловом. Никто из них не обернулся на камни, послужившие рысям горячей лежанкой...

Рыси — те же кошки. Любят кошки на печках поспать, лежанки им в радость и удовольствие, такое удовольствие доставила и старая рысь своим котяткам.

РЕДКОЕ ДАРОВАНИЕ

Скакал горноста́й — спина дугой, зубы наголо. Прыжками несся — овсянку настигал. В траве она билась, поломанное крыло волочила. Не могла взлететь, пустилась со всех ног наутек. Только догонит ее юркий зверек, овсянка, натываясь на высокую траву, подлетит немного и вновь упадет, забьется.

Бежала, билась овсянка, крыло волочила. Да ни с того ни с сего и поправилась: пустилась от незадачливого горноста́йки здоровехонька. А в отместку за страх взяла и капнула перед самым его носом.

Проворен горноста́й, но допустил промашку. Ведь птичка от гнезда его отводила, больной лишь притворялась.

Вслед плутовке облизнулся горноста́й: ладно, вперед наука, больше на таком подвохе не попадусь.

Пронырлив горноста́й. В хворосте без устали шарил, кочки на поляне обнюхивал.

Вот вскинулся, шею вытянул.

Дупло в березе. Вкусно напахивает птичьим духом.

Пополз горноста́й вверх. Тихонечко-тихонько. И короткую лапку — раз, запустил в дупло.

— Ш-ш-ш, — раздалось из дупла злобное шипенье.

Отдернул горноста́й лапку, будто обжегся. Однако дерзости ему не занимать. Отчаянно смел маленький зверек. Юрк с головой в дупло. По самые плечи сунулся. Змея... Шипит, того и гляди ужалит! Отпрынул горноста́й в испуге. Не удержался, коготки разъехались, брякнулся с березы. Мелькнул в траве хвостиком — и пропал.

На птиц охотиться да на змею нарваться? С него хватит. Уж лучше мышей ловить!

Из дупла выглянула птичка и обратно скрылась.

Драной кошкой у гнезда иволга кричит — это, конечно, талант. Мастерски притворяются больными маленькими наседки, отводя беду от гнезд. Но чтобы гадюкой шипеть? Согласитесь, здесь совсем редкое дарование!

А змею-то из себя корчит вертишейка. Птаха робкая и безобидная.

МАЯК

Разве что рот... Ох, и пасть! Красная, широченная. Разевая рот широко, страшает козодой врагов. Еще крылья поднимает: с изнанки они полосатые, как у ястреба. Бывает, это помогает, ведь с ястребом знают-ся охотников мало.

Больше же то выручает, что козодой — полуночник, птица тихая, скрытная. Не прячась прячется, маскируясь под гнилушку или валежину.

Поет козодой не менее диковинно. В сумерки и белыми северными ночами. «Ур-р-р-р» — думаешь, трактор урчит, а это козодой. Поурчит и сам себя наградит бурными аплодисментами за выступление, шумно хлопая крылом о крыло.

Птенцы козодоя тоже оригиналы: проголодавшись, скулят, как щенки.

Лес темный, дождь накрапывает, щенки скулят... Чудеса!

Кто гнездо прячет, а козодой труд немалый свое собственное гнездо найти, где птенцы есть просят.

Кто скорлупки яиц уносит от гнезда подальше, козодой же всегда оставляет рядом.

Белеют скорлупки. Летает козодой, ныряя между деревьями, широким ртом ловит насекомых и потом на скорлупки держит путь, как корабль ночью правит на свет маяка...

УДАЧНИК

С края луговины кусты и тень, травы лопушистые. В тени под кустом — зайчонок. Глаза карие навывкате, лобик узенький, ушки аккуратно уложены вдоль спины. Жметесь зайчонок под кустиком, с собою разумно рассуждает. Кто в жизни удачник, так это я! Я... Я! До того мне везет, ни словом сказать, ни пером описать. Позавидуйте: только я на свет появился, как сразу стал круглым сиротой. Мама бросила под кустиком и со всех ног убежала, не оглянувшись. Вот это забота! Ласка и любовь!

Распирает зайчишку от гордости, пухлые щеки надул, важничает и задается. А наши тети? Знаете ли вы, что их добрее никого на свете не найти? Они мне молоко носят. Сладкое, вкусное и жирное-прежирное. Раз пососешь — трое суток сыт, живот тугой, как барабан.

Вдруг шелест в траве. Тетя... Легка тетя на помине, опять с молоком идет! Зайчишка приподнялся, шею тянет, губами шевелит: вку-у-сное молочко-то!

Но у куста лиса появилась: пасть оскалена, с языка слюна кап да кап. Рыжая лиса, лишь грудь белая. Салфетку повязала пройдоха лукавая, поесть собралась?

Обмер зайчонок: пропал я! Рыжая тетя... Не надо рыжих, я серых люблю!

Лиса в лесу — первая грамотейка. Любые следы читает. Хоть зимой на снегу, хоть летом на траве. По запаху, поди, птичку и то за сто шагов чует. Во всяком случае нос у нее — всем носам нос. С таким зайцев ловить — одно удовольствие.

Лапки зайчишка поджал, прикорнул под лопухом чуть жив. Бугорок — и больше ничего.

Лиса равнодушно по нему взглядом скользнула. Носом вокруг потыкала, ничего не прочитала. Или пустая страница, или неразборчиво написано? Дальше поспешим — и убежала рысцой.

Не пахнут зайчишки. Разве уж чуть-чуть. Что же до взрослых зайцев, то у них пахнут одни подошвы лап. Значит, следы тоже пахнут. Поэтому зайчихи и стремятся поскорей избавиться от зайчат. Бросают их. Нет, не на произвол судьбы: любая зайчиха малыша накормит. Чужой, не чужой лопухий ребенок в лесу — это не в счет. Все зайчата в лесу у зайчих общие.

Значит, прав зайчишка — он в лесу по-своему удачник!

ЗНАТОКИ

Что знали, что ведали бельчата до сих пор? Скрип сучьев, шепелявый напев хвои той елки, где пряталось сложенное из прутьев гнездо, и гул ветра над лесом, шум дождя, и шорох коготков, когда мать возвращалась домой. Не было в гнезде окон, только двери: мать их затыкала мхом, как на замок запирала, убегая куда-нибудь по своим делам. Все входы на запоре, если мамы нет дома.

Сейчас бельчата бросили гнездо, и мама их оставила: живите как хотите!

Неделя миновала, но поищи-ка других грамотеев, лесных знатоков. Как росли бельчата не по дням, а по часам, так и науку жизни постигают. Сколько птиц, а у каждой знай ее голос, повадки. Зверей-то в лесу — умеи отличать друг от друга, иначе пропадешь.

Зеленый, пышный мох под елками. Перевит ползучей травой, влажный, душистый. Прячутся в нем шишки. Попадали шишки с елок зимой, ветер их уронил. Втугую набиты шишки жирными семечками. Раз попробуешь семечек, так и поймешь, что для белки нет ничего вкуснее!

На поляне под березами грибы.

Сладкого охота — не забудь, что у горелого пня земляника поспела. А горлышко пересохло? Так ручей-то на что!

Он добрый, лес. Щедр к своим детям.

Вот зевать в нем нельзя. Держи ушки на макушке — не любит лес разинь. Беспечным нет места в лесу.

Рылись бельчата во мху. Хвост мешает? Так закинь его за спину! Старались бельчата, работали — каждый в своем уголке. Вкусный корешок — в рот, горький — прочь. И то один, то другой бельчонок подымался на задние лапки, осматривался, слушал. И опять: вкусный корешок — в рот, горький — прочь. С выкопанными шишками опрометью вскидывались бельчата на елки. Потому что для белки елка — дом родной, это всем известно.

Рядом медведица с медвежатами разрывала муравейник.

Дрозды на тропинке молча скакали. Царапали ножками прошлогодние листья, добывая червяков.

Синицы в кронах берез копошились, искали гусениц.

Он не пуст, лес. Никогда не бывает пустым. Плещет лес, рокошет лиственным прибором, а ветер утихнет — нашептывает лес хвоей колкой: тиш-ше... Веди себя тише, не открывайся врагам! «Тих-хо-о», — поучают елки, качая на сучьях сивые, длинные, как бороды, лишайники.

Вдруг синица пискнула:

— Пинь-пинь!

— Рю-рю, — подхватил зяблик вполголоса.

— Ш-ш-ш, — прошелестело в хвое.

Дрозды с тропинки невесть куда пропали. И синиц больше не слышно, и зяблик нырнул в листву, как в омут.

Лишь медведи продолжали раскапывать муравейник, белые коконы вместе с муравьями загребая лапами в пасть. Чавками, благодушно урча.

В волнении бельчонок выпустил шишку. Зацокал: «Цо! цо! цо!» Оглохли вы, что ли, косолапые? Тревога... тревога! Все попрятались, вы-то чего выставляетесь?

Мохнатая семейка ухом не повела, никто даже не оглянулся. Бельчонок усомнился: не напутали ль чего птички? Вздорная публика, по любому пустяку готовы крик поднять. «Пинь-пинь», «рю-рю»... Всполошились невесть отчего. Тревога, тревога... А где, в чем тревога?

Валялась шишка на виду. Соблазняла шишка. Зачем ее бросил? Не поднять ли, пока не поздно? Небось, семечек-то в ней... Не шишка — клад бесценный. Удивительно, что медведи ее не замечают. Увальни, вот что. Раззявы. Не то давно бы бросили в муравьище рыться, подобрали бы шишечку.

Головой вниз, испуганно тараща круглые черные глазенки, шаг по шагу начал бельчонок спускаться по стволу.

По земле скок-поскок и схватил шишку в зубы: моя... никому не отдам!

Подобно молнии, метнулся из елок ястреб: лапы вытянуты длинные, когти растопырены.

Что и успел бельчонок, так шишку бросить и вспрыгнуть на елку. Спрятался за стволом толстым. Тугим ветром, поднятым ястребом, едва его не сбило, близко мелькнули кривые когти... Ой, ой, пропал. Чуть жив прижался бельчонок к коре.

У ястреба длинный хвост. В любой гущине сучьев ястреб пролетит, ветки не заденет. Мощные у ястреба крылья, короткие и тупые. В мгновение ока они способны бросить ястреба на добычу.

Промах ястреба не обескуражил. Перевернувшись в воздухе вниз спиной, он замер, распахнув крылья, и повторил бросок.

Царапая по коре коготками, шаг короткий, один только шажок успел сделать бельчонок. Тем не менее опять спрятался за стволом.

— Кле-кле-кле! — хриплыми криками разразился ястреб.

И винтом, по кругу, по кругу завертелся, пытаясь достать бельчонка. Шипел в крыльях ветер, когти со свистом распарывали воздух.

Рывками, судорожно цепляясь за кору, ускользал бельчонок, малопомалу приближаясь к спасительным сучьям.

Спокойно трудились медведи. Ястреб? Это их не касается. Всех их забот — брюхо набить.

— Кле-кле-кле! — визжал ястреб. Чтобы обогнуть елку, ему нужно было закладывать широкие круги, в то время как бельчонку хватало шажок шагнуть в сторону и вверх, чтобы избежать растопыренных когтей.

Вот густые сучья приняли бельчонка...

Сорвалась охота: ястреб метнулся в сторону и был таков. Лес велик, еще найдется ему пожива.

Шумел лес, расстилал тени в траве. Вернулись дрозды на тропу. Синицы снова закопошились в листве.

Гортанно каркая, в стороне низко пролетел черный ворон.

И другой ворон следом за ним протянул.

Медведи оставили разоренное муравьище и рысцой припустили по тропе. Не зря ворон каркает. Может, волки теленка зарезали? Рысь овцу задавила? Поспешим, — авось на нашу долю достанется!

Жизнь шла своим чередом под пологом чащи. Один бельчонок не радовался теплыни и солнцу. Дрожал и трясся, прижавшись к суку: всегда теперь буду птичек слушаться... Всегда-всегда!

ВОРОНЬЕ УЧЕНИЕ

Река обнажила отмели и камни перекатов, лепечет, едва слышно журчит, словно жалуясь, как ей надоело бежать, все бежать, бежать — сквозь душный горячий воздух, по раскаленным камням перекатов.

Стая ворон на отмели. Молодых от старых не отличить: одинаково серые, одинаково носатые.

Поддевая клювами, птицы ворочают камешки. Роятся в песке. Заходя по грудь в воду, вытаскивают раковины. Рыбешку нашли — расклевали. Рак попался — вмиг распотрошили. Но раковины не поддаются вороньим носам. Долбят, колотят без всякого толку. Ссоры, толкотня. Висит карканье в воздухе, как базарная брань.

Ворона, других заметно помельче, первая отступилась. Обалдело разевала клюв, опираясь на хвост. Сопела и хрипела. Невмоготу, умаялась, сил нет.

— Кар-р! — орет серая растрепта, отталкивая соседку. Не туда бьешь, пусти меня, дура, я стукну. — Кар-р!

— Кар-р! — вопит обиженная. От дуры слышу! Сама стукну не хуже твоего. — Кар... карр!

На солнце мокрое перо просыхает, а кажется — пар валит от ворон. Взопрели: шутка ли, раковины колотить при такой жаре?

— Кар-р! — надрывались вороны. — Кар!

Ну, пойдет сейчас потасовка. Не обойтись без драки.

И, видимо, не обошлось бы, когда б третья ворона не выхватила из-под носа у спорщиц злополучную раковину.

Она взлетела вверх с раковиной в клюве. Набрала высоту, разогналась по кругу и, сложив крылья, понеслась на прибрежные камни: в лепешку расшибусь, но и проклятая раковина разлетится вдребезги.

Не ворона ударилась о камни — ударилась выпущенная из клюва раковина.

Крак — и раскрылась на обе половинки.

В раковине, сверкнувшей перламутром, как на тарелочке, лежал моллюск, с виду похожий на студень.

Вороны шеи вытянули изумленно: вот это да-а.

Хитрая ворона опустилась к раковине, и тотчас же обступили ее остальные, завистливо галдя. Завистливо и почтительно одновременно: вот это да — ... Кар-р! Кар-р!

И стали кланчить подачек. Особенно маленькая: пробилась вперед и дрожала мелкой дрожью, пялила клюв. Если студня из раковины не достанется, сразу умрет. Прямо на песке ноги протянет.

Удачливая ворона приступила раковину, как в тарелку черной лапой захватила, и рывнула:

— Кар-р!
Брысь, мол, бесстыжие: на чужой каравай рта не разевай.
Для маленькой все-таки оторвала кусочек и всунула в распяленный
клюв: на, подавись!
И стало ясно, кто в стае стар и опытен, а кому еще учиться и учиться...

НА ПЕРЕМЕНКЕ

В тени от таежного гнуса нет спасения: тучей висят комары, мошкара забирается в нос, в уши, слепни кусают до крови. Из ельника в березняк, взад-вперед, бегало маленькое стадо, нигде не находя себе места.

Тогда лосиха повела семейку к озеру. Она бежала, храпя и мотая мордой. Галопом, вприпрыжку поспевали рыжие телята-двойняшки. На озере они бывали, славно там попиrowали однажды, доставая из-под воды крахмалистые корневища кувшинок. Да на беду были на озере рыбаки. Их кудлатая собачонка тогда наделала переполоху: лаяла, бесновалась и разогнала лосей. Суток двое бродили они порознь, натерпелись страху и лишь на третью ночь лосихе удалось собрать семейку.

На озере лоси с ходу бросились в воду.

Поплывем куда-нибудь?

Понятно, урок плавания...

Но лосиха забрела в заводь, где поглубже, — лишь глаза, ноздри и уши вверх воды, — и коротко промычала: делайте как я.

Лосята тоже забрели в воду и застыли.

Хорошо... До чего же хорошо! И прохладно в воде, и от гнуса спасение! Переменка так переменка — никогда такой не бывало!

Считали рыжие телята, что это перемена, а на самом деле получили от матери новый урок: преодолевают летом слепни — лезь в воду.

Рыбак плыл вдоль берега, кудлатая собачонка дремала в носу лодки. Ни пес, ни рыбак не заметили лосей, приняв их головы за полуза-топленные коряги.

Зачем взвешивают комаров?

*Что труднее всего видеть своими глазами?
То, что лежит перед нами.*

Гете

Тема этого очерка родилась, наверное, в тот момент, когда мы с фотокорреспондентом Надей Медведевой пришли к академику С. С. Шварцу в Институт экологии растений и животных Уральского научного центра совсем по другому поводу. Пришли чуть раньше назначенного срока. Станислав Семенович был занят разговором с одной из лаборанток и предложил нам сесть. Лаборантка докладывала о ра-

боте.

— А чем вы сейчас занимаетесь?—спросил у нее академик.

— Взвешиваю новорожденных комаров. Жду, когда личинка превратится в комара, и взвешиваю. Надя Медведева, готовясь к съемке, пошла по лабораториям института искать какие-нибудь цветы или что-нибудь живое, на фоне чего — поинтереснее — можно снять академика Шварца... Через пятнадцать минут на столе стояла целая коллекция цветочных горшков — все, что, по мнению фотокорреспондента, можно было попробовать в качестве фона.

А я думала о новорожденных комарах.

Новорожденный в нашем сознании — дитя человеческое, которое

в первые минуты жизни похлопывают по слабой спинке, обмывают и взвешивают. Или другое существо, способное вызвать дружелюбие, нежность или хотя бы простое расположение.

А комар — это комар! Легко ли представить, как его, народившегося, подхватывают пинцетом и кладут на маленькие весы...

Месяц спустя, разговор, услышанный в кабинете академика Шварца, получил неожиданное продолжение на скамейке у озера в одном из пригородных домов отдыха.

В наш век мы все насыщены о биологическом равновесии в природе. И в этот день разговор зашел именно об этом. Преувеличивают или нет опасность ученые, предостерегая человечество от бездумного и невежественного вмешательства в дела природы, что, в конце концов, может привести к биологической катастрофе?

Дело клонилось к вечеру. Воздух был пропитан ароматом хвои, предзакатное солнце еще обнимало землю, но уже не жгло. Все было покойно. Рыбаки рассаживались по лодкам — попытаться счастья на вечернем клеве.

— Преувеличивают,— сказал по-

жилой мужчина.— Сильно преувеличивают.

Возражать ему никто не стал. А мне вдруг захотелось удивить сидевших на скамейке чем-то неожиданным.

— Вы знаете, в институте экологии взвешивают новорожденных комаров...— сказала я.

Женщина с журналом «Иностранная литература» в руках посмотрела на меня с изумлением:

— Простите, а кого это могло заинтересовать? Я, конечно, понимаю: биологическое равновесие. Но какую роль в природе могут играть комары?

Нигде человек не остается так субъективен, как в оценке окружающего нас живого мира. На каждом шагу наше «красиво» или «некрасиво», «полезно» или «вредно» служит критерием, позволяющим судить о природе, а иногда и вершить судьбу ее созданий. Кто из нас не наступал ногой на безобиднейшую гусеницу только потому, что она кажется нам уродливой!

Перед наукой — все равны. Любая жизнь, даже та, с которой почему-либо надлежит бороться, — это жизнь, требующая пристального внимания, изучения и, конечно, объективности.

Комар — это комар. И дело тут не только в эмоциях. Малярия, которую он разносит, — бедствие в некоторых районах земного шара. Комары способны снижать производительность труда людей на 20—30 процентов, а продуктивность животных — на 40 процентов. Они мешают строить города в тайге, осложняют работу геологов. Разве недостаточно этого, чтобы подписать комару смертный приговор?

Оказывается все куда сложнее.

— В биологии сказать «да» или «нет» порой так же трудно, как и в физике, — говорит заведующий лабораторией энергетика биогеоценологических процессов профессор Николай Николаевич Данилов. — Разница лишь в том, что человек, несведущий в физике, считает себя не вправе судить о тех или иных явлениях, связанных с ней. Биология же, к сожалению, часто кажется простой. Ведь жизнь природы — вроде бы у нас перед глазами. На самом деле сущность процессов, происходящих в ней, запрятана далеко.

Не стоит обольщаться собственной силой, когда речь идет о том, что веками шлифовалось и приспособлялось к жизни в мастерской природы. Мы не одни на земле. Только насекомых приходится по 250 миллионов на человека! И многие виды — загадки, которые еще предстоит разгадать.

А комар? Мы вроде знаем его. Но, может быть, это нам всего лишь кажется?

* * *

Младшего научного сотрудника энтомолога Наташу Николаеву я почти всегда заставляла за микроскопом. Николай Николаевич представил мне ее как специалиста по комарам. Во всяком случае, наблюдения, коллекции этих насекомых, подсчеты сосредоточены у нее. Зимой сна работает с трофеями, добытыми во время полевых исследований в тундре.

На столе — десятки пробирок с комарами. Наташа изучает, какие виды обитают в тундре.

Внешне они кажутся одинаковыми, а под микроскопом их можно различить.

— На личинку комара хотите посмотреть? — она достает из пробирки нечто червеобразное с большой головой, не вызывающее у меня никакого восторга.

— Сейчас увидите, какая это красавица, — без всякого юмора говорит Наташа, толкая личинку под микроскоп. — Смотрите, какие у нее огромные глаза!

Я смотрю.

— Вообще эти личинки довольно интересные животные, — снова говорит Наташа. — Хотя у них есть жабры и они живут в воде, но время от времени выставляют на поверхность особую трубочку — вот она, видите? — и дышат воздухом. Если водоем залить тонкой нефтяной пленкой, личинки погибнут.

Из этих созданий и получаются комары. А появившись на свет, они несколько часов отдыхают в тени и сохнут. Потом самки энергично берутся за дело. Им нужна кровь для очередного потомства, и они мечутся по тундре в поисках объекта нападения.

— Знаете ли вы, что на Севере всего полтора комара на один квадратный метр? Когда говорят о тучах этих насекомых, то это — и действительность и, в какой-то мере, легенда. Секрет в том, что один человек и две собаки могут привлечь их к себе с огромного пространства.

А вот самцы комаров ведут праздный образ жизни: в основном отдыхают в кустах и питают-

ся нектаром. Самки сбрасывают яйца в водоем, но не во всякий, а сначала пробуют воду на вкус — пригодна ли она для будущих личинок?

— Это очень любопытное зрелище — когда самки с высоты сбрасывают в воду яйца.

Я пытаюсь выяснить у Наташи технологию наблюдения этого редкого зрелища.

— Технология простая, — говорит она. — Сидишь на берегу водоема и смотришь.

— И что же — видно?

— Конечно, видно!

— Невооруженным глазом?

— Невооруженным. Если бы вы попытались — тоже увидели бы. Дальше я не раз убеждалась, что по сравнению с биологами каждый из нас начисто лишен зрения.

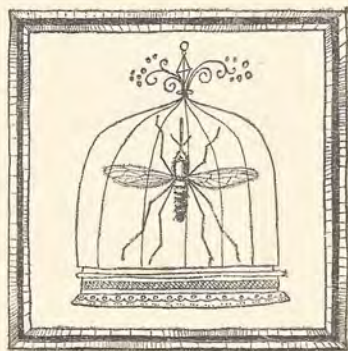
Год назад Наташа не знала о комарах почти ничего, разве что несколько скупых строчек из пухлого зоологического справочника. Будущий объект исследования был не только загадкой, но и пугалом, которым не без юмора пользовались тоже молодые, но уже побывавшие в Салехардском стационаре коллеги. Перед началом полевого сезона ей дали прослушать записанный на пленку мощный комариный «рев»: «Вот, Наташа, что тебя ожидает в тундре!»

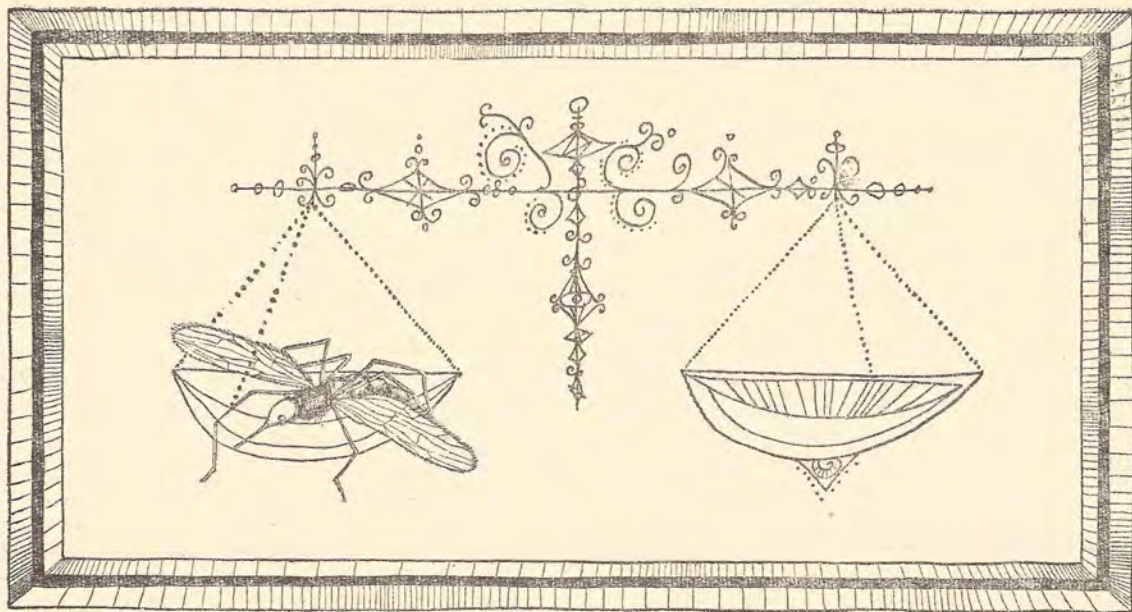
— Ну и как? — спрашиваю у Наташи.

— Вы видели когда-нибудь тундру?

Тундру я не видела. Хотя кто в принципе не знает, что это такое? Бескрайняя, не очень веселая равнина: мхи, чахлые кустики, много воды...

— Так вот, про тундру. Высадил нас катер на берегу Оби, и я увидела коричнево-жухлую землю и вдалеке фигурки двух людей и собаки. В первый момент меня охватило чувство отчаяния: казалось, сбывались худшие предположения. Я уже готовила себя к тому, чтобы мужественно перенести лето в этой пустыне без красок, без видимой жизни... Но

через два дня тундра стала нежно-зеленой, потом белой. Зацвели первые цветы, и так внезапно, дружно, так неожиданно щедро. Еще через пару дней тундра стала розовой. Это зацвели другие цветы. С тех пор Север удивлял меня не однообразием, а скорее резкой сменой красок, их необычной яркостью, почти без полутонов. Нигде нет таких закатов, таких сочетаний оранжевого с фиолетовым, багрового с голубым, таких мгновенных перемен. В средней полосе природа куда щедрее, а краски кажутся скромнее. А может быть, они не так заметны, потому что более постоянны? На Севере все торопится изменить свой облик — надо успеть принести плоды в короткий отрезок полярного лета.

На каждом шагу тундра полна неожиданностей. По вечерам здесь видно, как туман подползает к ногам, а роса часто замерзает, и все цветы покрываются тонкой корочкой льда. Стукнешь по ромашке, а она звенит, как хрустальная...

По словам академика Шварца, Север привлекает тем, что там сталкиваешься с природой в чи-

стом виде. Редко можно встретить след человека.

Для биолога такое место — находка, готовая лаборатория. Он может наблюдать жизнь животных и растений в естественных условиях, когда их взаимосвязи не нарушает цивилизация. Есть в тундре и еще одно преимущество — там значительно меньше видов, которые входят в живые сообщества, по сравнению со средней полосой, например. Но взаимодействуют они по тем же законам, что и везде. Поэтому тундра — как бы несколько уменьшенная естественная модель жизни природы, и изучать ее несравненно легче.

Когда первые посланцы института экологии — ихтиологи — прибыли в поселок Лабитнанги в 1956 году, цель у них была прикладная — исследовать промысловые породы рыб. А после потянулись туда и другие ученые. Практически из всех лабораторий — ботаники, почвоведы, радиобиологи, энтомологи, орнитологи. Не только потому, что встретили там, в некотором роде, идеальные условия для широкого изучения живых систем. Многие полюбили Север.

Чем же заняты в тундре сотrudники лаборатории энергетики биогеоценологических процессов?

В основном наблюдениями за жизнью некоторых видов животных и подсчетами. И что только не считают ученые! Николай Николаевич Данилов показал любопытную карту Салехардского стационара. На ней были помечены все птичьи гнезда в зоне исследований.

Орнитологам нужно знать не только количество птичьих гнезд, но и «семейные» секреты. Кто сколько вывел птенцов? Кто из них благополучно достиг совершеннолетия, а кто погиб и почему? Чем питались птенцы и сколько они съели за лето? Все это надо узнать, не нарушая естественного течения жизни птиц. Частенько у «малышей» хитростью отнимали пищу. Для этого молодые орнитологи Слава Рыжановский или Вадим Рябицев перевязывали шейки птенцов ленточкой. Принесенный мамашей корм взвешивали.

У энтомологов свои подсчеты и карты. Да и методы тоже свои. Они срезают пласты земли вместе с живым содержимым и выбирают из них всех насекомых.

У Наташи для счета комаров есть сачок. Она определяет, сколько их попадает туда за 25 взмахов, за 50 или 100, и таким образом подсчитывает общее количество насекомых, обитающих в разных районах в разное время.

Со стороны такие занятия могут показаться странными и даже праздными. Кажется — причем тут сложные жизненные процессы? Какое отношение имеют они ко всей этой бухгалтерии?

Из века в век в природе совершает свой круговорот живое вещество и происходит постоянный обмен «ценностями» между отдельными видами, растениями и животными, живой и неживой природой.

Используя энергию солнца, растения создают из простых химических элементов органическое вещество. Это замечательное свойство, названное в науке фотосинтезом, присуще только растениям. И оно есть начало начал в круговороте жизни. В конечном счете, преобразованный солнечный луч заключен в каждом из нас. В книге К. А. Тимирязева «Жизнь растений» есть такие лирические строки: «Поэт-мечтатель, с грустью взирающий на прозаический труд ученого, с удовольствием услышит от него, что он сам, поэт, такое же эфирное существо, сотканное из воздуха и света, как и бесплотные создания его фантазии».

Во что же превращается энергия солнца? Сначала в зеленый лист. Потом в биомассу животных, которые строят из него свое тело. Но все, что рождается, в конце концов стареет и умирает, возвращаясь к природе в виде простейших элементов. Без этого невозможна новая жизнь. Отмершие остатки растений и животных разлагаются при помощи грибов и бактерий — этих служителей смерти и жизни одновременно. Именно они играют роль редуцентов и поддерживают на земле круговорот вещества и энергии.

В природе все подчиняется точ-

ному-счету. В окружающем нас мире постоянно проводится — да простят меня за грубое сравнение — строгая инвентаризация живой продукции. Любое нарушение баланса заставляет природу принимать пожарные меры и при помощи особых внутренних механизмов восстанавливать равновесие.

Продуктивность вида, количество биомассы, которую он производит, зачастую определяет его главенствующую или побочную роль в энергетической цепочке. Некоторые из видов концентрируют в себе огромные запасы живого вещества. Нарушить их нормальную продуктивность — значит подорвать воспроизводительные силы многих других видов, которые от них зависят.

Вот поэтому ученым тоже приходится и считать, и составлять карты распределения биомассы в разных районах. Однако ответить на вопрос, сколько производит данный вид, сколько отдает на потребу другим, сколько потребляет сам, — мало.

Одна только количественная экология не может служить ключом к решению сложных загадок природы. Ученым приходится изучать живые организмы и на уровне молекул, а также наблюдать за образом жизни той или иной популяции.

Во всех кабинетах лаборатории энергетике биогеоценологических процессов можно увидеть небольшие этюды, написанные маслом. Живопись — увлечение орни-

толога Вадима Рябицева. Правда, среди его пейзажей нет ни одного, который бы изображал тундру. Там — некогда! Однако и на Севере художник в нем не пропадает. Никто не умеет лучше него сделать чучело птицы. Почти не отличишь от живой. А после, взяв чучело в помощники, Вадим часами наблюдает за поведением птиц. Какие черты характеризуют ту или иную птицу? Агрессивна — значит, займет лучшую территорию, где много корма, а вместе с этим и главенствующее положение среди других пернатых.

Мало сосчитать, взвесить и определить биомассу комаров. И здесь надо знать, как живут эти насекомые.

Ученые сделали вывод, что тундровые комары — не последнее звено в биологической цепочке на Севере. Именно они в большой мере берут на себя роль редуцентов, питаясь отмершими остатками растений.

И как нередко бывает в науке, эту гипотезу однажды блестяще иллюстрировал случай. Наташа поместила в одну банку с водой личинки комара и гусеницы ручейника, которые обычно живут в «домиках», сооруженных из отмерших растений. И забыла личинок накормить. А утром обнаружила, что все ручейники «раздеты». Личинки съели «домики».

Вечная мерзлота, недостаток тепла в почве мешают в тундре бактериям заниматься своим полезным делом. Зато кругом множество водоемов, иные похожи на большие лужи. Отжившие растения попадают в основном туда и, конечно, «на стол» к личинкам комаров, которые их перерабатывают. И процесс разложения органических веществ завершается здесь быстрее, чем в наших средних широтах, что для Севера очень важно.

Сколько же отмершей растительности могут переработать личинки? Оказалось, что к концу своего развития, через 22 дня, все они вместе — до 80 килограммов на гектаре.

Так как же теперь быть с комарами? Вроде бы очистил от них тундру — и порвется звено в балансе природы, да еще какое звено!

Ученые подсказывают другой выход: не истребить комаров, а, например, заселить тундру другими их видами.

Оказывается, комар комару рознь. Не все относятся к лютым кровопийцам. Есть виды, которые в этом смысле столь же безобидны, как самые мирные бабочки. Правда, для тундры они бесполезны. Не хотят есть отмершие растения, а питаются своими собратьями — личинками кровососущих популяций. Однако, наблюдая за жизнью комаров, ученые обнаружили и такой любопытный факт: даже внутри видов, нападающих на человека и животных, есть самки, которым для воспроизведения рода не нужна кровь. Они уже в личиночной стадии наелись — получили достаточное количество питательных веществ. Личинки, которые дали таких комаров, отличаются некоторыми особенностями, например, большим весом. Что если научиться как-то заранее воздействовать на них? Чтобы они съели чуть больше обычного и дали поколение безобидных комаров.

Идея эта может показаться фантастической. Не приказывать же личинкам, чем и как питаться?

А почему бы и нет?

Есть ли вообще такой язык, на котором разговаривает природа?

Оказывается, языков много. И у каждой популяции свой. Но в их основу положен один принцип. Ученые открыли, что продукты обмена — метаболиты, которые живые организмы выделяют в среду своего обитания, достигнув определенной концентрации, как бы подадут команду, что пора переходить на другую ступень развития. Если же на данной территории перенаселение, то головастики лягушек или личинки насекомых, к примеру, под воздействием метаболитов резко затормозят развитие, а многие из

них ради пользы общего дела погибнут. В другом случае метаболиты могут, наоборот, стимулировать рост организмов. Диапазон их влияния довольно широк и, если расшифровать до конца этот своеобразный код, можно будет воспользоваться им, чтобы отдавать популяции нужные «приказания».

Но пока осуществить это не удастся. Метаболиты — сложные белковые соединения, которые очень трудно выделить, а тем более синтезировать.

Однако опыты в этом направлении уже проводятся. Любопытно, что, если в лабораторных метаболитах не хватает всего двух-трех компонентов, подопытные головастики лягушек, хотя с трудом, с ошибками, все же выполняют в своем развитии отданный человеком приказ. Но чем меньше остается компонентов, тем хуже они подчиняются химической команде или вовсе не могут ничего понять. Все равно, как если бы перед нами было слово, в котором не хватало только буквы, слога или половины букв...

Попытка изменять природу — не такой уж варварский акт, как иногда его представляют. Ведь природа и сама не стабильна. Изменчивость движет ею, помогает устоять, выжить, приспособиться. В этом смысле она дает не только вечную работу ученым, но и наглядный урок. И беда не в том, что человек вмешивается в ее дела, а в том, что он учи-

тывает при этом чаще всего только свои интересы. Если научиться разговаривать с природой на ее языке, можно будет менять облик земли не только без ущерба для окружающей жизни, но и преумножая ее богатства.

И тундра может стать богатой не только красками и рыбой, но и травостоем, островами цветущей черемухи, ели, березы. Ведь как ни прекрасен, как ни своеобразен сейчас этот край, а все-таки многого там недостает нашему сердцу. Придет время — человек принесет на землю Крайнего Севера не только цивилизацию, он обогатит его природу.

И не под стеклянным потолком будут зреть гроздь смородины, а прямо под северным небом. Природа сама построила модель будущей тундры. В южной части Салехардского стационара, в пойме реки Ходыты, есть и черемуха, и ель, и береза, и лиственница, и жимолость, и красная смородина, и трава не хуже, чем у нас, на Среднем Урале.

Возможно ли расширить зеленый оазис у Ходыты?

Ученые института экологии считают — возможно. Во всяком случае, на значительной территории. Теоретические предпосылки для таких преобразований есть уже сейчас.

Удивительно, что для этого человеку не нужно в буквальном смысле слова наводнять тундру пока чуждой ей флорой. Достаточно будет изменить лишь одно звено в цепочке сложившегося там биогеоценоза. Растительность в тундре сдерживает главным образом мох, который сохраняет вечную мерзлоту близко к поверхности. Если на отдельных участках тундры заменить мох на травяные сообщества, это само по себе послужит толчком для бурной растительной и животной жизни.

Словом, детали — уже дело самой природы. Кстати сказать, именно они — главная работа, если не сказать, самая сложная и тонкая.

Уже в середине мая в институте экологии царит особая, «предполовая» озабоченность. Обсуждаются маршруты экспедиции, состав групп, задачи, ближние и дальние.

Наташа Николаева опять собиралась в тундру. Только теперь —

как на праздник. Соскучилась она по северному раздолью и по... комарам.

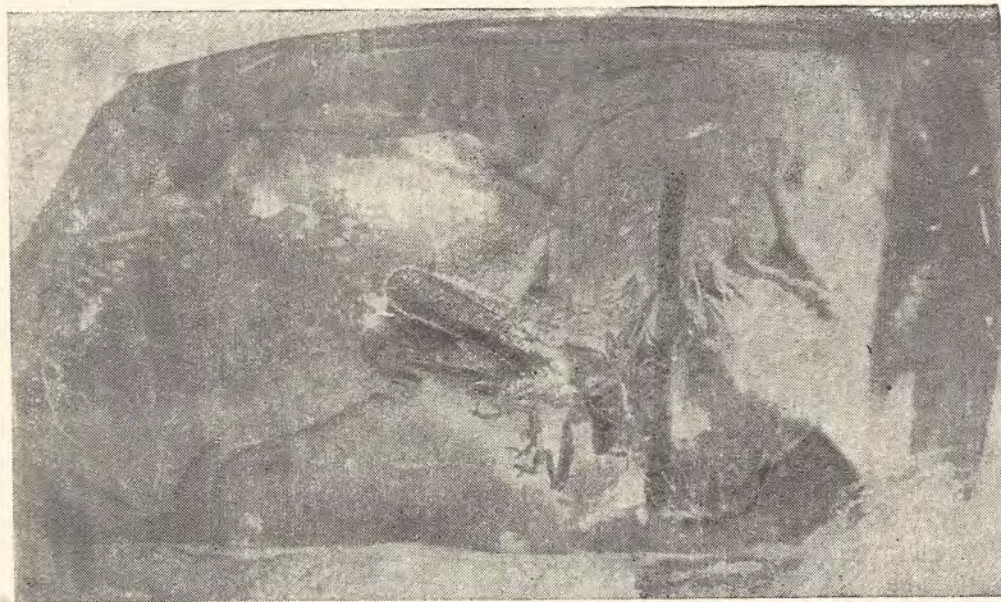
Теперь ей предстоит прямо-таки ювелирная работа — метить комаров разных видов краской, а потом ловить их, чтобы точно представлять, какие точки они предпочитают для местожительства. Только вот какой краской,

пока не придумала. Масляной? Пожалуй, не взлетят — слишком для них тяжелая. А легкую первый же дождичек смочет...

Вот такие проблемы. Вполне научные и достаточно житейские.

Рисунки З. Баженовой

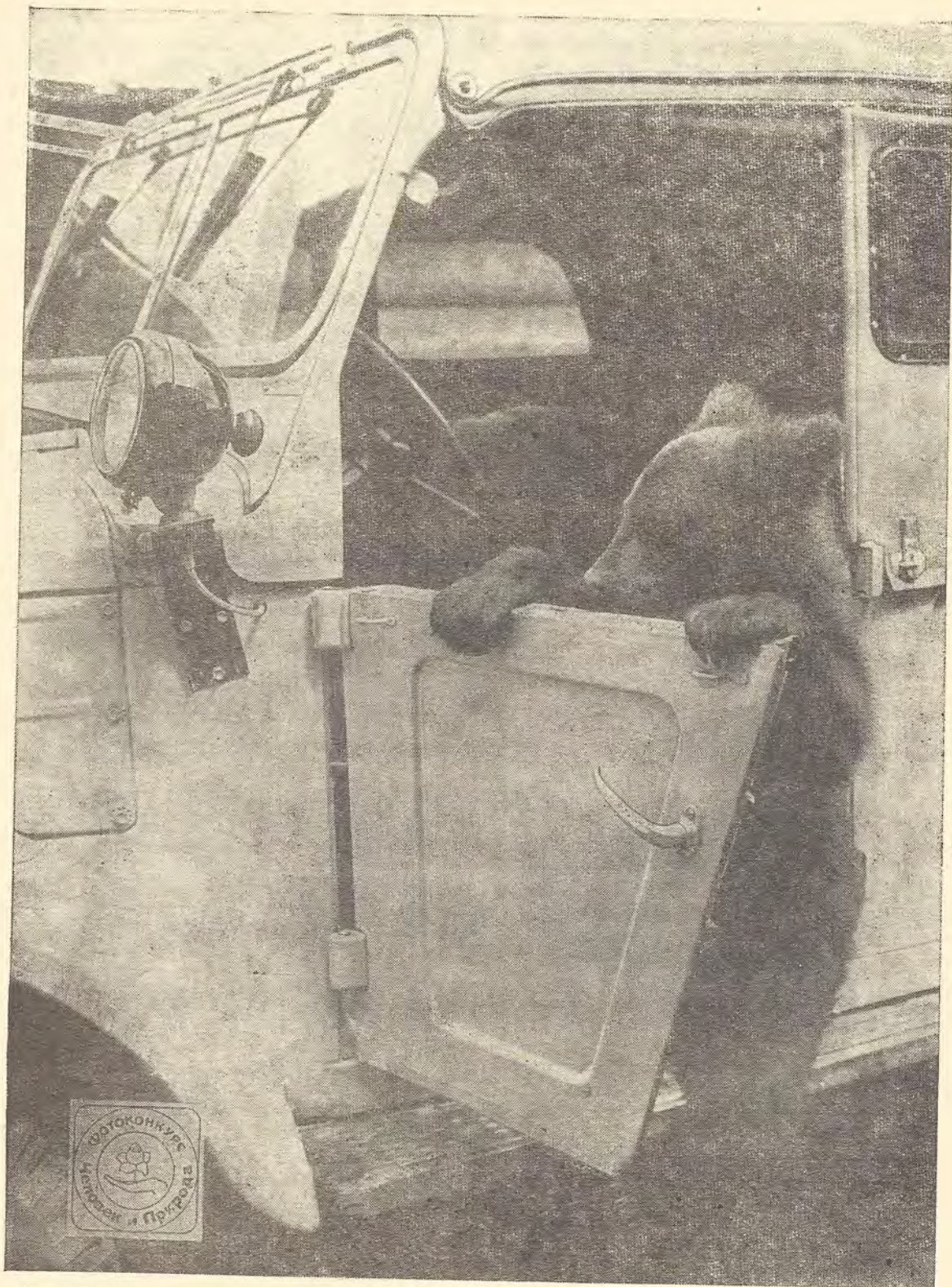
ЖУК В ЯНТАРЕ

Возраст янтаря насчитывает десятки миллионов лет. В некоторых кусочках этого лучистого камня можно увидеть посланцев далеких эпох — застрявших насекомых, веточку хвои. Эти немые «свидетели» представляют огромную научную ценность, вызывают в человеческом воображении картины давно ушедших времен.

Не так давно один мой товарищ — страстный собиратель минералов, получил из Прибалтики новогодний подарок — кусочек янтаря, в нем отчетливо виден жук. Подарок занял свое почетное место в коллекции.

Борис ЦИМАКУРИДЗЕ

Эх, прокачу!

Фото А. Грахова (г. Свердловск)

ХОДЯТ ГОРЫ ПО ГОРАМ

Фото Л. Беллева (г. Днепропетровск)

МАЛЫШ

Фото В. Юхина (г. Казань)

ХЛЕБОРОВ

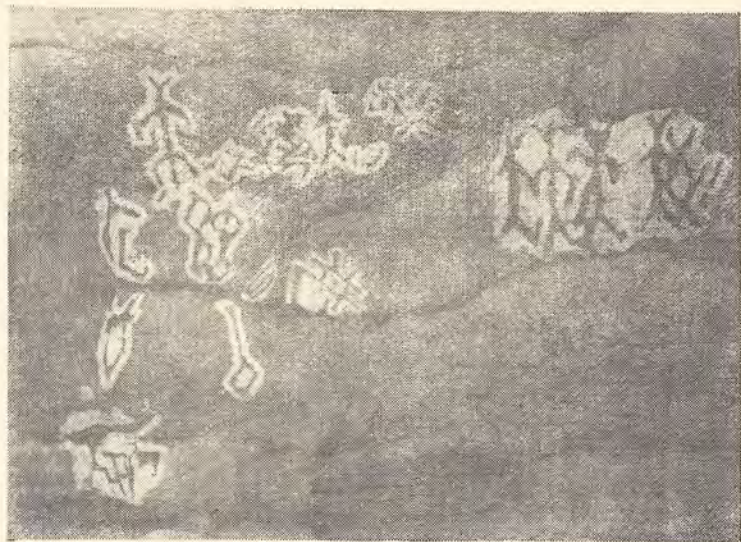
Фото А. Лысякова (г. Свердловск)

РУКА ЧЕЛОВЕКА

Фото В. Рождественского
(г. Свердловск)

РИСУНКАМ ТЫСЯЧИ ЛЕТ

Урал богат историческими памятниками. Большинство из них надежно скрыто от глаз наблюдателя под покровом земли. Однако есть и такие, увидеть которые можно без раскопок. Это древние рисунки на скалах, или «писаницы», как их обычно называют. Они представляют большой интерес для науки, — ведь это первые произведения изобразительного искусства человека. Однако и писаницы обнаружить нелегко — спрятанные в лесах, вдали от населенных пунктов, они редко попадают на глаза человеку. Да и время не щадит их — они стираются, выцветают, выкрашиваются.

Тем интереснее и важнее найти и описать их. И вот мы едем к одной из писаниц.

...Мы на берегу озера Большие Аллаки, что на севере Челябинской области. Еще в 1914 году где-то на прибрежных скалах этого озера известный уральский археолог В. Я. Толмачев нашел древние рисунки. Их, возможно, видели и другие ученые, но до сих пор мы не знаем их точного местонахождения, нет их копий и научных описаний.

Наша группа движется вдоль берега, осматривая скальные выходы. Внимание то и дело при-

влекают красные пятна, кое-где проглядывающие на серых гранитных глыбах. Так хочется увидеть в этих пятнах то фигуру человека, то какого-то странного зверя.

Большая часть маршрута уже позади. Мы вплотную приближаемся к скалам, которые местные жители называют каменными палатками.

Первобытные люди обычно выбирали для рисунков места, хорошо защищенные от дождя и ветра и освещенные солнцем. Поэтому мы внимательно осматриваем уступы скал. И действительно, под одним из козырьков в глаза бросились красные пятна охры. Приглядевшись внимательно, видим первые изображения. Не улеглось оживление первого открытия, как с северной стороны под навесом скалы обнаружили «панно» с еще большим количеством рисунков.

В основном это человеческие изображения. Нанесенные охрой различных оттенков, они то бордового цвета, то нежно-розовые, а иногда коричневатые. В самой верхней части писаницы, как бы приподнявшись над множеством других рисунков, виднеется фигура пляшущего человечка. Несмотря на условность изображения и нарушение пропорций, чувствуется порыв, движение. Одна нога человека выпрямлена, другая согнута в колене, туловище, если судить по положению рук, находится вполоборота к зрителю. Правее фигуры пляшущего человечка видно несколько изображений, выполненных в том же стиле. Рисунки располагаются рядом, они

почти слились, скорее всего изображается тесный круг танцующих.

Ниже видны линии бордового цвета, образующие непонятную фигуру. Какой смысл вложен в этот символ? Что это — капкан или ловушка, а может быть, изображение тотема, родовая тамга или магический знак, с которым связывалась удача на охоте?

Удивляет, что преобладающие на уральских писаных камнях изображения животных здесь отсутствуют. А ведь тематика писаниц всегда зависит от того, где она находится. На скале около реки, где обычно проходит лов рыбы, скорее всего будут преобладать рисунки, связанные с этим занятием. В местах, где охотились на крупных животных, конечно же, будут господствовать их изображения. Здесь же одни люди...

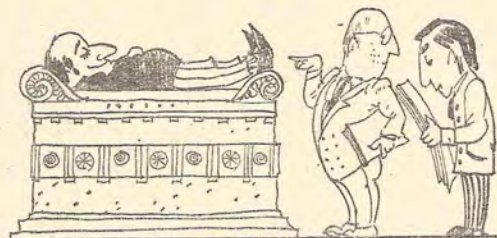
А может быть, это место связано не с хозяйственными делами, а с проведением каких-то обрядов? Представьте себе, что здесь две тысячи лет назад горели костры и люди собирались, чтобы отпраздновать заключение браков между молодыми людьми разных родов. А художник оставил потомкам изображение обрядовой пляски.

А пока мы укладываем в полевые сумки рулоны кальки со снятыми на ней рисунками, собираем рюкзаки. Первая наша археологическая разведка закончена.

В. ПЕТРИН, Н. СМИРНОВ,
студенты
Уральского госуниверситета.

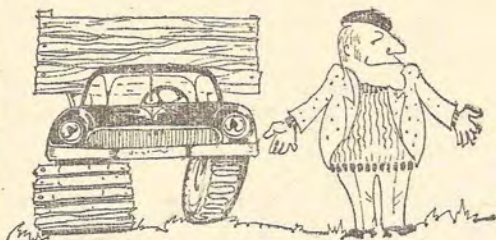

- «ЛИШНЯЯ МУМИЯ»
- ЧЕЛОВЕК В АКВАРИУМЕ
- АВТОГИБРИД

В музее канадского города Сассекса во время инвентаризации обнаружили лишнюю мумию. Но тут же все разъяснилось: за мумию работники музея приняли одного из служителей, который спал на крышке саркофага.

Когда известная японская фирма выпустила в продажу очередную модель автомобиля, в рекламном проспекте много писалось о его водонепроницаемости. В доказательство этого по улицам Токио ездил новый автомобиль, наполненный водой. Водитель сидел за рулем в водолажном костюме, а вокруг него плавали золотые рыбки. Понятно, что столь необычайное зрелище неизменно приковывало к себе внимание публики.

Когда шотландец Джон Мак Травиш покидает родное село и появляется на улицах города Абердин на своем автомобиле, вокруг него, как правило, собирается толпа. Внимание зевак приковывает не сам Травиш, а его автомобиль, представляющий собою гибрид трактора, грузовика и легкового автомобиля. Мистер Травиш охотно поясняет любопытным: «Разве же я виноват, что запасные части для автомобилей — такой дефицит!»

Главный редактор С. МЕШАВКИН

Редколлегия: А. АСС, А. БОГАЧЕВ (зам. главного редактора), МУСА ГАЛИ, А. ДОМНИН, Б. КОЛЕСНИКОВ, В. КРАПИВИН, Ю. КУРОЧКИН, Г. МАШКИН, Н. НИКОНОВ, Л. РУМЯНЦЕВ, К. СКВОРЦОВ, И. ТАРАБУКИН (ответственный секретарь), В. ШУСТОВ

ОБЛОЖКА Е. СТЕРЛИГОВОЙ

РУКОПИСИ НЕ ВОЗВРАЩАЮТСЯ

Художественный редактор М. Горшкова. Технический редактор Э. Максимова.

Корректор В. Бурангулова

Адрес редакции: Свердловск, ГСП-353, ул. 8 Марта, 8. Телефон 51-22-40

Средне-Уральское Книжное Издательство.

Сдано в набор 27/IX 1973 г. НС 31516. Подписано к печати 20/XI 1973 г. Бумага 84×108¹/₁₆=2,62 бум. л.— 8,8 печ. л. Уч.-изд. л. 9,6. Тираж 220 000. Цена 30 коп. Заказ 415.

Типография изд-ва «Уральский рабочий», Свердловск, пр. Ленина, 49.

Жили-были дед да баба...

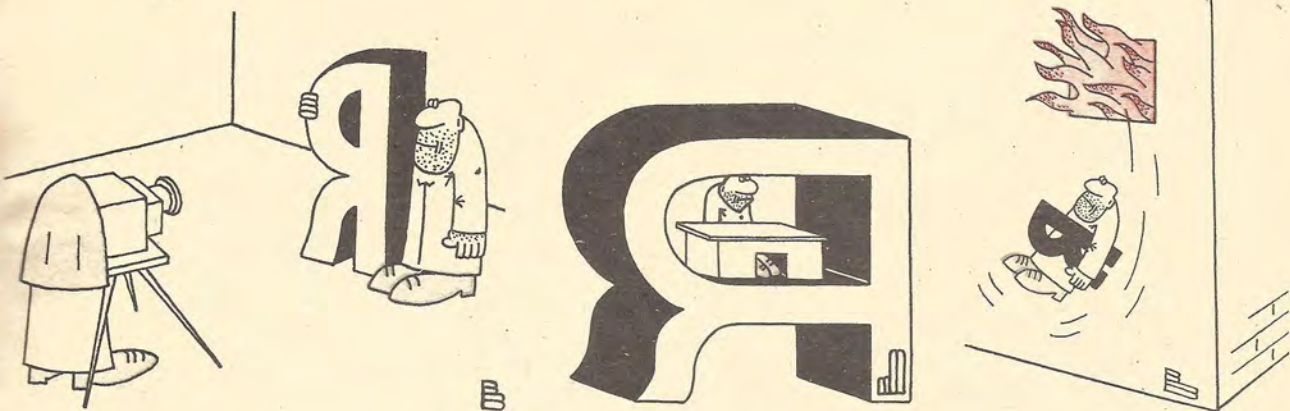
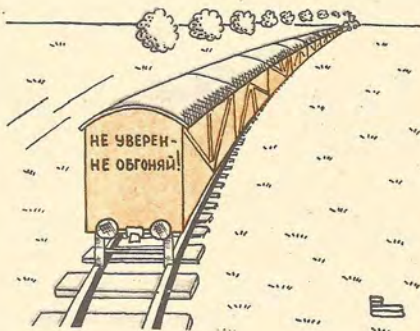
Рисунки
братьев Васильевых,
А. Курицына,
В. Васильева.

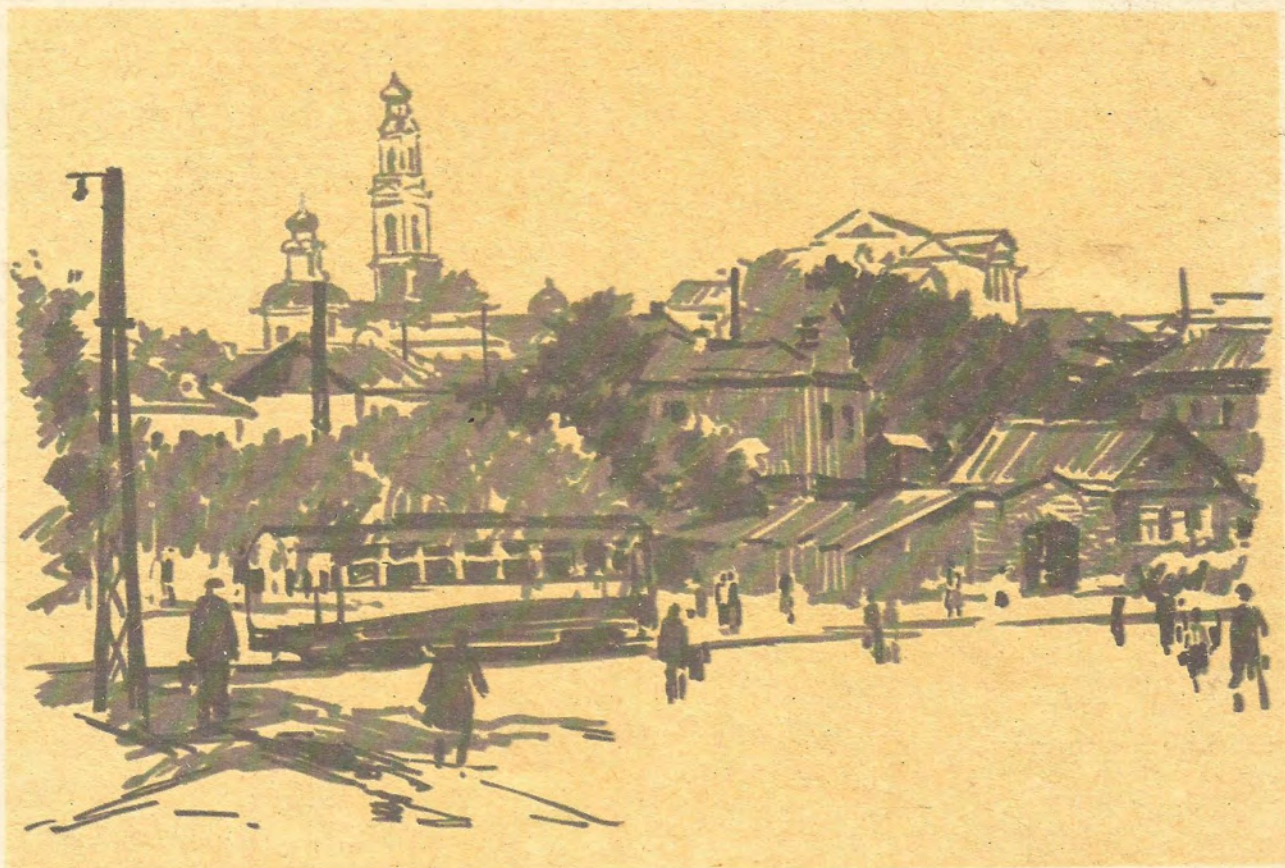
— Ну, заяц, погоди!

— Не можешь — научим.
Не хочешь — заставим!

САМОУТВЕРЖДЕНИЕ

СТАРЫЙ ГОРОД

В. ЯКОВЛЕВ (г. Свердловск)